

№ 9

2009

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ**
(г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ**
(г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

В. Дмитриченко. «Алый парус, по небу летящий...». Стихи 3
Т. Нечаева. «За всё я судьбе благодарна...». Стихи 41
Поэтическая мозаика. Стихи Л. Телицкой, В. Стовбуна,
А. Серовой, М. Медведева, С. Снегирёва, И. Суворовой 57

Проза

А. Пройдаков. Целитель. Повесть. Часть 3.
Огненный шар (окончание)..... 13
В. Колин. Детский сад. Рассказ 48

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.
Записки редактора. Книга вторая (продолжение) 61

© «Нива», 2009, Астана

К 65-летию Великой Победы	
С. Жагипаров. Крылатый сын аула Курголь	89
Культура. Общество. Личность	
<i>К 100-летию Павла Васильева</i>	
О. Григорьева. Это было в тридцатых	98
Публицистика	
В. Могильницкий. Прогноз академика	104
Наследие	
А. Тарасенко. Прежде чем проповедовать.....	110
Актуальный диалог	
Э. Кривобоков. Атман, который спасёт мир	118
Вре́мён связу́ющая нить	
В. Владимиров. Досье для Первого, или По нотам волчьей дружбы. Исторические параллели. Из цикла «На плахе XX века» (продолжение).....	131
Критика и литературоведение	
Р. Ляшева. Евразийские мотивы степняков	162
На житейских перекрёстках	
Е. Дайлидко. Всё только начинается; «Полосатая» жизнь... ..	166
Приключения. Детектив. Фантастика	
А. Смирнов. Камень; Пять шагов. Рассказы	171
<i>Изоальбом «Нивы»: природа степного Приишимья (из фотокниги «Алтын Арка»).</i>	

Валентина ДМИТРИЧЕНКО

*“Алый парус,
по небу летящий...”*

Казахстан

Мой вагон проплывёт
За товарной цистерной,
И прогнутся под тяжестью
Груза пути.
Трёхминутной стоянки
Мне хватит, наверно,
Чтобы, взяв чемодан,
На платформу сойти.

Сколько раз я с неё
Уезжала в туманы
За обещанной жизнью
Счастливой судьбой..
Сколько раз мне судьба та
Нутро, как карманы,
Выворачивала
И звала за собой!

Жарким поднем июльским
Иль утром морозным,
В оглушительном лязге
Вагонных колёс,
Мой приезд оглашался
Гудком паровозным,
Долетая до неба,
До солнца, до звёзд!

**Валентина
Гапуровна
ДМИТРИЧЕНКО**

родилась в 1956 году в селе Лузинке Северо-Казахстанской области. После окончания средней школы работала воспитателем, преподавателем, библиотекарем. Стихи начала писать ещё в школе. Публиковалась в газетах “Восход”, “Ишим”, “Ленинское знамя” (ныне “Северный Казахстан”). В 1976 году переехала в г. Невинномысск Ставропольского края, где живёт уже двадцать с лишним лет. Работает предпринимателем.

Автор поэтических книг “Выбираю любовь”, “Подкова на счастье”, “Продолжается жизнь”, “Звезда в колодце”. В “Ниве” выступает впервые.

Встреча

Первый дом от поворота,
В толь обвёрнутый амбар
И зелёные ворота
Встретят свет машинных фар.

Выйдет мама и сквозь слёзы
Улыбнётся. А потом
Пёс лохматый безголосый
Будет землю бить хвостом.

Сердце сладостно занует,
Только в горницу войду.
Всё, потерянное мною,
В этой горнице найду.

И до самого рассвета,
Вспомнив всё: и Крым, и Рим —
С песней, бабкой недопетой,
За столом проговорим!

В тёмный лес по соседству
Небо звёзды прольёт.
В пёстрой памяти детства
Звонко птица поёт.

Листьев глянцевых блики,
Тихий звон бубенца.
Сладкий дух земляники,
Горький дух чабреца.

Мягко светятся сосны
Сквозь тумана канву.
Небо ковш семизвёздный
Опрокинет в траву.

В радость детским утехам
Зазвучит пастораль.
И откликнется эхом
Васильковая даль.

Бабушка Алёна

Деревенька Лузинка,
Белая дорожка.
На оконце узеньком
Яркая матрёшка.

Галки у завалинки
За ивовым тыном.
Обметаю валенки
Веником полынным.

Петушиным голосом
Кукарекнул двери...
У бабули волосы
Рано побелели.

Веретёнце — прялочка,
Половик зелёный.
Леденец на палочке.
Бабушка Алёна.

Пирог — оладушки —
Не горбушка хлеба...
А глаза у бабушки
Синие, как небо.

А сверчок калякает
Сам с собой за печкой.
И тихонько звякают
Спицы о колечко.

На сеновале

Этот сказочный рай.
Где загадок навалом, —
Дёрном крытый сарай
С чердаком-сеновалом.

Где достать до звезды
Было попросту-просто.
Сквозь худые пласты
С неба сыпались звёзды.

В душном чреве “норы”,
Как в глубоком тоннеле,
До утра комары,
Словно струны, звенели.

Месяц, выгорев, тух.
И не мог в одночасье
Голосистый петух
До меня докричаться.

Родина

Привет тебе, родное захолустье!
Знакомый двор, калитку распахни.
Здесь так легко то в радости, то в грусти
Текли “весны моей златые дни”.

Сирень ломилась в низкие оконца,
Тяжёлый шмель гудел над головой,
На чистый пол бросало блики солнце,
И в доме пахло хлебом и халвой.

Летела жизнь. В траве играли дети.
Была прочна на лёгком змее нить.
И так хотелось жить на белом свете,
Творить добро и верить, и любить.

Где кумачом осины пламенеют,
Где мне любые ветры по пути.
И где сосед соседу не посмеет
С пустым ведром дорогу перейти.

Здесь всё моё: от яркого созвездья
И песни, что дарована судьбой —
До дыма над трубой, что в поднебесье
Уходит тонкой струйкой голубой.

В отчем доме

Расписная матрёшка —
Петухи на жилете.
Там подсолнух в окошко
Ярче солнышка светит.

Там туманы — как пена,
Там приземисты хаты,
Там пропитаны стены
Сладким запахом мяты.

Там на краешек самый
На скамейку присяду..
— Что печалишься, мама?
Или встрече не рада?

Расскажи, как живётся
В глухомани без света?
«Всё сгорело от солнца —
Ни дождевки за лето».

— Не писала давненько,
Зиму как зимовала?
«Ничего, помаленьку,
И похуже бывало!»

На родной сторонке

Выйду в степь за лесом
На родной сторонке.
Из-под ног горохом —
Перепёлок стая.
Бубенец июля —
Жаворонок звонкий
Долго заливаться
Будет, не смокая.

Запылают зори
Жарче губ желанных,
Поплывут туманы
По низинам влажным.
И, как символ детства,
В небе Казахстана
Промелькнёт над крышей
Голубок бумажный.

Постою немного
На лесной опушке,
Где, катая гальку,
Родничок картавит.
Быстро посчитает
Мне года кукушка —
Помолчит и щедро
Чутьочку добавит.

Долго будет сниться
Мне льняное море.
Долго... Ну а после —
Умереть не страшно...
Ситцевое лето,
Флюгер на заборе,
Жаворонка песня,
Голубок бумажный.

Мама хлеб испекла

Мама хлеб испекла.
Помочила водой и накрыла,
Чтобы медленно стыли
На шатком столе калачи.
Мама хлеб испекла.
И пока ещё печь не остыла —
Чугунок с молоком
Ловко сунула в жерло печи.

И поплыл аромат
По деревне от края до края!
Я его без ошибки
От многих других отличу...
Я на маму смотрю —
Я теперь хорошо понимаю:
Ей любые дела,
Ей любая беда по плечу.

Поднималась чуть свет,
Лишь забрезжит заря на востоке.
Не сидела без дел.
О недугах своих ни гу-гу.

Оттого и болят
 Днём и ночью усталые ноги...
 А за полем овса
 Земляника цветёт на лугу.

Не сердись на меня,
 Что приехала без телеграммы,
 Что давно не была
 В этом, Богом забытом, краю.
 И за это за всё
 Ты прости меня, милая мама,
 Как прощала когда-то
 Мне детскую шалость мою!

Лузинка

Малой родине в Казахстане

Иду знакомою сторонкою,
 Где все ветра мне по пути.
 И лес поёт мне песню звонкую,
 И луг травую шелестит.

Звонят поля упругим колосом,
 И прелью пахнет от земли...
 Перепела весёлым голосом
 Перекликаются вдали.

И счёт ведёт кукушка древняя
 Династиям белок и куниц,
 И гаснут где-то за деревнею
 Шальные сполохи зарниц.

А я иду тропинкой узенькой
 Туда — где вся моя родня.
 И смотрит, смотрит, смотрит Лузинка
 Глазами окон на меня.

Ах, апрель!

Ах, апрель!
 Не буди во мне женщину,
 Не дразни изумрудом листа.
 Потому, что другому обещаны
 Эти очи и эти уста.

Спозаранку хмельной медуницею
 Не пьяни ты меня, не пьяни!
 И в леса сладкогласою птицею
 Не мани ты меня, не мани!

Поднебесья глазами бездонными
 Ты в окошко моё не гляди.
 И капли хрустальными звонами
 На рассвете меня не буди.

Безнадёжной мечтою о суженом
 Не тревожь моей бедной души,
 И воздушным сиреневым кружевом
 Под окошком моим не шурши!

Ах, апрель!
 И сама-то я рада бы
 Позабыть то, что было вчера..
 Но рябин прошлогодние ягоды
 Жгут мне сердце как угли костра!

Пахнет вечер парным молоком
 От идущего с пастбища стада,
 Машет тополь зелёным платком
 Ярко-красной полоске заката.

Беззаботного детства приют,
 Где скрипят днём и ночью качели,
 Где уснуть до утра не дают
 Ароматы укропа и хмеля.

Где, подневный предчувствуя зной,
 Шмель качает цветок незабудки..
 Как люблю я деревни родной
 Сладкий час петушиной побудки!

Как люблю по росе вдоль плетня
 Пробежать, обжигаясь крапивой,
 И себя молодой и счастливой
 Ощутить в ритме нового дня..

Мне б вернуться в тот сказочный рай,
 Мне б, как в юности, снова влюбиться.
 И воды из ведра через край
 В жаркий день у колодца напиться!

Хочется верить

Не все мои желания сбылись.
 Нас от рожденья балуют не больно!
 Но я отнюдь не жалею на жизнь,
 Я этой жизнью, в общем-то, довольна.

Мне лишь одно покоя не даёт,
 Что милая деревня опустела,
 Что соловей за речкой не поёт,
 И ласточка к гнезду не прилетела.

Что заросла тропинка лебедой
 К поляне земляничной на опушке.
 В колодце с застоявшейся водой
 Теперь ночами квакают лягушки.

Что не поёт гармошка до зари
Про тонкую рябину возле тына...
Но жизнь прекрасна, что ни говори,
Хотя давно засохла та рябина.

И хочется, взглянув на небосвод
И увидав, как ярко светит солнце —
Поверить вдруг, что вишня зацветёт,
И ласточка назад ещё вернётся!

Моя деревня

Моя деревня ждёт меня, родимая, —
Сараев да поленицу громоздье.
Там паучок на ветке ремонтирует
Серебряное кружево своё.

Моя деревня — свет в окошках узеньких,
Дымок из труб струится поутру.
Любимая, брошенная Лузинка
Среди лесов и пашен на ветру...

Я к вам вернусь, леса мои безбрежные,
Мой милый дом с провисшим потолком,
Где встретит мама добрая и нежная
В сенях, пропахших тёплым молоком.

Прости нас, мама

Ни письмом, ни телеграммой
Твой «покой» не нарушаем.
Ты прости, прости нас, мама,
Что не часто приезжаем.

Ты прости, прости нас, мама,
Что упрёком обижали,
И за то, что самых-самых
Слов тебе мы не сказали.

За твои печаль и слёзы,
За последние разлуки,
За твои седые косы,
За твои в морщинках руки.

Ты прости нас всех, родная,
Нам и этого довольно.
Ты простишь, я это знаю!
Отчего ж так сердцу больно?

Отчего же мне не спится?
Отчего в душе тревога?
От того ль, что так не близко
До родимого порога?

От того ль, что время мчится,
Как скакун, в степи безбрежной,
И людей любимых лица
Мне встречаются всё реже!

Уроки жизни

Мне жизнь подножки ставила
Ухабами дорог,
Игрую не по правилам
Не раз сбивала с ног.

Потерь моих не мерила,
Толкала в жернова.
Слезам моим не верила,
Не верила словам.

И я крепчала в трудностях,
Старалась, видит Бог.
Уроки жизни с юности
Твердила назубок.

И вот живу, не охаю,
Прощаю всем грехи.
Очищена эпохою,
Как рис от шелухи.

Ломаю цвет черёмухи,
Стихи свои пишу,
И зла на жизнь за промахи
Нисколько не держу!

Алый парус

Инеем отплакала весна,
Отцвела крапива по откосам.
Вспоротая эхом тишина
Дёрном намоталась на колёса.

Заходили синие ветра,
Продувая просеки и чащи.
Я опять увидела вчера
Алый парус, по небу летящий.

Ах куда ты, парус мой, куда?
Почему опять несёшься мимо?
Может, это только лишь мечта,
Но она вполне осуществима!

За рекой, за дальнею горой,
Где простор, синицами звенящий,
До сих пор мне видится порой
Алый парус, по небу летящий.

Я за жизнь	Не от этой ли
Любую цену заплачу.	Мерцающей звезды,
Не коснулась бы	Что светила мне
Души моей остуда!	До самого рассвета?..
Ни о чём «таком»	Боже правый,
И думать не хочу,	Не накликать бы беды —
А слова пришли	Предсказанья
Неведомо откуда.	Так безжалостны к поэтам!

Чужую жизнь к себе примерила,
 Как будто платью, не спеша.
 И улыбнулась, и поверила,
 Что жизнь чертовски хороша!

И я как будто в ней не лишняя;
 И мне поручено беречь
 Весенний сад с цветущей вишнею,
 И боль разлук, и радость встреч.

И небо, солнцем раскалённое,
 И скрипы старого крыльца,
 И поле, сеялкой рифлёное,
 И песню первого скворца.

И лишь с одним душа не свыкнется.
 (О том я Господа молю...),
 Что позову, и не откликнется
 Никто из тех, кого люблю!

Удача

Мне не справиться с этой задачей,
 Не по силам и не по годам.
 Я в затылок дышала удаче,
 Я ходила за ней по пятам.

Расставляла ловушки и сети,
 Мастерила манки и силки.
 И, поверив счастливой примете,
 Я кормила удачу с руки.

А она от меня ускользала
 И, смеясь, уходила к другой.
 И однажды с перрона вокзала
 На прощанье махнула рукой.

Танцевала и пела с другими,
 Нежно руки свивая в кольцо...
 У удачи неженское имя,
 У удачи мужское лицо.

Алексей ПРОЙДАКОВ

ЦЕЛИТЕЛЬ

Повесть

Часть 3.

ОГНЕННЫЙ ШАР

(Окончание. Начало в № 8 за 2009 год)

Следующим вечером мы встретились в огромном холле отеля. Играла живая музыка — скрипка и фортепиано, было много людей, они увлечённо беседовали, пуская клубы табачного дыма. “Видно, вся деловая Астана здесь назначает встречи”, — подумалось тогда.

Никонова была подчёркнуто красива. Видимо, она немало времени проводила у зеркала, чтобы справляться с проблемами, которые преподносит возраст. И справлялась неплохо.

Одета всё в те же чёрные тона, она подошла неожиданно и села напротив. Официантки её знали, потому сразу приняли заказ.

Я заёрзал на месте.

— Не волнуйтесь, — угадала она мои мысли, — плачú я, так как вас пригласила. И потом, я — состоятельная женщина, которая может себе позволить маленькие прихоти.

— Вы ставите меня в неловкое положение.

— Ничего подобного, в неловкое положение нас ставит судьба, которая, впрочем, у каждого своя.

— Вы верите в судьбу?

— Скорее, в предназначение. У каждого — своё, и скрыться, деться, убежать — невозможно.

— Что же прикажете делать?

— А ничего... Готовиться к смерти. Все мы находимся на этом пути и, философствуя, учимся умирать.

— Спасибо за урок, Тамара, но я знаком с речами Цицерона и “Опытами” Монтеня.

— Я сразу поняла, вы — неординарный человек.

— Всякий идиот может начитаться Монтеня и цитировать направо и налево. Считаю, что это не есть признак неординарности.

— Не скажите, — задумчиво ответила Никонова и стала вытаскивать из сумки книжки. Три штуки, одна за одной. — Я вам подписала свои опыты, хочу чтобы вы с ними ознакомились и вынесли своё суждение. Например, Штейн говорит, что я испорченная богачка и издавать книги мне позволяют только деньги, которые я, кстати, зарабатываю сама. Надеюсь, вы мне свою книгу подарите?

— Спасибо, непременно прочту, — ответил я с благодарностью. — Насчёт моей книги — обязательно... Просто с собой нету.

Мне было неловко. Не розданная ещё часть тиража моей книжки находилась в Экибастузе, я о ней не вспоминал. Как оказалось, напрасно. Здесь это

было нечто наподобие визитной карточки личности поэта. И неважно, какая она: есть книга, вот и ладненько...

— Вы говорили о планах...

— Планы подождут. В первое наше знакомство вас шокировало моё признание?

— Какое?

— Насчёт того, что все мы из других миров.

— Признаться, да. Неожиданно.

— Подумали, сумасшедшая тётка?

— Скорее, оригинальная.

— Но это — правда.

— Что?

— Что все мы из других миров.

— Хорошо, — согласился я, — допустим. А здесь зачем?

— Понимаете, мы находимся здесь с единственной целью помочь добру победить зло.

— Каким же образом?

— Надо делать побольше добрых дел: помогать неимущим, например, поддерживать слабых, содействовать прогрессу.

— То есть пытаться менять судьбу отдельных людей? А как же общество в целом? Как же первопричинные истоки добра и зла, живущие и поныне?

— Я почему-то знала, что вы спросите именно об этом. Вот послушайте, что говорит уже упомянутый вами Монтень, он один из уважаемых мною авторов.

Она раскрыла блокнот и стала читать:

— “Судьба не приносит нам ни зла, ни добра, она поставляет лишь сырую материю того и другого и способное оплодотворить эту материю семя. Наша душа, более могущественная в этом отношении, чем судьба, использует и изменяет их по своему усмотрению, являясь, таким образом, единственной причиною и распорядительницей своего счастливого или бедственного состояния”.

Она посмотрела на меня с превосходством.

— Что скажете?

— Понятия “судьбы” и “души” ни в коей мере нельзя ставить рядом, — ответил я спокойно. — Старина Монтень пытался всё свалить в кучу, оттого его утверждения иногда выглядят спорными, иногда просто смешными.

— Вы не согласны с Монтенем? — в ужасе спросила Никонова.

— А почему я должен с ним соглашаться? Тем более что дальше, в двадцатой главе он утверждает другое. Не помните? Он пишет..

И процитировал на память: “Жизнь сама по себе — ни благо, ни зло: она вместилище и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили её”. Умный мужик, но жил очень давно и наши реалии ему были неведомы, потому так много противоречий.

— С рассуждениями у вас всё в порядке, — сказала Никонова. — А как насчёт современных верований?

— Какое хорошее слово вы применили: “верований”! Вы имеете в виду им-мортологию, уфологию и тому подобное?

— И это знает! — воскликнула Тамара. — Ну-ну, мне уже интересно...

— Могу немного порассуждать на эти темы, совсем немного... Неопознанные летающие объекты, им-мортология (наука о бессмертии), Лохнесское чудовище, снежный человек и другое подобное... Сегодня значение этих слов знакомо большинству читающей и смотрящей аудитории. Но если их рассматривать, квалифицируя лишь заурядными чудесами, то аналогии им найдутся и в скрижалях истории, и в летописях более мудрых, чем мы, созданий — древних. Уж

чего-чего, а чудес им хватало. Вот всё вышеозначенное сегодня и надо рассматривать как современные верования. По причине того, что человек теряет веру во всё на свете, сила этих верований всё время будет увеличиваться. Далее она наберёт определённую мощь.

— Какую же именно? — любопытствовала Никонова.

— Две тысячи лет нам было отпущено для развития и совершенства. Судя по всему, Библия и являлась программой именно на этот срок. Скорее всего, программа осталась невыполненной. Отсюда — неутолённая страсть к верованиям, как суррогату веры: дикий человек, доисторическое чудовище, жизнь после смерти, пришельцы из дальних миров, которых мы готовы рассматривать и как мессий, и как проявление силового давления. Различные на первый взгляд, все они являются звеньями одной цепи: от пещеры — к звёздам. Как бы итога и суммируя всё, не сделанное нами.

— Это чрезвычайно любопытно, — ответила она задумчиво. — А как насчёт истинного знания? — и посмотрела испытующе.

— Боюсь что никак, — ответил я смутившись и почти догадываясь, о чём идёт речь.

— В субботу, в моём офисе, — таинственно прошептала она. — Вам кое-что откроется.

“Да, эта женщина — бездна всего”, — думал я по пути домой. Но как-то не так представлялись мне Координаторы — люди, облечённые Знанием. Она симпатичная женщина, но у неё чёрные глаза и общаться с ней трудновато, уж очень непререкаема. Возможно, у них такой стиль общения.

Но в субботу на заседание “Гармонии” я пошёл, жаждая для себя открытий, благодаря которым жизнь моя нынешняя перестанет быть такой томительной. “Возможно, она — из Них”.

Но на этот раз от Истины я был как нельзя дальше.

А что такое Истина? В одном Толковом словаре я вычитал следующее: “Идеал познания, заключающийся в совпадении мыслимого с действительностью”. Это близко, понятно, но не совсем точно и несколько не утоляет жажду познания.

Много раз я задавал и задаю каждый день себе один и тот же вопрос:

Берёзка вдалеке — это Истина, или берёзка?

Что изрекает стоящий со мной рядом человек: Истину или ересь? Хотя, по признанию учёного-протестанта Рассела, “ересь никогда не торжествует. Почему? Смеем сказать, если ересь восторжествует, никто не дерзнёт её назвать ересью”.

Моё нынешнее состояние — это поиски Истины, или бесконечная жажда воспалённого ума? Но воспалённого, значит больного. Я болен, или просто жажду чего-то?.. Нет ответа. Скорее всего — это одно и то же.

Я пришёл на собрание “Гармонии”, немного опоздав, добираться пришлось долго. “Рядом” — оказалось на краю города, в районе ТЭЦ-2. Но это ладно... Когда вошёл, увидел человек двадцать, более чем пожилого возраста, сидевших запрокинув голову и закрыв глаза.

Во главе стола находилась сама блестящая хозяйка, в точно такой же позе, но она что-то говорила, остальные слушали.

Оказалось, именно в это время по субботам у неё налажен канал связи с Космосом. Причём передают прямо в мозг, но с условием, что Никонова доведёт всё широкой общественности. Широкой общественностью в данном случае были слушатели “философского отделения”.

“... и да снизойдёт на вас милость Вечного неба и откроются его великие откровения. — пророчествовала Никонова. — Ибо мы уже стоим на пороге Эпохи Гармонии, когда всё будет решаться только силой ума. Она уже близко, она уже рядом”.

Должен сказать, что подобное я слышал много раз, в нескольких вариациях, в исполнении разных людей. Это — набор фраз, этакая смесь Библейских изречений с языческой лихостью. И всё всегда заканчивается одним и тем же — “грядёт время вечной гармонии” и тому подобное. Говорить такие люди обожают, впадают в экстаз оттого, что их кто-то слушает, но делать что-то ради всеобщих идеалов они не в состоянии.

От всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб. (Притчи 14, 15).

Закончив сеанс, посмотрела в окно и спросила Азата — маленького вертялого художника:

— Что-то нынче облаков не видно. Это ты постарался?

— Да, — с какой-то радостью согласился тот, — вы ж с утра давали задание. После “заседания” я спросил Азата, в самом ли деле он разогнал облака.

— Что ж вы хотите? — хохотнул он. — Если Никонова просит — вывернись, а сделай.

— Что вы натворили? Поля недополучат влаги, птичкам клевать станет нечего, и равновесие в природе нарушится.

Он посмотрел недоверчиво и засмеялся.

— Шутить изволите?

— Конечно, — ответил я беспечно. — Скажите, Азат, вы в самом деле написали картину, которую назвали “Матерь Мира”?

— Написал.

— А как же с названием?

— Что?

— Ну, у некоего Рериха есть монументальная композиция Царицы Небесной — Матери Мира.

— Знаю, — ответил он скромно. — Но я продолжил образ, углубил его и...

— А образа Майтрейи на фоне снежных вершин Гималаев вы не продолжили? — перебил я художника.

— Пытаюсь.

... Несомненно, она верила в доброе и хорошее, ожидала наступления Всеобщей Гармонии, ради которой была готова на всё.

Я не собираюсь комментировать духовный опыт Тамары Никоновой — это абсолютно другая область, недоступная моему восприятию. Раз есть “контакты”, должны быть и “контактёры”. Её слова несут положительное начало? Возможно. Остаётся невыясненным вопрос, в чьём ведении находится Глобальное информационное поле Земли?..

Меня разочаровало лишь то, что она не Координатор, мне же этого почему-то хотелось. Но Тамара Васильевна была из немногих в столице, которые что-то делали для объединения всей пишущей, рисующей, музицирующей братии. В принципе, никому не нужной. Она устраивала благотворительные вечера, материально поддерживала талантливых людей... Тоже миссия.

Мы сделались добрыми друзьями.

Я любил приходить сюда, в этот скромный дом, сложенный из красного кирпича, на одной из бывших окраин стремительно растущей столицы. Расположенный среди таких же невзрачных построек, на которые уже со всех

сторон наступали высотные дома, он пока сохранял всю невозмутимость и прелесть провинции.

Здесь было тихо. Поодаль лаяли собаки. Казалось, в самом воздухе висит спокойствие и отдалённость от прочего — суетного — мира.

Протестантский приход выдавал только большой крест на крыше.

Новосёлов, по-нынешнему “ваше преподобие”, вышел навстречу.

— Ну заходи-заходи, представитель продажной прессы, — сказал он, улыбаясь во всё широкое лицо.

— Здравствуйте, ваше благородие.

Я всё время “путал” его титулы.

Нас связывали давние, ещё со времён пединститута, дружеские отношения.

Он был старше, опытнее, умнее.

Тогда, в далёком семьдесят шестом, большинство пришло поступать в институт зелёными хлопцами, а он — в десантском голубом берете, увешанный значками и аксельбантами.

Первый семестр я жил на квартире у земляков в посёлке ДЭУ-2, а родительский дом Новосёлова находился рядом.

Я почитал Юрия за старшего брата.

Потом судьба разбросала нас.

Говорили, что он запил, по пьянке совершил жуткое преступление и тому подобную чепуху... Словом, лет десять у меня не было о нём достоверных сведений. Но когда я поселился в Экибастузе, он был первым, кто приехал меня навещать. И я сразу заметил, что у Юры в самом деле многое не в порядке.

Позже Вадим сообщил, что Новосёлов стал протестантским священником и в короткий срок даже вышел в религиозные “чины”.

Насчёт “чинов” я не удивился. Человек с таким мощным интеллектом проявит себя в любом деле.

Подвергать анализу всё и вся, быть в курсе основных мировых проблем, новинок искусства и литературы, обо всём иметь собственное суждение — таким я помнил Юрия Новосёлова.

Меня всегда поражал, а теперь поразил с новой силой его изошрённый ум, усиленный вновь приобретёнными теологическими знаниями. Казалось, теперь он в курсе дел и событий не только этого света.

По приезду в Астану мы созвонились и встретились в общине, пастором которой он являлся.

С тех пор я сделался здесь частым гостем. Но на этот раз пришёл сюда по поводу... Мне надо было поделиться с Юрием содержанием сна, который приснился накануне: он был непонятен, и встревожил.

Вначале не мог разговориться — мямлил и спотыкался, но Юра категорически заявил:

— Давай так, ты рассказываешь всё и очень подробно, я слушаю. Потом станем рассуждать и прикидывать.

Воодушевлённый дружеским пинком, я заговорил ровнее, вдохновеннее.

... Это была пятая подряд бессонная ночь. Заснуть я уже не пытался, но всё равно лежал в темноте, давая отдохнуть хотя бы глазам и тайно надеясь, что “повезёт”.

И кто-то надо мной сжалился, и я стал постепенно погружаться в сплошную чёрную бездну.

... в крошечной этой темноте стали проклёвываться малые и большие светящиеся точки — звёзды.

— Ты что не слышишь? — раздался прямо в ушах требовательный и властный женский голос.

— Слышу, — ответил я сонно. — А что случилось?

— Только что сообщили, на Марсе прослеживается движение огромных огненных смерчей, гуляют по поверхности, как у себя дома. Надо подойти ближе и посмотреть. Так что разворачивай машину!

Я сидел за пультом управления небольшого космического аппарата, вроде “челнока”, рядом со мной находилась женщина-командир, лица которой я не видел. Кроме того, что это было необычно и так походило на правду, я вдруг ощутил себя причастным к большому и очень нужному делу. И меня увлекала роль пилота, которую, оказывается, я выполнял с достаточным умением и навыками. Я легко управлял и наслаждался видами разноцветных всполохов за иллюминатором.

— Внимание, Марс на подходе, — послышалось в наушниках.

Впереди по курсу появился шар средних размеров, рядом с которым вращался небольшой спутник. С перерывом в несколько секунд по планете прокатились две внушительные волны огня.

— Это ничего, — оторвал меня голос от восхищённого созерцания. — Вполне допустимо. Пошли дальше. Времени маловато, а мне необходимо кое-что успеть тебе показать. Скорость максимальная, курс — четыре.

Я пощёлкал тумблерами, нажимал кнопки, и аппарат стал крениться набок, выбирая направление.

Некоторое время слышалось только монотонное гудение.

Разноцветье и ослепляющее сияние космоса стало постепенно меркнуть, гаснуть и — сменилось полной чернотой.

Потом мы начали взбираться куда-то выше, стало светлее, обозначились контуры огромных зубчатых гор.

Это была небольшая планета, в самом центре которой находилось единственное здание.

Поначалу было непонятно, что здание, оно просто походило на огороженное пространство.

Катер маленькой мухой пролетел по коридорам и галереям и оказался в зале. Но это была ещё не зала.

Позже, вспоминая и анализируя сон, запомнившийся чётко и ясно, я понял, что побывал в Небесном Храме, который имеет форму квадрата, разбитого на три части: одна половина сплошная, другая поделённая ещё раз.

Вначале мы облетели поделённую, ничего примечательного здесь не наблюдалось. Потом через широкий коридор, в стенах которого пчелиными сотами находилось множество дверей, выпорхнули в Основное Помещение.

Здесь я потерялся совершенно. Оно было неслыханных размеров. Но, употребив слово “неслыханных”, я скажу очень мало. Мне просто не с чем сравнивать. Про подобные сооружения я никогда не читал и ничего похожего не видел даже в масштабных кинопроектах.

Противоположной стены, дабы с чем-то сопоставлять ширину, видно не было, верхнего купола тоже, но я чётко осознавал, что это — помещение, более того — Храм. Его назначение стало ясным после того как мы подлетели к

середине стены и я увидел на ней огромную скульптуру человека. Но это был Человек Совершенный. Скорее всего, это был Господь Бог.

Каждая чёрточка Его фигуры, каждая деталь одяния были безупречны, они были живыми. Каким благородным, мужественным и отеческим виделось Его лицо. Но я не запомнил. Но выражение лица вижу и сейчас, стоит только закрыть глаза: сострадание и печаль Его наполняли. А само изображение — скульптура, или как его ещё назвать, и было тем колоссальным источником, который питал всё это здание Любовью и Светом.

Я долго смотрел, пытаюсь вобрать в себя хоть что-то, унести с собой в памяти хоть малую частичку этого образа...

Впоследствии одна из действительно знающих особ так растолковывала сон: "... это факт духовного продвижения, ты, очень нуждаясь в понимании и благословении, не можешь совершить его здесь в рамках земной обыденности. Но мучительно думаешь об этом и ищешь выхода, воздействия, открытия. А раз ты обозначил целительство — как духовный подвиг каждого грешного человека — тебе даются целительские сеансы через подсознание".

Потом я ходил везде и всюду, не встречая запретов, смотрел на другие изображения и картины, из которых не удалось ничего запомнить. Осталось только общее впечатление, что всё здесь — безупречно.

Фигуры нескольких человек, передвигавшиеся по коридорам и основной зале, я тоже успел заметить. Но они не заботили, не пугали. Я твёрдо знал: здесь только Вера, Добро, Справедливость.

Потом услышал всё тот же голос:

— Сейчас рядом пройдёт Святая Елена, поговори с Нею.

Навстречу шла полупрозрачная фигура в сером облачении, снизу доверху расшитом двумя параллельными золотыми линиями.

— Матушка, — обратился я к ней, робея, но без боязни, — дозвольте с Вами поговорить?

— Да, — тихо ответила Она. — Говорите.

— Жизнь у меня временами беспорядочная, неухоженная и никчёмная.

И замолчал, внутренне дрожа.

— Что ещё вас тяготит? — также тихо, но внятно спросила Святая Елена.

— Спина болит который год подряд и не перестаёт, — стал говорить я дальше и попросил: — Благословите, чтобы не болела?

— Благословляю, — сказала она и повела рукой, колебля воздух.

Потрясённый, я подошёл к своему поводырю-командиру и сказал:

— Госпожа, прежде чем улетать, разрешите мне взять видеоаппаратуру и запечатлеть всю эту дивную красоту?

Она разрешила.

Я пошёл брать.

И проснулся.

Долго сидел, не в силах понять, жив или нет.

Затем отошёл немного в сторону и посмотрел: по моим расчётам, на диване должно было лежать моё неподвижное тело...

... "Его преподобие" мой друг Юрий Новосёлов в задумчивости чертил на листке бумаги геометрические фигуры.

— Это всё? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Юра, прошло несколько дней, а спина у меня не болит. Она всю жизнь болела, с тех пор как я бросил заниматься акробатикой. А сейчас не болит. Это первое. Второе. Я не понимаю смысла и значения подобного сна.

— Я думаю, здесь и не надо искать скрытого смысла, — сказал Юрий, — либо иносказания. Тебя привели, показали, позволили запомнить; тебя излечили... Теперь выбирай.

— У меня есть право выбора?

— Все мы, в Божьем провидении определены: одни к злу и греху, другие — к добру и спасению. Но первоначально человек имеет равные возможности для совершения выбора. Нас никто не принуждает избирать добродетельный или греховный способ поведения...

— Слушай, Новосёлов, прекращай говорить по-написанному, — прервал я его излишняя. — Я обо всём этом читал. И, честно говоря, никогда не понимал, почему человек должен делать какой-либо выбор. Почему мы не имеем права просто жить? Почему не можем просто содержать семью и не помышлять о всяких там грандиозных битвах?

— Потому что идёт борьба, — ответил Юрий, — и никто не имеет права отказываться от призыва в армию.

— При нынешних способах отмазки, воевать пойдут старые, увечные и безродные, — резонно ответил я.

— При нынешних способах баталлий, — в тон мне сказал Новосёлов, — воевать надо мозгами, а не в рукопашной схватке. Слушай, это прописные истины и не знаю, почему я должен их тебе повторять. Ты ж — грамотный человек. Книжки пишешь. Вот тогда тебе ещё одна прописная истина. Жизнь наша — это никогда не прекращающаяся работа: физическая, умственная, внутренних органов. К числу подобных вечных работ надо отнести и то, что мы везде и всюду искушаемы тёмными силами, которые и заставляют нас подвергать сомнению всё, вместо того чтобы просто верить.

— А если не получается просто верить? — спросил я, негодуя на друга. — Если воспитали нас в полном отрицании Бога? Если с детства внушали, что нет ничего такого? И вся эта скверна на душе до сих пор осталась: нет ничего. Попробуй, скажи детскому сознанию, что есть. Оно воспротивится, оно взорвётся.

— У тебя не взорвалось? — спросил Новосёлов. — Или взрывается?

— Да, периодически, — ответил я и похлопал по карманам в поисках сигарет. Я знал, здесь не курят, просто привычка.

— Теперь скажи, только спокойно, — попросил он. — Тебя ведь не сразу привели в Небесный Храм? До этого тебе показывали нечто другое?

Я содрогнулся, вспоминая, нет, не раскалённые сковородки и языки адского пламени: чёрную землю, полное запустение; цепочки отчаявшихся людей, идущих в никуда...

— Показывали, Юра, показывали.

— Сидишь сейчас весь на нервах, — продолжил Новосёлов. — А не надо бы. Верить надо.

— Верить? — переспросил я. — А как? Я мог бы тебе сейчас художественно описать, как я верю в Господа. Библию я читаю и молитвы знаю наизусть. Чего ещё? Но не могу я, подобно сотням вдруг уверовавшим, врать на эту тему.

— Они тоже не врут, а пытаются верить, — сказал Новосёлов. — Что им делать прикажешь?

— Юра, я тоже пытаюсь, но пока не могу, а врать не желаю.

— Тогда переставай питать темноту выхлопами своей энергии. Стань добрее, терпимее. Зудит в тебе неведомая злость, ненависть, всё тебя раздражает,

ты не желаешь видеть и слышать даже родных и своих близких, — найди в себе силы, прояви истинное мужество, дай себе секунду, чтобы подумать: я — искушаем. И отступит от тебя негатив. И хватит тебе этой секунды. И станет она бесценной. И не будешь ты питать тьму своей дурной энергией... Простые же истины.

— Ты думаешь? — переспросил я. — А тебя, Юра, тоже в своё время призывали в эту армию?

— Я сделал свой выбор, — ответил он. — Хотя мне тоже хотелось просто жить. Видишь ли, земля — территория тьмы, она сплошь материальна. Поэтому мы и пытаемся осветить её храмами, развеять звучанием колоколов. Отчасти помогает. Но только отчасти. Но нынешнее древнее зло уже не страшится Распятия, оно может принимать любой облик и соседствовать с любой сутью. Оно в каждом конкретном человеке стремится задержать наступление Царства Божьего.

Он строго поглядел и добавил:

— Борьба, друг мой, идёт за отдельные человеческие души.

Потом опять склонился над листком бумаги и сделал несколько решительных штрихов.

— Видишь? Круг — Земля. Светлая сторона, тёмная сторона. Ты её трогаешь, она в ответ пружинит. Короче, каждое действие рождает противодействие. И, заметив мой недоверчивый взгляд, почти равнодушно добавил:

— Обычные рекомендации. А насчёт остального — жди, тебя ещё призовут.

— Юра, я — простой человек...

— Слышал я уже! — перебил меня Новосёлов. — Ты владеешь Словом. А Слово — оружие.

— Неужели всё дело в творчестве?

— А ты как думал? Тебе Дар не просто дан, а во имя чего-то...

— Скажи, Юра, а все мои, мягко говоря, приключения по жизни, это и есть расплата за дар?

— Можно и так, — ответил он просто. — Дорого достаётся, да? О твоих “смертях” могу сказать следующее: должен был ты умереть и команду на это дали, но потом или произошёл сбой в программе, или решили, что ты ещё здесь необходим... Так думается. А раз ты оставлен, распорядись своим Даром, как полагается. И помни, если где-то зло поднимает голову в большом масштабе, значит, кто-то недоработал. Так будем дорабатывать везде и всюду. И прошу тебя, будь осторожней. Ибо тьма может нагрянуть внезапно. Это я тебе говорю как священник.

Я махнул рукой.

— Как быть осторожней? Чем защищаться?

— Будто бы не знаешь, — сказал Новосёлов скептически. — Ведь знаешь. Ты уже даже человека пытался защитить подобным образом... Так знай, ты его и защитил. Божьим Словом! Иной защиты нет. Правда, защищение это прошло впустую...

Я вопросительно посмотрел на его преподобие, ожидая продолжения. Но он заявил:

— Всё. На этом всё. Больше я пока ничего не скажу. Чаю хочешь?

— А чего ты вдруг так взял и признался? — не утерпел я. — Чего не помурзил ещё пару месяцев? Я тут хожу, жду, думаю, со всякими уродами общаюсь. А ты — вот он. Не страшишься?

— А чего? — усмехнулся Новосёлов. — Друг мой, я знаю о тебе больше, чем ты о себе знаешь сам. И кто ты, и на что способен, и что...

— Ты хочешь сказать “в будущем”? — поразился я.

— пей чай! — отрезал Юра. — Ничего я такого не говорил.

Подходя к трёхэтажному дому по проспекту Победы, в котором располагается редакция журнала “Ли́ра”, всегда ощущаешь приятный запах доброго гонтаревского табака: Владимир Сергеевич курил только трубку.

— Проходите, садитесь, рассказывайте.

— Всё в порядке. Работа идёт, жалоб нет, — отрапортовал я.

— Читаю иногда ваши корреспонденции, довольно неплохо, — отметил Гонтарев. — Хотя, в общем, газета слабая и, как мне кажется, это связано с её нынешним руководством.

— Думаю, вы правы, — ответил я, старательно подыскивая слова, уже не единожды убеждался, что в Астане и стены имеют уши, особенно если это редакционные стены.

Главным редактором “Вечерней столицы” недавно назначили журналистку со вздорным характером — способности ниже средних. В числе её основных заслуг значилось родство мужа с нынешним руководителем администрации города.

— Да что там правы! — раздражённо бросил Гонтарев. — Губит она газету и, боюсь, погубит окончательно, если только её кто-нибудь не остановит. Хотя, кому?..

— Знаете, в принципе, с ней ещё можно как-то договариваться, — попытался я разрядить атмосферу. — Но вот две её “замши” — это нечто несуразное.

— А когда три бабы руководят газетой, всегда жди беды, — усмехнулся Владимир Сергеевич. — Это ещё хуже, чем в открытом море на корабле. Там ещё имеется какая-то возможность выплыть, но здесь точно только тонуть. Тем более, одну из новоиспечённых замов я знаю.

Он неторопливо раскурил трубку, затянулся и продолжил:

— Она — большой человек, причём в прямом смысле этого слова. Ей лечиться надо, а не газетой руководить.

— Другая не лучше, — подтвердил я. — Такая блестящая внешность и такие идиотские замашки.

— Голубоглазая Лиза? — спросил Гонтарев. — Любимые слова, которые она применяет к месту и не к месту — “вау” и “бест”?

— Именно. Честно говоря, Владимир Сергеевич, я думал, с кадрами в столице дела обстоят получше.

— Проблемно это, — бросил он. — Проблемно всюду. Здесь журналистский мир — это, как и везде, несколько имён, с которыми можно иметь дело, и много, с которыми лучше никогда не иметь никаких дел.

Он порывлся в бумагах на столе, вытащил одну и сказал:

— Ваша повесть о Молдове пойдёт в следующем номере, она мне очень понравилась. Лирическая такая, чем-то напомнила Иона Друцэ.

Я искренне обрадовался.

— Спасибо, Владимир Сергеевич! Спасибо за сравнение, бадя Ион — прекрасный художник.

— Но пригласил вас приехать вовсе не за тем, чтобы это сообщить. У вас как со временем?

— В каком смысле?

— Понимаете, мой хороший знакомый — директор Русского драмтеатра ищет человека на должность завлита, и я порекомендовал ему вас.

Неожиданно. В памяти сразу всплыли Михаил Булгаков, Мухтар Ауэзов. Неожиданно и заманчиво.

— Я никогда не имел дел с театром и даже не представляю, что заключают в себя обязанности завлита.

— Крут обязанностей не очень велик, правда, и оклады у них небольшие, зато интересно, — пояснил Гонтарев. — Обычная литературная работа: прочитать, написать...

— Написать — это проще, — улыбнулся я. — Журналистские дела?

— И они тоже. Ничего сложного. Для вас, по крайней мере. Сумеете как-то выкраивать время от основной работы — справитесь.

— Хорошо, Владимир Сергеевич, я постараюсь.

— Вот и ладно. Возьмите визитку Ермека Толеутаевича и договаривайтесь о встрече. Кто его знает, — добавил Гонтарев. — Может, и поднаберёте материал для нового “Театрального романа”. Или какой-нибудь пьесы?

— Насчёт пьесы, Владимир Сергеевич, сильно сказано. Это ж особый вид, чего даже не знаю. Отображение того, что должно происходить на сцене. Никогда не любил пьесы даже читать. Но насчёт театрального романа — это мысль.

Нет человека праведного на земле, который бы делал добро и не грешил.
(Эккл. гл. 7).

Забегая вперёд, скажу, что театр дал мне массу всяких впечатлений — и хороших, и плохих. Отдельно о нём я рассказывать не буду — это другой предмет. Но почерпнуто много интересного, узнал актёрскую среду — эту особую касту бессребреников, истинно творческих людей.

Но именно в Русском драмтеатре Астаны произошла встреча, назначение которой мне стало понятно лишь спустя какое-то время...

После одной из премьер я стоял в холле, провожая хороших знакомых, которые взялись аккуратно посещать театр, благодаря моим приглашениям.

Проводив последних, вернулся в свой кабинет и стал готовить рецензию для прессы.

Постучали в дверь.

— Войдите, открыто! — крикнул я, не отрываясь от монитора.

— Здравствуй, — услышал я знакомый голос.

Передо мной стояла высокая, полная, даже слегка рыхловатая женщина, одетая во всё белое. Её гладкое молоджавое лицо кого-то смутно напоминало.

Всего лишь напоминало.

— Здравствуйте, — ответил вежливо, как завлит.

Она села в кресло и смотрела, улыбаясь.

Я посчитал, что это одна из сумасшедших авторов, которые осаждали меня здесь, наперебой предлагая свои “актуальные” пьесы.

— Вы что-то хотели? — также вежливо спросил я.

— Ты меня не узнаёшь?

Я взгляделся повнимательней.

— Простите, не припомню.

— Разве я так сильно изменилась?

— А вы ничего не перепутали? — ответил я вопросом.

— Я — она, понимаешь?

— Понимаю, что не “он”, — сказал я, теряя терпение. — Что вам угодно?

— Да, ты уже не тот, — сказала женщина, усмехнувшись, и критически меня оглядела. — Ты существенно возвысился над всем этим и уже почти приобрёл необходимый статус. Так было и со мной. Но у нас ошибок не прощают, а я их насвершила достаточно. В результате, не смогла уберечься. Тогда и ты меня не спас. Ты был ещё наивен и беззащитен.

— Вы меня с кем-то путаете, — возразил я на её тираду. — Я вас впервые в жизни вижу.

— Тебе знакомо имя “Йен”?

Я вздрогнул.

— Знакомо! — обрадовалась женщина.

— Да, — ответил я, уже взяв себя в руки. — Я очень уважаю произведения Андрея Сапковского. Это одна из его героинь. Ничего более.

— Да, ты мне тогда говорил то же самое, — покивала она головой. — Помню. Ты ведь любил меня, правда?

В самом деле, никогда серьёзно не задумывался, любил ли я Йен. Скорее “да”, но любовью не обычной. Она была вестницей, проповедником, учителем, глашатаем новой жизни, разбудившем во мне то, что дремало многие годы. Она стала детонатором, взорвавшим всё прежнее; каплей, что переполнила чашу мешанского бытия; но женщиной для меня не являлась.

Не услышав ответа, гостья продолжила:

— Я знаю, что любил. Так пойдём со мной, я научу тебя как правильно жить и оставаться живым в этом свихнутом мире. Ты поймёшь, что важнее всего для человека в нём — это сам человек. Ты ведь не мальчик уже, а? Под “полтинник” выпирает. Поздно, батюшка, играть в спасение того, чего спасти нельзя. Ты ведь даже толком и не жил, ты всё время или пил, или работал.

— Вот в чём дело, — сказал я почти разочарованно, и мне это почти удалось. — Всего-то делов.

— Вот именно, — подхватила она живо. — Дела-то какие?

— Так запомните, — сказал я твёрдо. — Йен я никогда не любил, в вашем понимании этого слова. Это было нечто большее. Вы — не она, на том простом основании, что она учила меня другому.

— Понимаю, — опять кивнула женщина. — Не узнаёшь, не надо, но я пришла тебе кое-что сказать.

— Говорите, слушаю, только покороче.

— Короче, — задумчиво повторила она. — Раньше ты предпочитал, чтобы я говорила длиннее. Если совсем коротко, то... Я знаю, зачем здесь ты и кто тебя сюда призвал. Понимаешь, это — бессовестные люди, которые действуют только в угоду собственным амбициям. Нет никакой борьбы! Нет ни добра, ни зла! Всё — выдумки. Они и тобой воспользуются так же, как мной, а потом выбросят на помойку и на завтра забудут твоё имя. Ехал бы ты отсюда, — с тоской сказала она. — Как я теперь жалею, что в своё время начала тебя просветлять. Не надо было этого делать. Жил же ты спокойно. Ты слишком увлёкся ролью поборника Света. Ты слишком уверовал в эту игру, но в ней всё направлено только на то, чтобы кому-то обеспечить полноценную жизнь, ценой благополучия других. Сожрут они тебя. Они не пощадили даже великого Макенкули. Где он теперь?

— А что с ним случилось? — переспросил я, тревожно что-то вспоминая.

— Он теперь — обычный человек.

— Хорошо быть обычным человеком. Значит, был не так велик, — с усмешкой ответил я. — Кстати, никогда не понимал, почему он “великий”? Да и мы с ним — по разные стороны, насколько я понимаю. Или нет?

— Не надо издеваться, — сказала она тихо. — Я вполне серьёзно. Жил же ты спокойно.

— О моём спокойствии раньше надо было думать. Да и какая вам забота. Сами-то вы, если это вы, вон как раздобрели. Видно, хорошая жизнь у вас? Хорошая, не надо ездить по городам и весям, жить, где попало, питаться через раз. Людей исцелять потребность отпала напрочь? Люди здоровы и в ваших услугах больше не нуждаются. Нет больше Целителей Мира! Все стали обычными людьми.

Я почти стал кричать, но вовремя остановился.

— Вы — не она. Она исцеляла людей, а вы... Я даже не знаю, на что именно вы способны. Жалкая актриса! Не в театре будет сказано...

— Несчастный, — прошептала она. — Тебе хотят лучшего. Уезжай ты отсюда. Если сам не уедешь, тебя увезут на твою милую родину в деревянной упаковке, — добавила хищно и в глазах полыхнул адский огонь. Но тут же погас.

— Мне пора домой, — сказал я категорично. — Не уйдёте сами, вызову охрану.

Женщина ушла, тяжело неся свою фигуру и виновато оглядываясь.

Всё-таки её лицо было мне знакомо. Это не давало покоя, пока не вспомнил, где его видел.

На фотографиях, которые показывала Йен, была именно она. Ещё до того, как стала Целителем.

“Внутренние перемены отразились на внешности”, — вспомнилось печально.

Это было её лицо.

Внешность легко копировать.

Но второй Йен просто не существует.

*Любовь долготерпит, любовь милосердствует,
Она не завидует, не превозносится.
Любовь не гордится, бесчинства не сделает,
Не ищет, где выгодно ей, на особицу.*

*Не думает зла, раздраженья не ведает,
Неправде не рада, но Истиной полнится.
Любовь всё покроет, надеется, верует,
Всё перенесёт, никогда не закончится...*

Боже, даруй мне просветлённость, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество, чтобы изменить то, что я могу, и мудрость, чтобы увидеть разницу; дай мне жить сегодняшним днём, радуясь каждой минуте, принимая трудности лишь как тропинку к миру; дай мне принимать этот мир таким, какой он есть, а не таким, каким бы я хотел его видеть; дай мне верить, что ты всё устроишь так, как надо, если я повинуюсь твоей воле, дабы я мог быть по-настоящему счастлив в этой жизни и в высшей степени счастлив в будущем.

*Боже, просветленье мне даруй
То принять, что изменить не в силах,
Мужество — исправить, что смогу,
Мудрость, чтобы разницу постигнуть.*

*Дай заботы нынешнего дня,
Радости от их предназначенья, —
Чтобы всё являлось для меня,
Как загадок мира разрешенье.*

*Мне его крутая твердь и гладь —
Своевольно грезятся порою, —
Дай мне этот мир воспринимать,
Есть какой он, под Твоей рукою.*

*Знаю, мы с Тобой теперь не врозь,
Ты свершишь, я верен Твоей воле,
Чтобы счастье для меня сбылось
В этой жизни, в будущей — тем более...*

(стихотворное переложение А. П.).

Вступление 9

Ночь была черна, как душа убийцы или насильника. Сплошная чёрная жижа заволочла землю, на которой в это время не горело ни одного огонька. И только смутные очертания самой черноты деформированно вздрагивали и преломлялись, тягучими гадами устремляясь куда-то вперёд.

Чёрная Сотня переходила рубеж.

Вот они — преданные анафеме всеми церквями мира; проклятые всеми проклятиями; разрушенные извне и внутри, и вновь восстановленные Властителем ада.

Командир равнодушно провожал ряды конников, повинных любому его жесту. Для Сотника — это всего лишь очередной набег на уснувшие города и сёла, на трусливых людей, которые не в состоянии защитить своих родных и самых близких. Скучное занятие. Которое столетие занимается он этим ремеслом, но в его чёрной душе никогда не шевельнулась искорка жалости или сострадания: та часть людской расы, которая не признаёт Князя Тьмы единственным и полновластным властелином, подлежит уничтожению, другая — признающая — закабалению и участи рабов. На большее они не годятся. Но и среди них находятся те, кому по нраву убийства и грабежи, прочая ночная потеха, иначе откуда бы бралось пополнение выбитым рядам его всадников. Они ведь не бессмертны, а наоборот.

Иногда и среди трусливых людей находятся отчаянные головы. А уж если поперёк пути станет кто-нибудь из ордена Детей Света, тогда все эти безобидные игрища превращаются в настоящее дело, ради которого стоит броситься в схватку самому.

Сотник задумывался, хотя это было и не в его натуре, почему Дети Света не встанут такой же сотней и не уничтожат чёрных всадников? Будучи по природе своей воином, он уважал подобных себе, только недоумевал: отчего они — его враги — так не по-воински добры и мягкосердечны?

Нечеловеческая сила Сотника заключалась в дьявольском благословении, а его чёрную энергию питали ледяной страх и полная беспомощность пытаемых, истязуемых, насилуемых людей.

Чёрный Сотник не боялся никого и ничего. Только один — всемогущий властелин наполнял его существование настоящим уважением и осознанным страхом. Не за жизнь, нет, жизни как таковой у него не было уже давно. А за то, что может быть после — за те адовы муки и рабское прозябание где-нибудь на краю вселенной. Однажды он видел как там — без всяких сроков — работают несчастные, каждый день доводя себя до полного изнеможения и умирая. Затем возрождаясь и терпя всё опять и опять. И так без конца.

Говорят, что Дьявол тоже когда-то был Ангелом Божьим, и это наводило на мысль, что сам Создатель определил в этом огромном мире место возможности зла. Значит, предназначение Сотни всё-таки имеет определённый смысл, хотя сторонники Света судят прямо противоположное. Вот, говорят, людей он создал чистыми духами, но их уловили в человеческие тела, которые являются тленными, как и всякая материя. И теперь человек проходит испытание — пребыванием в брэнном теле.

Сотник даже усмехнулся.

И вся его жизнь — это ожидание встречи с Создателем. К этой встрече человек должен подойти готовым и чистым. А как он может подойти готовым и чистым, если само тело — это сплошная грязь. Не говоря о душе. Ведь в душе у среднего человека не меньше пакостей, чем у любого демона. То есть его обязанность — это освобождение духа от тела. Сами они на это неспособны — Творец придаёт им силы и посылает Спасителя, учащего их тому, каково есть истинное существо, происхождение и назначение.

Этот был сильным воином, ничего Его взять не смогло. И сами же люди — эти пакостники и себялюбцы — распяли Его на кресте. А потом орудие Его казни сделали своим собственным Символом Веры!.. О какой же благодати, о каких искрах света вместо душ можно рассуждать. Нет, здесь что-то не так. Люди не имеют права жить.

Вот демоны его Сотни созданы из материи и навсегда к ней привязаны. То есть они задуманы и воспроизведены уже с определённой целью — искушать, совращать человека, сбивать его с истинного пути.

Плывать, что люди созданы по образу Божью, вся проблема в том, что они имеют право свободного выбора: грех и зло, или добро и спасение. Как можно было давать человеку право свободного выбора?! Ведь он желает быть и везде и нигде, с демонами — демоном, со Светлыми — светлее света. Человек слаб, осторожен и дорожит своей никчёмной жизнью. Им бы всем, по сути, давно надо примкнуть к Хозяину, и всё стало бы на свои места: так должно быть. Но всякие праведники, мессии, учёные, святые... Нет им числа. Все они ратуют за человека, то есть ратуют за предателя, изменника и хитроумного лжеца. Он даже не задумывается, что и малый пакостный мир людей, и огромный мир космоса — поле битвы в борьбе между добрым духом света и злым духом материи. Битва...

Сотник с удовольствием повторил про себя это слово. Ещё раз посмотрел на медленно едущих воинов и продолжил размышления.

Для того чтобы склонить людей на свою сторону, у Хозяина существует немало уловок и одна из них — женщины. Для того чтобы искушить и растлить, он вызывает сны и видения. Демоны потворствуют ложным учениям, несправедливым законам, магии. Изначально “сыны Божьи”, или ангелы-смотрители, научили женщин магии и другим искусствам, чтобы пробудить у мужчин праздное любопытство. Женщины — существа наиболее поддающиеся и увлекающиеся. Их макияж и изысканные одеяния уничтожают истину. Для женщины делать макияж с тем, чтобы выглядеть иначе, чем она есть, означает лгать, точно так же как играть роль — для актёра. Вот они и играют, вот и вовлекают человека в плотский грех. Конечно, он не самый страшный, но от него ведут пути к погибели человеческой души. Уж это ему известно доподлинно.

Что же является источником зла в мире? Согласно мнению одного из умников, зло является осознанной необходимостью. Мол, феноменальный мир никогда адекватно не отражает реальный мир идей и поэтому неизбежно ограничивает его, оказываясь менее совершенным, благим и реальным. Представление о зле связано с мыслью о том, что зла вообще не существует, что оно измеряется всего лишь недостатком добра.

Бред! Зло — это следствие человеческого греха. Люди настолько напакостили на этой земле, столько успели причинить и продолжают причинять друг другу страданий и боли, что набеги его Сотни — невинная шалость по сравнению с их мерзкими войнами. Человечество давно отвернулось от Бога, и об этом достаточно ясно сказано в книге Бытия: “И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле”. Чего же ещё?

Правда, кое-кто думал, что отчуждение человека от Бога казалось недостаточным для того, чтобы объяснить ужасающие размеры распространения зла на земле. Зло было столь велико, что оно никак не могло быть назначено как наказание, равно как и одно только человечество не могло его произвести. Следовательно, оно являлось результатом деятельности мощной духовной силы. Духовной силы Дьявола. Которая не меньше...

Дальше Сотник не думал, ему запрещено, ибо сильные пусть решают свои дела, а он будет исполнять приказы. Он много знал и много умел, возможно, в той жизни он был учёным или поэтом, Сотник уже не помнил той жизни, лишь обрывочно неожиданно иногда входило в голову Нечто, селилось там и не давало покоя. Но эти мысли он гнал от себя подальше. Перед образом дьявола Сотник благоговел и преклонялся. Князь Тьмы — настоящий хозяин, сильный, безжалостный и равный самому Небесному Царю в могуществе. Пожалуй, даже превосходящий, ибо Тот — добр и мягок... Единственно, в чём Сотник иногда осуждал Хозяина, ему казалось, будто он всё ещё зависим. Осуждал не вслух, на такое даже он не мог решиться, но Князь Тьмы читал его мысли и не пресекал их. Напротив, нашёптывал: “Погоди, придёт время”. Возможно, оно уже пришло.

Чёрная Сотня переходила рубеж.

Глава 3. “Увидеть свет”

*Если вы считаете, что время уже упущено,
то знайте, что это не так. Начните прямо сейчас.
Всегда относитесь к себе, как к ученику,
и не считайте себя Учителем,
тогда вы никогда не возгордитесь.
Тогда вы сумеете принять духовные наставления,
от всех и вся и взамен дать земные наставления,
до которых доходите сами.*

Вилма

На работу я всегда ходил одной из улочек старого Целинограда, сохранившей свой провинциальный колорит. Сплошь засаженная тополями и клёнами, она состояла из пятиэтажек грязно-жёлтого цвета, у подъездов которых — обязательные лавочки без спинок, с обязательными старушками.

Лето перевалило за половину. По утрам и вечерам уже не так палило, уже не так одуряющее воняло расплавленным гудроном. Покой мнился в неторопливом утре, когда день ещё только начинается — покой прошедшей ночи; он же загадочно вырисовывался в охлаждённых, а потому освеживших вечерах.

Идёшь вот так, не торопясь, и думаешь: “Хорошо ведь, замечательно... Люди слегка подуставшие, неведомые мне. И какое мне дело до всех вас? И какое вам дело до меня?”

А поднимаешь глаза к небу, уже слегка полинявшему, глядишь на то, что недоступно адекватному восприятию и пониманию, и — нисходят на тебя волнующие звуки, льются неведомые ощущения и просятся на язык непонятные слова.

И начинаешь доходить до главного: какой покой, красота, монументальность. Ведь неприятности, беды и невзгоды происходят и существенно влияют на нас только тогда, когда мы забываем о бесконечности сознания и мира, о неразрывности нашей связи с Космосом и Вселенной.

Только пройди по жизни отпущенное нам количество лет и, наконец, успокоившись, мы обретаем понимание, что именно Земля является матерью нашего физического тела. Но вслед за этим придёт и ясное обретение мысли, что отец

духовной сущности — Космос. А поскольку Земля — его лишь мизерная часть, значит, всё взаимосвязано и ничего не кончается. Значит, преобладает духовное.

... Слегка потемнело. Тени вытянулись и исчезли. Звуки проезжающих машин стали резче, свет ярче, а та сторона, по которой я шёл, сумеречней.

Звонок на сотовый телефон поступил неожиданно.

Я всегда думал об этих новых технологиях, что они даны человеку недаром, ох, недаром, расплачиваться за них всё равно придётся. С одной стороны, люди на земле стали гораздо ближе и понятнее друг другу, но с другой... Что это сулит? Чьим достоянием является?

Звонил заведующий отделом криминальной хроники Серик Субеков.

— Слушай, ты где?

— Да домой уже почти пришёл.

— Если интересно, недалеко от твоего дома есть бизнес-центр “Тергас” — обычная пятиэтажка. — Серик говорил, захлёбываясь. Он был человеком увлекающимся и любил своё дело от души. Все эти выезды на место происшествия, трупы, перестрелки он обожал. — Так вот, на её крыше происходит нечто необыкновенное, не поддающееся описанию. Подходи быстрей, я прямо здесь растолкую и покажу.

Я не мог понять причины такого вызова, с криминальным отделом у нас не было никаких точек соприкосновения. Но, развернувшись, почти бегом добежал до “Тергаса”.

Людей здесь было достаточно. Толпа зевак усиленно что-то рассматривала на крыше.

Серик сразу же начал вводить меня в курс дела.

— Там, — он указал наверх, — находится человек. Один человек. Но впечатление такое, что он совсем не один.

— Как это?

— Понимаешь, если смотреть со стороны, можно подумать, что рядом с ним ещё человек пять-семь. Он всё время с кем-то разговаривает, машет руками... А вообще он заорал во всеулышанье, что бросится вниз, дабы спасти добрые дела и спасти добрых людей.

— Что, прямо так и сказал?

— Люди слышали. Вот, возьми бинокль, посмотри сам. Это уже минут десять всё творится. Вызвали полицейских, они было сунулись, но единственный люк, по которому можно туда попасть, оказался накрепко заварен. Сварка свежая. Теперь ждём спасателей.

Я взял бинокль и стал смотреть. Человек в фокусе был виден: высокий, с длинными руками, волосы белёдые. Впечатление создавалось такое, что он действительно не один. Что-то кому-то говорил яростно и пылко, словно пытался доказать.

— Слушай, действительно непонятно, — сказал я, пожав плечами. — Может, обкурился?

— Не похоже.

Субеков испытующе посмотрел.

— Тебе он никого не напоминает?

— Мне? Серик, ты что сам обкурился? Какого... ты меня сюда позвал?

И вдруг кольнуло.

— Почему он должен мне кого-то напоминать?

— Потому что дней десять тому назад этого самого человека хотели привлечь за попытку совершения убийства, он хотел задавить, кстати, не своей машиной некоего журналиста. Ты не знаешь, как его зовут?

Я молчал, соображая.

— Скажи, почему ты отказался писать заявление? И кто этот человек? Чем вы связаны?

— Я на допросе?

— Извини, увлёкся, — пробормотал Серик. — Нехорошая привычка, сам уже иногда веду себя как мент.

— Я тебе отвечу, но это ничего не даст. Я его знаю не больше твоего. Мне бы и самому хотелось кое в чём разобраться.

Я ещё раз посмотрел в бинокль и мне показалось, что рядом с человеком стоят пятеро. Пять чёрных теней. Посмотрел простым глазом. Тени оставались, но были уже подвижными. Они стали сужать круг, оставляя человеку один путь — с крыши.

Он тоже понял. Посмотрел вниз и, кажется, в толпе увидел меня.

— Я не хотел! — крикнул срывающимся голосом. — Меня заставили...

— Кому это он говорит? — спросил Серик.

— Заткнись, прошу тебя.

— Заставили меня, — неслось с крыши. — Но я не смог взять на себя такое...

Но они всё равно за тобой придут..

Последние слова оборвались. Он упал на крышу вестибюля, проломил её и провалился ниже.

Я закрыл глаза. Потом снова посмотрел наверх, никого уже не наблюдалось, тени растворились и ушли.

— Кто "они"? — рассуждал Серик вслух. — За кем придут? Зачем? Почему он прыгнул?

— Он не прыгнул, — ответил я, — его толкнули.

— Там никого не было.

— Серик, — сказал я ему проникновенно, — занимайся своим любимым криминалом и даже не пытайся разобраться в этой истории. Здесь может быть такое, что самый жестокий отец мафии покажется тебе рождественским голубем.

— Ой-ёй, — притворно испугался Серик. — Кто же это?

— Если бы "кто"...А то — "что".

И возненавидел я жизнь: потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё — суета и томление духа! (Экклезиаст, гл. 2).

Этот вечер был самым тяжким за последние полгода. Комок, который подступил к горлу, оставался в нём. Голова гудела от всяких мыслей, трясло от элементарного страха. Не за жизнь, нет. Я боялся Тьмы, как таковой. Ведь не далее как два часа назад она нанесла удар, она устроила представление, она показала, что настроена весьма серьёзно.

Мне показала. Зачем? Я об этом и раньше знал.

Вспомнился мне сейчас случай в парке.

Андрей и пять неподвижных чёрных теней.

Было ли это?

А сегодняшнее, в самом деле произошло, или воображение разыгралось?

Какую роль во всём этом играет Серик? Его подозрения могут навредить, он — журналист, а подавляющее большинство нашей братии относится к безудержным болтунам. Излишняя разговорчивость у них относится к разряду компетентности: везде и во всём. И мой коллега не исключение. Если бы он имел хоть какое-нибудь серьёзное представление...

Серик всё относит к обычной уголовщине...

Никто, зажегши свечу, не ставит её в сокровенном месте, ни под сосудом, но на подсвечнике, чтобы входящие видели свет.

Светильник тела есть глаз; итак, если глаз твой будет чист, то и всё тело твоё будет светло; а если он будет худ, то и тело твоё будет темно.

Итак смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?

Если же тело твоё всё светло и не имеет ни одной тёмной части, то будет светло всё так, как бы светильник освещал тебя сиянием. (Ев. от Луки, гл. 11).

Один из древних мудрецов в припадке откровения заявил, что зло не является аспектом доброго Бога, а олицетворяет собой самостоятельное начало. Для сохранения благодати Бога он отрицал его единство и всемогущество. Заратустра стал первым, кто выдвинул идею абсолютного злого начала, а его персонификация Ангра Манью (Ахриман) среди всех религий мира стала первым настоящим Дьяволом. Эти два начала независимы друг от друга: Ормазд — благо, свет; Ахриман — тьма, зло. Но они приходят в столкновение.

В далёком будущем победа благого духа над злым неизбежна.

Это ж сколько времени прошло? Давно бы пора наступить “далёкому будущему”.

Я до сих пор жив, значит, это кому-то надо. Ибо жизнь человека, как и сотни лет назад, ничего не стоит. Меняются орудия убийства, способы, но цель остаётся одна — человек.

Природа и стихия более милосердны и жалостливы, чем подобные нам.

Подобные, но не во всём. Они — носители тьмы, а мы — апологеты Света. И почему мы позволяем себя убивать?

Ахриман — зол, как по природе, так и по собственному выбору. Он является сущностью разрушения. Но в предвечном мире Ормазд о нём знал...

Не знаю почему вспомнилось мне всё это — читанное давно. Просто я мучительно искал объяснений. И не находил, встречая только определения. Загадки дня сегодняшнего, а ведь он ещё не кончился, и завтрашнего — вставали непреодолимой стеной.

Вот придут Они за мной, что стану делать? Сражаться? Чем и как?

“Божьим Словом, — ответил за меня Новосёлов. — Ты боишься? А где отвага? Мужество где, уважаемый кавалер ордена боевых заслуг?”.

Сильнейший стук в дверь.

На площадке стоит изрядно подвыпивший мужик.

— Слушай, спичек нету, а? — спросил он, качаясь.

— Ты, лось, — жёстко ответил я, — знаешь, сколько сейчас времени?

— Да нет, ничего, всё нормалёк, не сердись, — заговорил он примирительно. — Мне заплатили и просили вам передать, чтобы вы лишнего не волновались, всё, мол, под контролем...

— Кто? Кто просил передать? — схватил я его за воротник.

— Да не знаю, — отвечал он, пытаясь вырваться. — Так, нормально одет. Ну, из этих, из “крутых”, как теперь говорят. И “гачка” приличная такая.

Я его отпустил.

— Ещё что? — спросил тихо.

— Так и сказал, ждать немного осталось. К попу, говорит, приедет человек и — всё... А этот, коллега твой, завтра уедет в длительную командировку.

— Куда? — я опять ухватил его за грудки и сильно встряхнул, не соображая, что человек этот абсолютно ни при чём.

— Ну, а я знаю? — обиженно всхлипнул он. — За границу, говорил. Да отпусти ты.

— Не сердись, мужик, — сказал я, отпуская, — что-то я совсем худой стал. Спасибо тебе!

— Да ладно.

Он ушёл, не взяв спичек.

На следующее утро на планёрке нам сообщили, что в связи со служебной необходимостью Серик Субеков направляется в Бельгию, для работы в одной из криминальных газет.

— Я чего-то подобного ожидал, — сказал Серик, прощаясь со мной в кабинете. — Слушай, ты кто такой?

— При чём здесь я?

— Это твоих рук дело.

— Ты недоволен?

— Да на халяву съездить за границу — мечта любого репортёра. Но всё-таки.

— Серик, прошу тебя, не пытайся что-то понять, тебе этого не надо. Просто прими с благодарностью.

— Я-то принимаю, — ответил Серик. — Но кто ты на самом деле?

На это я ответил вполне искренне:

— Понятия не имею. А ты как думаешь?

Признаюсь теперь, мне всегда было важно, что обо мне говорят другие. Я не тщеславен. Но думал, всё сказанное о тебе каждым конкретным человеком где-то отдельно фиксируется. И постепенно начинает быть дозатором твоего душевного состояния.

Если тебе хорошо — о тебе так говорят. Если плохо, много дурного сказано тебе в спину. Как правило. Редко кто отважится говорить гадость в лицо. А отважившихся надо уважать, даже если это враги.

Раньше я не знал, что друзья в Целинограде хоронили меня несколько раз; говорили много хорошего, но — как покойнику. Теперь истинные причины целого ряда моих страшных душевных кризисов объяснялись просто.

Нынче я опять чувствовал на подходе нечто подобное: меня не устраивала нынешняя жизнь, разонравилась работа, писательские дела стали колом. Меня буквально бесило бездействие. Я жаждал завершения своей "миссии", тем более что никакой миссии не распознавал. Всё мнилось жалкой игрой, а я был никчёмным фигляром.

И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем; потому что должен оставить его человеку, который будет после меня.

И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? (гл. 2, Экклезиаст).

Новосёлов, едва взглянув, сказал:

— Сядь и успокойся.

Я сел, затравленно озираясь по сторонам.

— И помолчи немного, — добавил пастор, — дай себе несколько секунд. Прошу тебя, — повторил настойчиво, — просто дай себе несколько секунд.

Я прикрыл глаза и постарался дышать ровнее. Атмосфера кабинета пастора успокаивала и казалось, что внешний мир находится отсюда далеко. А Юра продолжил:

— Представь себя где-нибудь на берегу небольшого озерца. Ты сидишь с удочкой, а невдалеке — твой бревенчатый дом, в одной из комнат которого на столе лежат твои рукописи. Тишина, блаженство. Рядом берёзовый лес...

Голос друга подействовал благотворно. Мне наяву привиделись дом, озеро, рыбалка. Жужжали мухи, несильно грело солнце.

Это было то, чего хотелось в конце жизни: спокойно работать. Освободить голову от назойливо терзающих мыслей, выплеснув их на бумагу. Оказаться в “нездешнем краю”, где нет войн, зависти, корысти. Где любят навсегда и никогда не предадут; где “доброе утро” незнакомого человека — норма.

Но ведь нет такого мира!

Пока нет, отвечал мне кто-то, но его надо построить. Прими в этом участие и помоги, ради собственных детей и внуков.

— Ты об этом мечтал? — спросил Новосёлов.

— Я никогда не переставал об этом мечтать, — отвечал я тихо, примириительно. — Но, видно, мечтам этим суждено сбыться не в этой жизни.

— Этот мир нуждается в переустройстве, — сказал Юрий твёрдо. — Он физически и духовно несовершенен. Знаешь, когда мои дети были маленькими, я молил Господа об одном: пусть они быстрее растут, пусть становятся сильными и умными, ибо обижают и унижают только маленьких и слабых. И вот они выросли, и вот стали большими и сильными, но я по-прежнему волнуюсь за них. Мир враждебен и все мы — искушаемы.

— Я, Юра, никогда не читал на твоём лице признаков какого-либо страха или беспокойства.

— Потому что я не имею привычки их обнажать, — ответил он жёстко. — Я каждый день, по роду своей пасторской деятельности, сталкиваюсь с такими вещами... Кто мне разрешил распускать сопли, если люди на меня смотрят с надеждой?

Я не помню, чтобы Новосёлов когда-то повышал голос.

— Цветочки, листочки, — продолжал нагнетать мой друг, — ты сначала заслужи всё это.

Внезапно он чуть смягчился:

— Это я тебе говорю как друг. А как пастор я скажу тебе следующее. Ты искушаем, помнишь? Я искушаем, они искушаемы, он искушаем. Но ты искушаем гораздо более. Я ничего не знаю об участии, что тебе уготована. Но поверь, она не совсем обычна. Просто поверь. И не забывай о Божьем Слове.

Он подошёл к книжной полке и что-то стал выискивать.

— Юра, Библия у меня есть.

— Читай её почаще, — бросил он. — Я не то ищу. Вот. Принесли недавно, сказали, передать тебе. Читай, это тебя успокоит.

Небольшая брошюра.

— Откровенный разговор, — прочёл я на обложке. — Тина Познань. Кто такая?

— Не знаю.

— Дальше-то что?

— Слушай, не спрашивай, — ответил Новосёлов раздражённо. — У тебя должно быть ещё одно испытание. Не знаю, какое. Прояви терпение, настойчивость и мудрость. Единственно знаю, что скоро кто-то должен приехать издалека, когда решится вопрос, годишься ли ты в ученики.

— В ученики? — вознегодовал я. — Не ослышался?

— Именно в ученики. А что ты конкретно знаешь и умеешь? Что ты прошёл и какие знания почерпнул? Какова твоя духовная крепость? Вообще, кого ты из себя воображаешь?

— Никого, — мне внезапно стало легче. — Никого, Юра, успокойся.

— Он меня успокаивает, — пробубнил Новосёлов. — Он меня успокаивает, — повторил рассеянно. — Но ты ж не знаешь, в какие ученики, и я не знаю. Но то, что не в ученики Целителя — это точно.

— Слушай, преподобие, ты мне можешь точно и, главное, внятно ответить на вопрос: что есть Целитель, по большому счёту?

— Целитель? — переспросил он. — Могу. Только в нашем понимании. Даже в нескольких версиях. Итак, Целитель — это космическая идея, одаряющая здоровьем своих приверженцев; космическая тайна, закрытая для непосвящённых; способ пробуждения скрытых сил организма, изгоняющих болезни; помощь, которую человек, обладающий особыми способностями, оказывает другим людям. Помощь эта относится прежде всего к проблемам здоровья, но не ограничивается ими. — Он подозрительно посмотрел мне в глаза. — А своё определение у тебя есть?

— Я пытался, и кажется, что Целитель — это прежде всего то, к чему должен стремиться каждый человек внутри себя. Каждый должен им быть! И Целителем Мира — в идеале. И не обязательны всякие посвящения и прочая ерунда...

— Не юродствуй! — оборвал Новосёлов. — Вещи довольно серьёзные. Им не каждый научиться может, талант нужен. Это тебе не книжки писать, высасывать из пальца.

— Интересно, как в мои-то годы можно ещё учиться? — спросил я неуверенно.

— Я каждый день учусь, — ответил Новосёлов. — И не думай, пожалуйста, что я у них там на основных ролях. Я — жалкий подмастерье.

— Да ладно! Не вижу тебя в такой роли.

— Слушай, — проникновенно сказал друг, — ты понятия не имеешь, даже приблизительно, что это за организация.

Он спохватился.

— Всё, хватит. Я тебе ничего не говорил.

Нервно прошёлся по кабинету.

— Юра, кончай разводить таинство, — ответил я серьёзно. — Капитального понятия я, конечно, не имею, но приблизительно представить могу. Не маленький.

— Вот и ладненько, — ответил он. — Теперь так. С этого самого дня ты или появляешься здесь, или звонишь в конце дня и говоришь, что и как. Второе. Ни во что не ввязываться, водку не пить, в драках не участвовать. Беречь себя. Третье. Читать, учить, постигать.

— Ясно, — ответил я. — Юра, а что вызвало такое твоё волнение?

— Я тебе отвечу, но объяснять ничего не буду, — сказал его преподобие. — Сам постигай.

И добавил каким-то неестественным голосом:

— Чёрная Сотня перешла рубеж...

Недолгий, но содержательный разговор с Новосёловым, особенно его последние слова, не давал мне покоя до половины ночи.

“Чёрная сотня”, опять “чёрная сотня”.

Я вновь с грустью вспоминал Андрея и чувствовал себя беззащитным и одиноким. Я впервые подумал, до какой степени я одинок, и — это судьба. Мне никто не поможет, а тех, кто мог бы помочь, я предпочитаю держать подальше от всех и всяких событий. Я имею в виду своего сына, которым дорожу и которым бесконечно горжусь. Он по этому пути пройдёт намного дальше и успеет больше, потому что свободен от соблазнов и сомнений. Хотелось бы на это надеяться.

Я ещё и ещё раз прокручивал в памяти всё сказанное Новосёловым и не находил достаточных объяснений. Ученик! Я — ученик... Каково? С моим запасом духовных знаний, с каким-то количеством написанных и опубликованных художественных произведений.

Я — взрослый человек.

С другой стороны, Юра прав. Что я могу, умею, знаю? Ничего. Нажитый багаж лет ни о чём не говорит, ни в чём не убеждает и не обещает ровным счётом ничего. Всё надо начинать с начала. Я — просто ноль. Обидно. Но много раз я и сам себе об этом говорил.

Я-то говорил, но гораздо обиднее, когда об этом говорят другие.

В конце концов, Литературный институт!..

Ну и что? У многих именно он.

Почему-то сейчас я вспомнил о своей “альма-матер” и с грустью подумал о том, что со времени окончания не виделся ни с одним из однокурсников или с тем, кто тоже оканчивал Литературный примерно в те же годы; не беседовал, рассказывая или спрашивая про общих знакомых, радуясь или переживая за их судьбу; не трепался о литературе...

В сущности, вся наша жизнь — обучение. И если ты не узнал сегодня ничего нового, значит, день прожил зря. Институтские годы тем и хороши, что каждый день был озарён чем-то новым.

Я ностальгически вздохнул, но тут же вздрогнул, вспоминая начало. А оно было жутким. “Били” на первых творческих семинарах достаточно жестоко. После первого обсуждения моей лучшей на то время повести я пешком прошагал двадцать три остановки по маршруту нашего “двадцать третьего” троллейбуса, возвращаясь в общежитие на Добролюбова. Мысли были невесёлыми: не моё, я ни на что не способен, бездарь, надо уходить... А вечером в моей комнате собрались почти все участники семинара и стали наперебой хвалить некоторые отрывки повести, лирику отступлений, образные сравнения. У меня глаза на лоб полезли.

— Почему на семинаре вы говорили совсем другое?

— Методика такая, старик, за одного Битова двух не Битовых дают.

Руководитель семинара Александр Проханов подтвердил это и попросил “излишне не впечатляться”.

— Спросите по отдельности, ответ каждого будет гораздо важнее того, что они говорят хором, — добавил он. — Но не забывайте, что важнее всего то, что я думаю о вашем творчестве.

И это было правдой. В Литинституте всё решал руководитель творческого семинара.

Кто же теперь будет моим руководителем, который станет за меня всё решать?

Ах да, брошюра!..

Я достал книжечку, настроился на восприятие и начал читать.

... На закате лет один из великих древних Поборников Света говорил: “Вся наша быстро промелькнувшая жизнь была лишь небольшим — вводным — курсом ко всей дальнейшей судьбе, которая отдана на противостояние врагу человечества”...

И напутствовал: “Хотите стать Поборниками? Тогда станьте молчаливниками. Ибо среди беззакония, наступления тьмы, хаоса и всеобщей беды громче всех плачут и рыдают именно сотворившие это”.

Тина Познань, кто же ты такая?

Мне почему-то виделась очень высокая, спортивная, красивая женщина, в учёном балахоне и с треугольной шляпой на голове.

И нет в этом ничего запредельного, мистического и невозможного. Всё существует здесь и сейчас. Тьма всегда имеет преимущество, потому что главенствует в материальном мире, пропитывая его хотениями всех нас, навязывая нам свои законы и установки. Кто-то сопротивляется и становится гонимым, унижаемым, неудобным для всех; кто-то становится “умным” сразу. В принципе, человеку особо и приспособливаться не надо — всё и так в нём, ибо человек есть существо материальное.

Я намеренно привожу только цитаты, потому что изложение всего займёт очень много места.

Великая катастрофа этой никогда не прекращающейся борьбы состоит в том, что тьма всегда останется тьмой, а свет всегда останется Светом, и всё это происходит в едином мироздании.

Но Тьма приходит для того, чтобы овладеть Светом. Ведь она изначально главенствовала, но не было в ней жизни.

Ибо сказано в “Ригведе”: “В начале была тьма, окружённая тьмой”.

Бытие ей вторит: “Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездной”.

“Да будет Свет!” — и появилась жизнь. И стало ясно, что хорошо это...

А что кому-то хорошо...

... В непроходимом сумрачном лесу, заплутавшая меж могучих елей и величественных кедров, оставленная всем суетным миром, одиноко покоилась Обитель.

Вести извне поступали сюда редко: либо с заплутавшими путниками, либо провидением Создателя.

Когда широким атласным покрывалом ложилась ночь, в единственном деревянном Храме зажигали свечи и становились на молитву пятеро согбенных старцев.

Это был их еженощный подвиг: они сдерживали потуги нечистого, который возжелал властвовать над всем этим серым краем, над его запуганным, забитым и погрязишим в невежестве народом...

В общем, к утру, когда я прочёл книгу, сделав в ней необходимые пометки, я уже твёрдо знал, что не гожусь даже в ученики.

“Ваше назначение — это Поток Света, — вспомнилось мне отчётливо. — Там вам уже уготована участь Координатора, далее — Легата”. “Куда там? — с горечью подумал я теперь. — Вы ошибались, уважаемый Макенкули. Ничего этого не произойдёт, потому что я — пустое место”.

Пылающее солнце вдруг зацепилось краешком за огромное мохнатое облако и притухло, и пригасло. И сразу вдруг сделалось темно. А облако оказалось мертвенно-серого цвета.

Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими;

Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. (Ев. от Матфея, гл. 7).

Предчувствие чего-то или томительное ожидание прослеживалось на всех улицах ночного города. Из подъездов и подворотен, подвалов и канализаций наружу повывлазило безобразное отребье, которое ещё совсем недавно называлось людьми.

Устойчивые стайки наркоманов, со вдруг посвежевшими глазами, бойко оглядывались по сторонам: к кому бы прилипнуть. Тёмные личности с бритыми головами раздавали распоряжения.

Зло вылезало, но ещё не главенствовало, оно готовилось.

Жуть висела в воздухе и ощущалась почти физически.

Я вспомнил одну из подобных ночей в Экибастузе, и по спине прошёлся нехороший холодок предчувствия: это разминка.

Мутное серое небо фонтанировало всполохами.

Зловеще лопаясь, они на мгновение высвечивали хаотические нагромождения антрацитно блестящих облаков, тяжело переваливающихся по небесным склонам.

А чуть пониже, бесшумно махая огромными вороньими крылами, над городом парило Недобро.

Но... у меня на душе было радостное ожидание.

Позвонил Новосёлов и попросил немедленно появиться. На вопрос, в чём дело, ответил:

— Тут к тебе гости приехали, хотят увидеться. Да их можно понять, пять часов в воздухе.

— Их много?

— Одна, но какая!.. Её зовут Тина Познань, она — автор той книжицы, что я тебе дал. Надеюсь, ты прочитал её?

Внутри у меня всё замерло и я сдавленным голосом отвечал:

— Юра, я прочитал, но к встрече не готов...

— Да, ещё одно, — не слушая меня, говорил Новосёлов. — Она окончила тот же институт, что и ты. И даже имя твоё ей известно. Но она закончила за два года до тебя.

За два года, за два года. Господи! Да она училась вместе с Санькой Рахлюком и Виталей Носиковым.

— Здорово! — вырвалось у меня. — Юра, старина, скажу тебе честно, я даже в ученики не гожду. Стыдно, но...

Новосёлов засмеялся.

— Этого я и ждал. Наконец-то дождался... А то давай возмущаться. Годишься, теперь точно годишься. Приезжай быстро и не дури. Ибо сказано: “Когда ученик готов, появляется учитель”. Понял? Не раньше, не позже. Ждём.

Я собрался и пошёл на остановку.

Таинственные движения во всех тёмных закоулках меня не особо заботили.

Но когда я, проехав десять остановок, оказался в районе строящихся объектов, а чтобы пройти к Новосёлову, надо было миновать их три, на душе у меня стало беспокойно. Сторожей на стройке не видно, огни не горят.

И вдруг мои уши резанул истошный девичий крик. В нём было всё: отчаяние, страх, зов на помощь. Девчонке реально что-то угрожало.

До пасторского дома оставалось каких-нибудь сто пятьдесят метров. И меня там ждал человек, встречи с которым я, возможно, хотел всю жизнь. И беда-то ведь не со мной приключилась, а с неизвестной мне личностью. А если она сама хочет приключений? Зачем так поздно ходить одной по окраинам? Да и — неизвестно, кто она такая. Каждый день со многими случается нечто подобное. Меня ждут...

Пока я мучительно соображал, крик повторился. Нет, не похоже, что она сама хотела чего-то подобного.

Нет, всё должно решиться здесь и сейчас, именно на этом пяточке планеты.

Борьба за человечество — это и есть борьба за каждого отдельного человека, в каждом конкретном случае. Кто сказал? Я.

Их было пятеро. Нет, не чёрных, нет, не в блестящих одеждах, но исходящая опасность от этого меньше не становилась. Они стояли кольцом, внутри которого металась насмерть перепуганная девушка.

Худенькая, даже угловатая, она, видимо, хорошо понимала, куда попала и чем всё это кончится. Она кричала, верещала, просила её отпустить, потому что “дома ждёт мама”. Сумочка в её руках вихлялась в попытке защититься от наступающих, но вызывала у них только истерический смех.

Выглянула луна, и всё стало виднее видного.

Я стал под одиноким тополем, чтобы отдышаться и первым делом пошарил глазами по сторонам. Ничего. Ни трубы, ни палки, ни арматуры. Обойдусь.

Я всмотрелся в лицо жертвы. Её воспалённые глаза ударили меня в самую голову.

... Нет, она этого не вынесет, она покончит с собой — перережет вены. Но перед этим напишет своему парню в армию. Письмо ему отдадут, когда он вернётся со службы. Он станет ходить по ночным улицам и жестоко убивать всех, кто пристаёт к одиноким женщинам. Он возьмёт девять жизней “чёрных душ”. На десятой его арестуют. Ему дадут пожизненный срок. А в камере, не дожидаясь суда, он тоже перережет себе вены...

Этого не должно произойти!

Я вышел из тени.

— Ну что, подонки, — крикнул во всю мощь своих лёгких. — Развлекаемся? Пятеро быков на одну слабую девчущку. Не скучно?

Все замерли. Никто не ожидал.

Не знаю, какой дурью обкололись и какое пойло употребляли эти отморозки, но они были явно не в себе.

И, более того, я знал, подобное в эту минуту творится во всём городе.

Зло вылезало наружу.

Хоть кто-нибудь борется с ним в других частях света?..

Воспользовавшись короткой паузой, один из ночных мерзавцев ударил девочку по лицу. Она упала. Вначале замерла, потом стала отползать в сторону. На неё уже никто не смотрел. Их кайф был испорчен.

Они стали обходить меня, окружая. Скверное положение, его нельзя допустить.

Я отбежал к строящемуся дому и прижался спиной к стене. Уже различал лица наступавших врагов, уже был твёрд и непреклонен в единственном желании: уложить хотя бы одного. Это была моя собственная арена борьбы со злом, в которую я обязан внести свою человеческую лепту. А цена всегда дорога...

Когда-нибудь всё это: метания, недовольство собой, страхи, опасения, словом, вся жизнь законченного неудачника — должна завершиться. И лучше всего в бою. Андрей не меньше меня хотел жить. Но у него была истинная цель... Есть она и у меня сейчас! Была она у меня и в Приднестровье, где зло нанесло один из первых ударов, и мы его встретили грудью. Я это твёрдо помнил теперь и мне вновь эти воспоминания становились дорогими, несмотря на всю их тяжесть. Зачем я с ними хотел расстаться? Ведь оказался я там по зову Света.

Жаль только за тёмным порогом Бытия этой луны наверняка нет. Зато есть другие...

Сколько я ждал встречи с Координатором, а она не состоится. Хотел поболтать об однокурсниках, не получится.

Они трусили, они переминались, они не привыкли к активному сопротивлению. На первого же, который оказался ближе других, я выпрыгнул, оттолкнувшись от стены локтями, и ударил “замком” в подбородок, как меня учил старый друг в Экибастузе, ставший “бандюганом”. Удар был силён. Противника подбросило вверх и опустило всеми точками сразу, со шмяком. Он затих.

Я вновь был у стены.

Программа минимум выполнена.

Они остановились, посмотрели на “другана” и с воплями кинулись на меня все гуртом.

— Его убьют, — сказала Тина. — Юрий Тимофеевич, пора.

— Не так это просто сделать, как оказывается, — ответил Новосёлов. — Не убьют, ещё несколько минут он вполне продержится.

— Боже мой! — воскликнула Тина. — Как же он одинок!

— Успокойтесь, — ответил Новосёлов. — Не более, чем все мы...

Я быстро двигался, уворачивался, получал удары, наносил удары. С ног ещё не падал, знал, что это самое страшное: тогда уже нет надежды, запинаят до смерти.

Я мог убежать, но и не мог — стыдно. Помните, “весь мир на тебя смотрит”.

Девчонки не было, она скрылась.

Трагедии теперь не случится. Наука — на всю жизнь.

Одновременно с трелью полицейского свистка я ощутил тупой, какой-то скользкий удар в живот, от которого внутри всё вдруг замерло и взвилось дикой болью, ещё удар...

Меня достали ножом. Потрогал руками — кровь. Проглядел, пропустил, не смог, слюняй проклятый... Я почувствовал, что теряю силы. Отморозки

разбегались по сторонам. На прощанье один из них ударил меня — согнувшегося — ногой в лицо. Я упал.

Полиция не поспевала догонять.

Но непроходимым кордоном оцепив место схватки, стояли неподвижные люди в одинаковых синих костюмах.

Как слепых котят скрутили они убежавших и передали полицейским.

Я был ещё в сознании.

— Постарайся не шевелиться, — сказал Новосёлов. — Не волнуйся, девчонка жива, это она привела полицейских.

— Как, в общем в мире, а, Юра? — прошептал я умиротворённо. — Мы хоть где-нибудь побеждаем?

— Всё у нас под контролем, — ответил он.

— Под каким? Под таким же, как здесь, да?

— Примерно... Ладно, бубнить будешь потом. Познакомься, это — Тина Познань.

Вперёд вышла невысокая, стройная и очень красивая женщина неопределённого возраста.

— Тина? — спросил я. — Познань?

Она утвердительно кивнула и сказала:

— Лучше ничего не говорите и постарайтесь не шевелиться. Сейчас мы вас заберём и сделаем так, что вам сразу станет легче.

— Тина — это Валентина?

— Да, меня так зовут. Я хорошо вас помню по институту.

— Здравствуйте, Тина. Видите, как я облажался, опозорил весь свой любимый Литературный, наши ребята будут мной недовольны... Куда со мной таким охранять Свет? Но, знаете, я Его увидел. В самом деле...

— Ничего не говорите, прошу вас, — ответила Тина. — Знайте, что когда-нибудь о нас будут сложены легенды. Такие же, как о героях старины.

— Простите, — пробормотал я, — а как поживает...

И потерял сознание.

И слышался мне Голос. Только непонятно, было ли это Голосом внешним, или сознание зашкалило, или слова выстроились в чёткую словесную схему, но слышалось:

Ты слушаешь ветер... Как он громко говорит, — от него и сонная память просыпается, и отряхивает наземь сгоревшие обрывки фраз, сцен и событий. Он — хороший друг, он надёжный приятель: с ним встречаются и провожают, с ним запросто пьют и быстро трезвеют... Тебе он — тоже друг, и ты, отворивши окно, пытаешься ему сказать что-то, но голос твой, как лиственный шелест.

Ветер! Берёзовый ветер! Обнажи до головокружения в моём сознании картины далёкого дома, где ждут меня мои родные. О них моё слово, о них и слеза моя, и грусть моя древняя, словно сказание...

Ветер! Скажи за меня о том, как мне хочется вернуться домой: к беззлобному небу и чистому озеру.

— Вот и дождался ты своего часа, — прошептал Новосёлов. — Вот и вступил в схватку и всё сделал как надо. Ты выбрал... Уносите его.

Меня подняли и понесли.

г. Астана.

Тамара НЕЧАЕВА

“За всё я судьбе благодарна...”

Где-то грозы гремят

Где-то грозы гремят, где-то ливни шумят,
И в полнеба звездой пламенеет закат.

Там по краю земли мы с тобою прошли,
Танцевал дождь слепой, и луга расцвели.

Той далёкой весны в небе реяли сны,
И поля, и леса были счастьем полны.

В том забытом раю, у судьбы на краю,
Всех времён голоса песню ветра поют.

У заветной горы все сходились миры,
Не сойтись им опять на Земле для игры.

Для иных берегов эти игры богов,
Не унять, не объять и тоску, и любовь!

Утихала гроза, и в полнеба глаза
Всё кричали о том, что забыть нам нельзя.

В этом странном кино мы снимались давно.
Всё, что было потом, стало новым лишь сном.

Та закончилась роль, уже сыграна боль,
Только память — в былом, в тех лугах за селом.

Утихала гроза, и в полнеба глаза
Всё кричали о том, что забыть нам нельзя.

Наш край

И я оставила наш край —
Его оставил ты.
Цвёл на земле за маем май,
Но ты унёс с собою рай —
Он был лишь там, где ты.

Мир глаз твоих к себе манил.
Другого мира свет
И обжигал, и холодил,
И в даль иную уносил,
Пути откуда нет.

Была, как небо, высока
Бескрайняя любовь.
Несли на крыльях облака,
Качала времени река,
Был полон мир тобой.

Гор молчаливая гряда
Ещё те сны хранит.
Горела, падая, звезда,
И скалы плавилась тогда —
Остыл, как ты, гранит.

Как степь, бескрайна и вольна,
Мечта моя жива.
Лесов зелёная волна
Хранит земное чудо сна
И трепет волшебства.

Жгли ночи мы в огне костров —
Отчизны сладок дым!
В волшебном шёпоте лесов
И в тишине летучих снов
Уж нам не быть двоим.

И я оставила наш край —
Его оставил ты.
Цвёл на земле за маем май,
Прощальный гомон птичьих стай
Летел туда, где ты.

Заколдованный круг

Заколдованный круг,
Солнцем вытканый луг,
И над речкой склоняются ивы.
И до самой зари
Ты, костёр наш, гори!
А река всё бежит торопливо.

Заколдованный круг,
Небо звёздно вокруг,
Снежной пылью дорога искрится.
И в морозную ночь,
Когда ждать уж невмочь,
Он на крыльях навстречу мне мчится.

Заколдованный круг
Твоих глаз, твоих рук.
И не выйти из этого круга.
Сколько зим, сколько лет
Ты прокладывал след,
Сумасшедшая пела нам вьюга.

Заколдованный круг
Наших встреч и разлук.
Наяву ли, во сне — мы не знаем.
А под сенью ветвей
Сердце бьётся сильнее —
Это лес, заколдованный маем.

Закодированный круг,
 Ветра плач, песни звук
 О пустыне его одинокой.
 Это звёзды в очах,
 Это небо в слезах
 О разлуке, казалось, далёкой.

Закодированный круг,
 Уезжает твой друг.
 Только небом обещана встреча...
 Это в нашем саду
 Ветер шепчет в бреду.
 Вместе с ветром грустим мы о вечном.

Размыкается круг,
 Нет смертей и разлук,
 Выше нет у нас с ветром святыни!
 И стремится в туман
 Наших душ караван
 Снова к Солнцу любви и пустыни!

Другой двойник

1. Двойник из антимира

Посеяв мысль в мозгу, сомнение гложет.
 Но наши в нас живут антимиры!
 И мой двойник, так на меня похожий,
 Там, в зазеркалье, спрятан до поры.

Как виртуозен мир античастицы!
 Как, виртуальная, она меняет лик,
 И наизнанку вывернуться тшится,
 Частицей стать, потом исчезнуть вмиг.

И антимира потрогать невозможность,
 И двойника увидеть не судьба!
 Всё переходит в противоположность,
 Единство между нами и борьба.

И потому вибраций власть сурова,
 И потому нам маятник — закон.
 Здесь даже мысль вибрирует и слово,
 Числом и словом путь наш предрешён.

2. Молодому поколению

Светлее мир, вибраций выше звоны,
 Когда приходит к нам другой двойник.
 По вечным он живёт, другим законам,
 И потому прекрасен и велик.

Два двойника из разных измерений!
Тот, временный, двойник, как мы, спешит.
Но вечный наш двойник — актёр и гений,
Как много на Земле он совершит!

От двойника у нас всё знание мира,
И интуиция, и совесть от него,
И Пушкина возвышенная лира,
И Моцарта творений волшебство.

К Себе ведёт дорога нас любая,
Потери роковые — лишь урок.
Свой вечный дух всем сердцем согревая,
Ты никогда не будешь одинок!

Ведь это в нём — миров переплетенье,
А в наших клетках — разум неземной.
Довольно твоего лишь вдохновенья —
И твой волшебник, твой двойник с тобой!

Твои все жизни прошлые он помнит,
Тобой забыт! Ликуй или страдай,
Ты к двойнику сначала будь паломник —
В темнице он. Ему свободу дай!

И на Земле раскроется, как знамя,
“Я” Высшего любовь и дружба, явь!
Смотри на мир духовными глазами,
Как мир изменится от этого, представь!

Родина — Земля

Солнышко закатится — это звёздный час.
Этот свет то спрячется, то блеснёт из глаз.

Ночью мы свободные от земных забот,
И другая Родина нас во сне зовёт.

Показалось облако, началась гроза.
Улетело соколом счастье в небеса.

Улетела странницей вслед за ним душа.
От заката тянется над землёй пожар.

Породниться с бурями мне с тех пор пришлось.
Светит солнце хмурое, я со счастьем врозь.

Не считаю времени, не зажгу огня.
Позабыли все меня, светлого нет дня.

Но осталось ценное, чем богата жизнь.
Солнце неизменное, ты во мне зажгись!

Вечера здесь синие, глаз не отвести.
Родина, прости меня, мать, отец, прости!

Здесь цветы красивые, рощи и луга.
Ты, Земля, прости меня, ты мне дорога!
Каждого по имени помнят в вышине!
Больше нет уныния, солнце светит — мне!
И вернулась странница, кто её вернул?
Буду людям кланяться, зла не вспомяну.
Пусть мечты развеяны, прошлого не жаль.
В небесах посеяны радость и печаль.
Яркими одеждами радует весна.
Светлыми надеждами вновь душа полна.
Там, где над равниною голубеет высь,
Песней журавлиною ты ко мне вернись.
Наши годы жаркие — маяки во мгле.
С неба звёзды яркие падали к Земле.
Белые туманности провожали их.
Прилетели странницы из миров других.
Принесли хрустальные, неземные сны,
Песни беспечальные с дальней стороны:
“Не по воле случая здесь мы и сейчас.
Наши годы лучшие — каждый день и час!
На Земле бессмертными будем жить не зря!
Из любви и света мы, нам без них нельзя”.
Много троп исхожено здесь и в небесах,
Много песен сложено о родных краях.
Рощи наряжаются в свадебный наряд.
Радость не кончается, если жизни рад!
Родина бескрайняя — радость и печаль!
Я иду — встречай меня, открывая даль!
Мы дойдём до крайности, родину деля!
Пусть для всех останется родиной — Земля!

Ковчег

Вот она, тихая пристань,
Вот он, духовный Ковчег!
Жизнь мою выбелил чисто
Станный нетающий снег.

Снег испытанья, разлуки,
Холод потерь дорогих,
И разделения муки
От намерений благих.

Сердце о звёздах мечтает,
В новый собравшись полёт.
Там, где лишь звёзды мерцают,
Таёт души твоей лёд.

Здесь, продолжая творенье,
В нас превращается свет,
Новые ждуг измеренья,
Где отчуждения нет.

Страсти земные — цунами!
С духом собраться бы нам,
Чтобы пройти над волнами
К Новой Земли берегам.

В этом Ковчеге заветном
Наше спасенье сейчас.
С бурей поспорим и с ветром,
Есть ещё жизни запас!

Энергия цели

За всё я судьбе благодарна,
За счастье и годы скорбей.
Держать научившись удары,
Уже не препятствую ей.

Кто это — не так уже важно —
Тернистый готовил мне путь.
Звезда моя вспыхнет однажды,
Чтоб светом удары вернуть.

Судьба нам сюрпризы готовит —
Толчок, нападение, удар!
И взор беспристрастный мой ловит —
Откуда энергии дар?

И если душа не сумела
Энергию эту принять, —
Болезнью расплатится тело
И к праху вернётся опять.

Оставим на время заботы —
Мы сами творцы своих бед.
Судьбы превратим повороты
В поэмы, в идеи и свет!

Мы сами свой путь выбирали,
Наш выбор и помнят, и чтут.
Хранят неземные скрижали
И цель, и опасный маршрут.

Столетия не зря пролетели —
Светило надежды встаёт.
Энергия праведной цели
Нам сбиться с пути не даёт.

Маятник

Жизнь — маятник, что ищет середину,
Не зря её назвали золотой.
И век за веком, и отцу, и сыну
Судьба качаться на качели той?

От света к тени и от тени к свету —
Нехитрый выбор наших амплитуд.
Но человека, двухстороннюю монету,
На небе всё же знают, любят, чтут.

Вы повернитесь к людям светлым ликом,
Своею лицевой стороной!
И пусть для всех взойдёт ваш свет великий,
Рассеет он порочный круг земной!

И встанут просветлённые народы,
И удивятся, как был путь жесток,
Как на земле под именем свободы
Распространяли рабство и порок.

Был интерес, но не было идеи,
Она была людьми упразднена.
Отдавшись тайной власти, ротозеи
Родили монстров, чья же в том вина?

Растут идей и интересов монстры
На гребне власти, с пеною волны.
Все крайности — они родные сёстры,
Началом стать паденья рождены.

Глаза откроются у пленников свободы!
А маятник, он снова за своё —
Из тупика в тупик несёт народы,
И на сознание давит бытие.

Здесь, на Земле, на благодатной ниве,
Тобой взращённый, будет ад иль рай.
Земля — планета выбора, в активе
Зло и добро — твори и выбирай!

А маятник качает нас, крылатый, —
Где не в чести добро, приносит зло.
Он всё равно выносит нас когда-то
К вершинам духа, где всегда светло.

Жизнь нарисует новую картину.
Нет остановки, не грозит застой,
Пока есть маятник, что ищет середину,
Не зря её назвали золотой!

И может быть, на рубеже столетий
Из недр свободы этой прорастёт
Век равенства. Его приблизят дети,
Раскачивая маятника ход.

Василий КОЛИН

Детский сад

Рассказ

Зимой дела мои, слава Богу, пошли в гору, и я стал навёрстывать упущенное. С первого же навару купил себе тяжёлую золотую печатку (во время финансового кризиса свою пришлось отдать за бесценок) и нанял водителя, который согласился мотаться со мной, куда скажу, за приличные по тем временам деньги.

— Ты, главное, плати, хозяин, а я тебя за твои “бабки” хоть на Марс оттартаю, — сказал он решительно, и мы ударили по рукам.

Ну, Марс не Марс, а поколесить пришлось, и если суммировать весь километраж, то цифры действительно получились бы астрономические. Бывало и так, что российско-казахстанскую границу выпадало пересекать по нескольку раз в сутки. Но я не роптал, наоборот, молился втихаря, чтобы полоса везения тянулась как можно дальше. Очень уж страшным оказался тот период после развала Союза, когда мы, “закордонные” русские, оказались никому не нужны и выживали кто как мог, каждый по-своему.

А вот с личной жизнью у меня почему-то не ладилось. Женщина, к которой я тогда испытывал, по-моему, вполне искренние чувства, сперва выставила мне целый ряд невыполнимых условий, а потом и вовсе ушла к другому. Я почти перестал бывать дома и всё чаще и чаще бежал от одиночества в какой-нибудь кабак.

Круглосуточно работающий ресторан “Туркестан” до сих пор не попадал в число тех мест, где я по ночам отчаянно просаживал с таким трудом добытые суммы. По крайней мере более года я там не был точно. Поэтому когда россияне — мои нынешние партнёры по бизнесу — предложили посидеть где-нибудь в приличном месте и, так сказать, обмыть очередную удачную сделку, я, не долго думая, остановил свой выбор именно на “Туркестане”, самом солидном в нашем городе гостинично-развлекательном комплексе.

Центр есть центр. Тут всегда по-другому: и стройные ели в снежных шубах, и круглые электрические луны, и полированные сверкающие бока

**Василий
Васильевич
КОЛИН**

родился в 1954 году в г. Сатка Челябинской области. Окончил Петропавловский пединститут и Омский СибАДИ, кроме того, отделение журналистики университета марксизма-ленинизма. Работал слесарем, машинистом скрепера, преподавателем в вузе, директором ЦНТИ, руководил строительством, почти десять лет был профессиональным газетчиком, пройдя путь от корреспондента до редактора. Автор поэтических книг “Иисус изумлённый” и “Наколочка”. Постоянный автор “Нивы”. Живёт в селе Бишкуль под Петропавловском.

престижных иномарок, всё как бы подчёркивает твою возможность пожить по-человечески.

Сидели мы допоздна, потом гости разбежались куда-то, и я опять остался один. В зале было немногочленно, и от нечего делать я стал клеиться к барменше — симпатичной девушке с кошачьими зелёными глазами и умопомрачительной русой косой. Когда-то давно, года два тому назад, меня познакомил с ней наш общий друг, уехавший следующей зимой в Германию на ПМЖ. Не помню, по какой причине, но отношения тогда не завязались, вероятно, мы недооценили друг друга.

Ленка, так звали барменшу, моё нынешнее пьяное ухаживание приняла за чистую монету, и мы договорились утром, когда закончится её смена, свалить куда-нибудь дня на два. Приятная музыка неназойливо вытеснила из нетрезвой головы всякие смурные мысли, и я время от времени вставал из-за стола, подходил к бару и заказывал очередную рюмку водки и печенюшку, попутно перекидываясь с Ленкой банальными фразами.

— Лен, хочешь, я тебе завтра самые дорогие духи подарю? — куражился я, а она, растаивая от заманчивых слов, пыталась всё же блюсти приличия:

— Тебе что, деньги некуда девать?

— А их у меня, как китайцев! — бахвалился я.

— Всё равно не надо. Скажут ещё, что на парфюм повелась.

— А кто скажет-то?

— Мало ли... Лучше купи мне зимние сапоги...

Неожиданно в ресторан через дверь, ведущую к номерам отеля, вошёл мальчик лет двенадцати и направился напрямиком к барной стойке. Ленка встретила его как старого знакомого:

— Привет, Серёжа. Тебе соку?

— Один стакан, — ответил мальчишка. — И ещё пять “сникерсов”.

Я помог ему вскарабкаться на круглую кожаную подушку высокого табурета, вращающегося, как карусель. Одет он был в джинсовые брючки и вельветовый коричневый пиджачок, выглядел весьма прилично, и мне подумалось, что вот, пока родители где-то на этажах делают свои филигмигли, ребёнок вынужден торчать по ночам среди пьяной публики. Однако следующий Ленкин вопрос поставил меня в тупик.

— На работу? — спросила она буднично, цедя из литрового тетрапакета апельсиновый сок в искрящийся хрустальный бокал.

Мальчуган ничего не ответил, только шмыгнул носом и стал через полосатую соломинку высасывать оранжевый нектар.

В это время у него в кармане запиликал мобильник. Серёжка достал его привычным движением и приставил к уху.

— Алё! Да... на выбор... как всегда — почасовая. Жду в “Туркестане”, пока.

Тут явилось весёлое кубло, внутри которого мелькнула пара знакомых рож. Они махом засекли меня и потащили туда, где пришлось закусывать и выпивать во здравие толстой и абсолютно не знакомой мне именинницы. Но краем глаза я видел, как взрослые мужчины, в основном нерусской наружности, один за другим подходили к Серёжке, о чём-то негромко разговаривали с ним и, оглядываясь по сторонам, совали ему смятые ассигнации. Мальчик деловито пересчитывал купюры, разглаживал их и прятал в пиджачок, затем уходил с посетителями в фойе, после

чего опять возвращался в зал и, вскарабкавшись на карусель, продолжал пить через трубочку свой сок.

Между тем именинница, неуклонно пьянея от тоста к тосту, беспричинно вбила себе в голову, что жить без меня не может, и стала приставать самым назойливым образом. Томно закатывая угольные зрачки, она бесцеремонно волокла моё обмякшее тело к эстраде, где, уложив его на мягких подушках грудей, самозабвенно и не в такт шаркала с ним по мраморному полу подошвами чёрных кожаных сапог, застёгнутых чуть выше половины пластмассовой “молнией”. Сладковатый удушливый запах распространялся вокруг её комплекции, меня мучило, но вырваться из мощных объятий самостоятельно я уже не мог. И неизвестно, чем бы закончился этот ресторанный роман, если бы не вовремя подоспевший на помощь водитель. Он прошёл через весь зал сразу к нам и рявкнул в ухо:

— Шеф, жрать хочу!

От неожиданности руки мучительницы разжались, и я, пользуясь моментом, оказался на свободе. Не долго думая, мы с водителем подрулили к бару, где Ленка приняла заказ на две порции пельменей и чашку горячего кофе, которые были поданы непосредственно в машину смазливой официанткой. Ужинать в заведении шофёр наотрез отказался:

— В джише мне по кайфу, тем более телек есть, а ночью самые фильмы.

Я возражать не стал и попросил Ленку плеснуть писярик. Она с недовольным видом налила.

— Прямо на титьки ей залез, — сказала Ленка ревниво и демонстративно стукнула о стойку донышком бутылки. — Лимон дать?

— Давай, — выдохнул я после приёма внутрь и, чтобы рассчитаться за водку, вытащил из внутреннего кармана пиджака пачку в банковской упаковке.

— Ух ты! — восхищённо воскликнул сидевший рядом Серёжка, взгляд его заблестел, а сам он даже перестал прикладываться к трубочке.

— Ладно, не выёживайся, — шепнула Ленка примиряюще и добавила озабоченно:

— Убери, люди вокруг.

Идти к своему столику я не хотел, опасаясь, что по дороге меня опять перехватит любвеобильная толстушка. Вместо этого я тоже потребовал соку с соломинкой и вдвоём с Серёжкой стал тянуть время из такого же, как и у него, искрящегося хрустального бокала.

— Так у тебя тут свой бизнес? — спросил я, стараясь при этом выглядеть вполне серьёзно.

— Ага, — кивнул коротко подстриженной головой мальчуган.

— И чем торгуешь, если не секрет?

Мальчишка глянул на меня исподлобья и начал разворачивать шоколадку. Застеснялся, что ли...

Выручила Ленка.

— Это наш маленький сутенёр, — ласково произнесла она и слегка потрепала его за ухо. Тот отстранился, а я чуть не опрокинул на себя напиток:

— Кого?

— Того, — передразнила меня Ленка. — Девчонки у него — две сестры старшие и ихние подружки. Всем жить надо.

— Старшие — это как? — не понял я.

— Ну, одной вроде четырнадцать...

— Пятнадцать, — поправил Серёжка и шмыгнул носом.

— Я и говорю: одной пятнадцать, а другой... Сколько, Серёж, Лариске-то?

— Семнадцать уже.

— Вот, семнадцать, значит. Примерно и подружки такие же, да, Серёжа?

— Угу, — согласился тот, уплетая сладкий батончик.

Я туло уставился в разноцветно переливающиеся бока чистых фужеров, висевших над стойкой ножками вверх. Сумбурные мысли сквозняком выметали хмель из моей головы.

— Ты чего зубами скрипишь, — испуганно тронула Ленка мой рукав. — Тебе плохо? Может, приляжешь в подсобке...

— Водки дай, — сказал я хрипло и оглянулся вокруг. — А куда он исчез?

— Вышел по делам. Ты бы прилёг, а?

Но я настоял на своём и с миниатюрным графинчиком потелепался к столу.

Народу в кабаке почти не осталось совсем. Нападавшая на меня именинница укатилась куда-то вместе с собутыльниками, ди-джей сквозанул ещё раньше, и для самых стойких посетителей Ленка гоняла на музыкалке попсу. Внутри меня было муторно и тошнота подступала к горлу. Я решил выйти на улицу освежиться.

В фойе на кожаном диванчике сидел Серёжка с двумя юными особами. Девицы за что-то отчитывали его. Проходя мимо, я замедлил шаг, а потом присел на корточки и сделал вид, что завязываю шнурок на ботинке.

— И сколько ты продул? — возмущённо спрашивала первая, симпатичная брюнетка и по виду старшая.

— Три штуки, — виновато опустив голову, признался Серёжка.

— Кто-то обещал больше не подходить к автоматам, — долбила она мальчишку.

— Это мне пару хачиков отработать надо, — ахнула вторая, с крашенными под платину волосами.

— Ну да, — взмахнула руками чернявая. — Как лохушек пичкает нас шоколадками, а сам...

Серёжка ещё ниже нагнул пылающее лицо, почти уткнулся в колени, из которых виновато и глухо донеслось:

— Я больше не буду.

Мне стало жаль его, и я нетвёрдой походкой двинулся на выручку.

— Привет, девчонки, вот ваши три штуки, только не мучайте хлопца.

Я плюхнулся рядом с ними, протягивая деньги. Девушки переглянулись.

— Это знакомый барменшин, — отрекомендовал меня Серёжа, засовывая в карман мою "гуманитарную помощь". — Он на джипе приехал.

— Сеструхи твои? — спросил я у Серёжки. Тот молча кивнул.

Брюнетка вежливо поинтересовалась:

— У Вас номер в гостинице?

— Какой номер! Так, пьянствую сам по себе.

— И куда мы пойдём? — любопытствовала крашеная, которую я мысленно окрестил Мальвиной.

— В смысле? — не понял я.

— В прямом, — заулыбалась чернявая. — "Бабки"-то отработать надо.

— А я хочу на джипе покататься, — капризно надула губки Мальвина, накручивая на указательный палец платиновую прядь.

— Тогда выходим по одному, — заплетающимся языком скомандовал я. — Машина подана.

У Серёжки опять заиграл телефон.

— Нет, пока ничего, позвоните через час-полтора, — он убрал трубку за спину и спросил у девушек:

— Когда приедете?

Те переглянулись, пожимая плечами.

— Как только, так сразу, — ответил я за них и, шатаясь, вышел на крыльцо.

Чудесная зимняя ночь добавила куражу в моё лирическое настроение. Засунув руки в карманы брюк, я медленно спустился по ступенькам и прямо перед входом на вспыхивающем в лучах фонарей снегу сплясал непослушными ногами какой-то замысловатый танец. Видимо, получилось прикольно, потому что идущие следом за мной девчонки рассмеялись. В ночной тишине их смех прозвучал по-детски звонко и заразительно. Мне тоже стало весело и, скрипя обувью и подставляя лицо слегка покалывающему морозу, я двинулся к парковке, где стоял мой чёрный “Ландкрузер”.

Водитель, похоже, несколько не удивился, когда я неуклюже взгромоздился на переднее сиденье справа от него. Увлечённый фильмом, он машинально повернул ключ в замке зажигания и после того, как заработал двигатель, спросил, не отрываясь от экрана:

— Куда, шеф?

Я махнул рукой прямо перед собой:

— Туда.

— Понял, — ответил водитель и, включив ближний свет, вырулил со стоянки на проезжую часть.

Мне нравится колесить по спящему городу. Пустынные улицы сверкают неоновыми огнями вывесок и реклам, на перекрёстках не надо торчать в пробках, и лишь редкое окно высветится вдруг на тёмном фоне кубической архитектуры. Это яркое пятно почему-то притягивает взгляд, а иногда, если повезёт, в нём занавески оказываются задёрнутыми небрежно, и тогда мелькнёт на мгновение за стеклом чьё-то лицо с бессонницей в глазах, и появится ощущение сопричастности тайнам чужого бытия, и одиночество как бы отступает на второй план.

Между тем девушки за моей спиной вели оживлённую беседу.

— Прикинь, — говорила чёрненькая. — Серёжкина классная — такая овца. Я, как путёвая, пришла на ихнее собрание, а она смотрит на меня и спрашивает: “Почему у твоего брата успеваемость снизилась?”. Ну, родаки вылупились, а я, такая, сижу вся в непонятках, а тут дядька заходит, ну, которого мы на прошлой неделе в профилактории обслуживали. Прикинь, это ихний проверяющий, оказывается, из департамента.

— Узнал? — деловито осведомилась Мальвина.

— Не в курсе. Вообще-то я накрашенная была и с причесоном, чтоб выглядеть старше.

От мерного гула мотора и автомобильного тепла меня разморило, и веки сами собой начали слипаться. Чтобы прогнать сон, я приказал водителю притормозить возле какого-нибудь ночного магазинчика, что он и сделал минут через пять. “Зайдите к хохлам”, — гласила вывеска над широкой и низкой железной дверью, в середине которой, как в КПЗ, была

прорезана квадратная “кормушка”. Как есть, раздетый (меховая куртка с шапкой остались в ресторанном гардеробе), я вывалился на мороз, успев спросить у пассажирок, чего им купить.

— Жвачку, — сказала одна.

— А мне бананы и сигарет, — попросила вторая.

— Каких именно? — уточнил я.

— “Мальборо”, в красной пачке.

К “хохлам” было не попасть, и я затарабанил в бронированную створку. Внутри тоже послышался грохот, как будто кто-то откуда-то упал, потом “кормушка” открылась с металлическим лязгом, и заспанное женское лицо, совсем не похожее на хохлов, недовольно вякнуло:

— Мужчина, у нас звонок есть.

— А шампанское? — спросил я.

Несколько мгновений лицо усиленно соображало — не отmaterить ли меня за беспокойство по пустякам, но в конце концов согласилось на компромисс:

— Ложите уж ваши деньги, только без сдачи.

Вернувшись в машину, я раздал покупки и взялся открывать вино. Оказалось, что сделать это на ходу практически невозможно. По крайней мере для меня. Водитель пару раз покосился в мою сторону, потом обронил сочувственно:

— Не мучайся, шеф, а то весь салон пеной зачухаешь. Скажи лучше конкретней, куда мы всё-таки едем?

— На городской пляж, — почему-то заявил я и засунул бутылку под сиденье.

Что удивительно, дорога к пляжу оказалась накатанной, и джип, без особого труда преодолев пару небольших перемётов, остановился у самой кромки ледяного поля.

Водитель погасил фары и выключил мотор. По телевизору канал НТВ транслировал документальный фильм о поганой жизни наркоманов. Их тухлые физиономии вызвали у меня раздражение.

— Выруби, — сказал я, доставая шампанское. — А чтоб нескучно было, поставь диск с шансоном и разведи костёр.

Пока я возился с бутылкой, девчонки развернули шоколадки, одну из которых протянули мне:

— Закуска, если чо.

— Спасибо, — поблагодарил я, разливая брызгающий во все стороны напиток в складные стакашки, которыми предусмотрительно доукомплектовал автоаптечку новый водитель.

Пляшущие блики огня выхватывали из темноты очертания прибрежных кустарников, застывших изломанными линиями ветвей в каком-то фантастическом танце, чистый голос Петлюры, популярного исполнителя блатных песен, лился из динамиков вместе с музыкальным сопровождением, повествуя о парне в кепке и с золотым зубом. Незамысловатый и сентиментальный сюжет, пронизывая сердце щемящей тоской, на какое-то мгновение вызвал из памяти ассоциацию с моим несытым полубеспризорным детством. Я отвернулся от сестёр и украдкой смахнул пьяную слезу.

— А где мы будем? — ворвалась в мои воспоминания чернявая.

— Кого будем? — не понял я.

— Ну, это самое, шу-шу ля-ля?

— Она имеет в виду трахаться, — поддержала разговор Мальвина и озаченно добавила: — Если на снегу, то мы за извращения дороже берём.

Я разозлился:

— Вы, блин, за кого меня принимаете, я же вам в отцы гожусь!

Девчонки переглянулись, и старшая заступилась за младшую:

— Да не слушайте Вы её, вечно ляпнет чо попало... По ходу мы лишнего не возьмём, как договаривались.

Я налил им ещё вина, а сам, запрокинув голову, допил оставшееся прямо из горлышка, после чего, приоткрыв дверь, выбросил бутылку на снег.

Девушки закурили. Красные звёздочки тлеющих сигарет мерцали по углам заднего сиденья и отражались в висевшем над лобовым стеклом зеркале. Заглянув в него, я усмехнулся мерцающим звёздочкам:

— Девчонки, вы меня не поняли. Дело в том, что... ну, как бы это лучше объяснить... короче, маленькие вы, вот что.

— Зато ё... ну, вёрткие, — пропищала Мальвина и образовала из жвачки большой пузырь, который почти сразу оглушительно лопнул.

Я отвернулся, а затем и вовсе вышел, хлопнув дверью, к пылающему костру. Из чёрной бездны ночного неба крупными хлопьями валил снег. Алые языки пламени слизывали пушистые снежинки ещё на подлёте, но некоторым всё же удавалось попасть на мой пиджак. Они мгновенно превращались в блестящие капельки, похожие на чистые слёзы маленького ребёнка.

— Может, поедем, шеф, а то занесёт дорогу, — подал голос шофёр.

Я кивнул утвердительно, и он растворился прямо на глазах. Почти сразу взревел двигатель, и два голубоватых луча перерезали снегопад, отчего стало отчётливо видно, что снег летит не вертикально, а наискосок, создавая иллюзию свёрнутой набок действительности.

Костёр догорал. Шипя, обугленные головёшки сочились малиновым жаром, и трудно было представить, что каких-то полчаса назад они тянулись к жизни ветками прибрежного кустарника, который оденется по весне нежной зеленью, пустит к солнцу новые молодые побеги, и уже никогда не найти того места, откуда эти ветки были отломаны. Да его и искать-то никто не будет.

Пока мы ехали назад, девчата уснули, по-щенячьи прижавшись друг к другу. Взглянув на эту полудетскую безмятежность, я попросил водителя их не будить и ушёл в ресторан.

— Ну ты молодец, — возмущённо встретила меня Ленка. — Я тут, значит, на измене сижу, а он с девочками развлекается.

— Где Серёжа? — спросил я.

— Где-где, в Караганде, — срифмовала барменша. — В подсобке спит, утро уже.

Я сел за свой столик, в центре которого маленькой Эйфелевой башенкой возвышался хрустальный графинчик с остатками водки. Выплеснув её в фужер, я залпом выпил и, вытянув под столом ноги, откинул голову на спинку стула.

— И куда вы ездили? — подсела ко мне Ленка.

— На пляж, — ответил я, разглядывая затейливую бронзу дорогих люстр.

— И чо?

— Нормально. Были костёр и шампанское.

Ленка наклонилась и понюхала мой воротник.

— Ой, и правда пахнет дымом.

В этот момент я обхватил её шею руками и, притянув к себе, поцеловал в упругие, пахнувшие клубникой, губы.

Она вырвалась:

— Изменщик! Кофе будешь?

— Лучше чаю с лимоном.

Откуда-то со стороны кухни возник заспанный Серёжка. Он посмотрел в мою сторону, и я крикнул:

— Всё ништяк, они в машине кемарят.

Мальчишка вышел, а я, приняв правильное положение, спросил у Ленки:

— А как он с ментами разводит?

— Обыкновенно, — ответила Ленка, вздёрнув плечики. — Отстёгивает им за каждую смену, а они его крышуют.

Хлопнула входная дверь. В пустом зале звук щёлкнул пистолетным выстрелом — это вернулся Серёжка. Он направился к нам и положил передо мной несколько аккуратно разглаженных купюр:

— Лариска сказала деньги отдать.

— Почему? — опешил я.

— Не знаю. Сказала отдать и всё.

— Присаживайся, Серёжа, я сейчас тебе соку принесу, — странно повеселевшим голосом объявила Ленка и, обернувшись ко мне, добавила вполне дружелюбно:

— А тебе, кобель, чаю?

— С лимоном, — бросил я вдогонку. — И водочки нам с тобой по чуть-чуть.

Ленка обернулась на ходу, выгнув брови домиком:

— Я же на работе!

— Утро уже, Ленок, вон и смена твоя нарисовалась.

Лёгким наклоном головы я указал на выход в фойе, возле которого стояла, отряхиваясь от налипшего снега, стройная девушка в короткой шубке из чернобурки. Судя по её глазам, задержавшимся на мне дольше обычного, я должен был узнать в ней как минимум свою близкую подружку. Но этого, естественно, не произошло, и Ленка, наблюдавшая за мной со стороны, ретиво взялась пересчитывать товар.

Пока шла передача по акту барного хозяйства, я с удовольствием, обжигаясь и дуя в фарфоровую чашку, маленькими глотками отхлёбывал ароматный цейлонский чай. Серёжка, сопя, посасывал из соломинки сок.

— Ты вообще по жизни кем хочешь быть? — спросил я его.

— Не знаю, — растерялся он.

— Ну а так, например, мечта или там планы какие-нибудь...

Мальчуган внимательно посмотрел мне в глаза и вдруг выпалил страстно:

— Хочу на такой же, как у тебя, тачке ездить и чтоб так же деньги были, пачками.

— “Бабки” любишь, — усмехнулся я.

— Люблю, — вздохнул он и вытащил из пиджачка перетянутую зелёной резинкой тощенькую пачечку.

— Круто, — прокомментировал я. — Это за одну ночь?

— Ага, — шмыгнул носом Серёжка. — Только моих тут мало. Половину легавые заберут, остальное Лариска в банк относит, хочет накопить, чтоб нам в Россию уехать.

— Ты не куришь?

— Не, Лариска сказала, если поймает, приберёт.

— А девок пробовал?

Мальчик смутился:

— Я ещё маленький.

— Понятно, — сказал я и повернулся к бару:

— Скоро?

— Заканчиваем, — отмахнулась Ленка, уткнувшись носом в калькулятор.

С улицы ввалилось трое парней. Который повыше, небритый, в расстёгнутой дублёнке, подошёл к нашему столику и наклонился к Серёжке:

— Адин девучка нада, для гастыниц.

Серёжа, всё так же сопя, допил сок, слез со стула и пошёл к выходу. Парни потянулись за ним.

Мы с Ленкой закатились в сауну. Знакомый банщик в обмен на армянский коньяк предоставил нам шикарный номер с огромным бассейном. Под расслабляющую музыку Ленка сделала мне отличный массаж и основательно отхлестала умело запаренным берёзовым веником. Полулёжа на диване в свежей льняной простыне, я смаковал холодное баночное пиво и разглагольствовал на тему женской роли в жизни мужчин.

— Женись на мне, — ни с того ни с сего ляпнула Ленка.

— Да я же старше лет на двадцать, если не больше, плюс алкаш да ещё бабник.

— Ну и что, нормальный мужик, я тебя пить отучу, уедем куда-нибудь.

— Вот насчёт уедем — мысль хорошая. Короче, одеваемся и прямо из бани катим в Боровое.

— Ты с ума сошёл, — улыбнулась Ленка. — Там же курорт.

— А что, мы с тобой не достойны двух дней курортной романтики?

Ленка, тоже завернутая в простыню, как в греческую тогу, опустилась передо мной на колени, чмокнула в щёку и шепнула:

— Ты мне очень понравился, я, кажется, влюбилась.

— В кого?

— В тебя, в кого же ещё.

“Ну и дура”, — подумал я, а вслух сказал:

— В общем, едем.

К лету это небольшое приключение почти забылось, и я бы, наверное, никогда не вспомнил о нём, если бы, гуляя как-то с новой пассией в горах, не повстречал Серёжку и его сестрёнок. Весело смеясь, они катались на американских горках. Я приветливо покачал раскрытой ладшкой, когда увидел, что компания, падая с высоты по грохочущим рельсам в раскрашенном масляной краской вагончике, тоже заметила и узнала меня, а Мальвина крикнула:

— Сегодня у Серёжи день рождения!

— Поздравляю! — проорал я в ответ.

— Что за детский сад? — спросила меня удивлённая спутница.

— Это мои друзья, — сказал я и повёл её к шашлыкам.

с. Бишкуль Северо-Казахстанской области.

С 2005 года Восточно-Казахстанский музей искусств ежегодно организует и проводит региональный конкурс поэзии “Свободной музы приношение”. Победители одного из них уже публиковались на страницах “Нивы” в 2006 году. Предлагаем читательскому вниманию подборку стихов авторов из Восточного Казахстана, отмеченных дипломами лауреатов конкурса 2009 года.

Лилия ТЕЛИЦКАЯ

(г. Усть-Каменогорск, 1987 г. р., клуб любителей русской словесности “Русско-го центра” фонда “Русский мир”, 1-е место в номинации “Молодое дарование”).

Манекены

За стеклом запылённой витрины,
Не стесняясь насмешливых взглядов,
Позабыты в пустом магазине,
Манекены стоят без нарядов.

Ненадёжны стеклянные стены.
Устремляя свой взгляд в пустоту,
Неподвижно стоят манекены,
Не пытаюсь прикрыть наготу.

Отстранённость и безразличие
На застывших пластмассовых лицах.
Слишком голые — до неприличия.
Слишком мёртвые, чтобы стыдиться.

Став ненужным предметом, невольно,
Чьих-то невоплощённых идей,
Манекены смотрят спокойно
На беспомощных глупых людей.

Владимир СТОВБУН

(г. Усть-Каменогорск, 1-е место в номинации “Лирика”).

Родниковая грусть

Ты — царица в краю необъятных вершин,
Снежным панцирем их укрываешь с небес.
Я ж — с подземным пространством один на один,
Пробиваюсь в стремлении вечном к тебе.

Величаво опущен суровый твой взор
На приземистый мир под тобой, свысока.
Я ж — привязан судьбою к подножию гор,
Чтоб питать одинокую грусть родника.

Анна СЕРОВА

(с. Поперечное, преподаватель литературы. 1-е место в номинации “Лучшее стихотворение, посвящённое 210-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 105-летию со дня рождения Сакена Сейфуллина”).

Мадияр играет на домбре

Дождик зарядил на всю неделю,
Запер нас, как сусликов, в норе.
Все вповалку, лишь один при деле:
Мадияр играет на домбре.

Дождик кап и кап, струна домбриста
Перепев занозистый творит.
Пузырьки игривого кумыса
Дразнят луж бельмастых пузыри.

Цепенеет глушь Тарбагатая,
Млея от предчувствия грозы,
И домбра мелодию вплетает
В плеск дождя — кюи Курмангазы.

В тишину, уныние и скуку
И оцепенение земли
Приснул ветер, как стрела из лука,
Заплескались буйно ковыли.

Разметал с пути дыханьем грозным
Плесень туч и бельма пузырей.
До чего ж, ребята, виртуозно
Мадияр играет на домбре!

Солнце зорким оком соколиным
Глянуло на землю с вышины.
Ураганной рыжею лавиной
Пронеслись над степью табуны.

Облаками белыми отары
По холмам проплыли вдалеке,
И чабан, как лунь, седой и старый —
Чёрной тенью — с посохом в руке.

Взгляд у Мадияра отрешённый,
Лишь порхают руки-мотыльки.
Слышишь, из-под пальцев искушённых
Вдруг зарокотали ручейки.

Вспомнилась родительская юрта
На джайляу, в кипени весны, —
Как из горсти, шариками курта
Звуки покатались со струны.

Эй, джигит! Волшебным звукам внемля,
Солнце засияло на дворе,
И душа опять весь мир объемлет:
Мадияр играет на домбре.

Михаил МЕДВЕДЕВ

(г. Усть-Каменогорск, клуб любителей русской словесности "Русского центра" фонда "Русский мир", 2-е место в номинации "Молодое дарование").

Времена года

Хоровод листьев,
Всюду жёлтое с серым.
Дожди не вечны.

Дожди не вечны,
Вода укрывает всё белым.
Под снегом ручьи.

Под снегом ручьи,
Тает одеяло жизни.
Цветы расцветут.

Цветы расцветут,
Лето. Но он уже близок —
Хоровод листьев.

Сергей СНЕГИРЁВ

(г. Зырянск, 1963 г. р., литературный клуб при центральной городской библиотеке. 3-е место в номинации "Лирика").

День рождения

Буду немножко небрит
И "поздравляться" с утра.
И тёща не укорит —
Ведь у Алёнки — сестра.
Я-то хотел пацана,
Чтобы и рус, и курнос.
Но, уверяет жена,
Дочери — тоже всерьёз.
Так же пелёнки стирать,
Так же не спать по ночам,
Так же с коляской гулять,
Ждать, если нужно, врача.
Ты же не дезертир?
Богу-то сверху видней:
Значит, нуждается мир
В добрых руках дочерей.

Сказка — ложь

Покажите мне Бабу-Ягу,
Озорную, смешную, живую,
А избушка её на лугу
Пусть на лапах куриных танцует.

Познакомьте же с Бабой-Ягой,
Чтоб Яга молодая, не злая,
Чтоб минуты покоя не знал я,
Мы бы в ступе летали одной.

Дайте в сказку хоть раз заглянуть,
В Лукоморье прописку оформить,
Собирать, заговаривать корни
И в любви, как в реке, утонуть.

Познакомьте же с Бабой-Ягой!
Пусть научит с метлой обращаться.
Мы, наверно, могли б обвенчаться.
Там, в полёте над Лысой горой.

Где ты, братия в жаре кольчуги,
Мир волшебный от дома далёк.
Почему я мечтаю о чуде
И о сказке, в которой намёк?

Ирина СУВорова

*(г. Усть-Каменогорск, студентка ВКГУ, 3-е место в номинации
"Молодое дарование").*

Мне снова соврёт календарная дата.
Покажется — лето, окажется — ложью.
Наверно, я в этом сама виновата,
Но разве вина моя чем-то поможет?

Мне хочется знать, что весна будет вечной:
Негленный апрель, безмятежное солнце.
Я просто устала от станций конечных,
А взгляд мой грустит и совсем не смеётся.

В тени на балконе, наверно, плюс тридцать.
Я молча курю, задыхаясь стихами.
Сбежать невозможно и некуда скрыться.
Лишь душное, едкое в воздухе пламя.

И месяцев десять в году — ожиданье
Унылой весны — я почти что привыкла.
Порву календарь и сожгу на прощанье,
Чтоб жизнь продолжалась уже без отрыва.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № № 1-8 за 2009 год)

12 апреля

Понедельник не заладился с самого утра. Повздорил с пресс-секретарём главы обл администрации. Они нам начали давать для публикации "Рабочую неделю обл администрации". Идея неплохая, но исполнение дурацкое: такая летопись деяний главы и его замов... Стал убеждать: группируйте факты, сокращайте, уходите от формы справки... И хотя в конце концов сумел доказать очевидное, настроение было испорчено, и не только у меня...

Потом чуть ни целый день заседал... На первом заседании подводили итоги первого квартала. Они, как и следовало ожидать, неутешительные: валится всё, что может валиться. При этом некоторые монополисты — алюминиевый, нефтеперерабатывающий, ферросплавный заводы — гребут сверхприбыль, а большинство других предприятий прозябают. Более всего экономику душат взаимные неплатежи. За первые два месяца года область задолжала партнёрам 27 миллиардов рублей, а ей должны примерно втрое больше.

Д. К. Ахметов демонстрировал твёрдую руку: поднимал заведующих отделами, учинял жёсткий спрос, кое-кого пообещал лишить должности, если положение дел на его участке не будет выправлено... Спрос, наверное, надо ужесточать, но далеко не всё зависит от тех, кого сегодня ругали.

После обеда заседал в составе комитета по координации деятельности правоохранительных органов, членом которого по должности состою. Вот уж где наслушался!

Н. А. Назарбаев издал указ об усилении ответственности руководителей за всевозможные правонарушения, и у нас в области поработала по этой части комиссия прокуратуры республики. Итоги её проверки главным образом и обсуждали.

Нарыли проверяющие у нас всего, если судить по прежним временам, на несколько смертных приговоров... Но у нас ведь теперь разрешено всё, что не запрещено...

Справка начинается с прегрешений областной администрации, допущенных ещё при её прежнем главе. В их числе, например, объявленный незаконным местный стабилизационный фонд — любимое детище А.А. Жабагина. В него собирали треть сверхплановой продукции предприятий и затем обменивали на нужную области другую продукцию, которую нельзя было добыть иным путём. В вину обл администрации также ставится создание собственного банка на сверхльготных условиях и других коммерческих структур.

Не знаю, как отреагирует на всё это республика, ведь если станут искать крайних, то начинать надо с бывшего главы обл администрации, учредившего

злополучный стабилизационный фонд. И что, разве в республике не знали, что он создан и работает? По-моему, даже в пример нас другим ставили...

Далее в справке фигурирует Павлодарская городская администрация, которая освобождала (незаконно) от налогов избранные предпринимательские структуры, перекачивала в них государственные деньги, продавала за бесценок объекты госсобственности.

Следом идут руководители предприятий, плодящие при них, как тараканов, многочисленные малые предприятия — разумеется, под себя и с собственной выгодой. После чего гребут деньги лопатой — сами или через подставных лиц...

Вот пример. Директор самого крупного в области банка, а также его отец и сын, жители другой области, учреждают новый банк и вносят в качестве учредителей по 2,5 миллиона рублей каждый. При этом за первого деньги вообще вносит стороннее предприятие, а два других берут кредиты в банке — по 2,5 миллиона. То есть, по сути, ни один ничего не платит, а новый банк — вот он! И нет закона, чтобы взять всех троих за одно место...

Остатки волос вставляли дыбom на моей голове, когда я слушал читающего справку прокурора области. Охарактеризовать её содержание можно лишь одним словом из уголовной лексики — беспредел. И всё же очень многое в ней вызывает сомнение. Большинство фактов — это так называемые оперативные данные, требующие основательной раскрутки, которая в итоге может закончиться пшиком. Потому что очень многое делается теми же руководителями предприятий, как говорят спортсмены, на грани фола (читай — закона). Но если этого не делать, то не решить многих проблем, вот и пускаются наши “промышленные генералы” во все тяжкие — как бы для пользы дела, но не забывая и про себя любимых...

Думаю, вряд ли справка может иметь по-настоящему серьёзные последствия для тех, кто в ней фигурирует — уж слишком это крупные фигуры. Но ведь кто-то же организовал эту проверку... Или только для остратки?

Кстати, некоторые факты из справки уже прозвучали в “Халык кенесы” — республиканской газете Верховного Совета, издающейся на государственном языке. Так что без огласки дело уже не обошлось.

13 апреля

Людмила Ермолина взяла большое интервью у первого космонавта-казаха Тохтара Аубакирова. Героем Советского Союза он стал ещё до полёта в космос, работая лётчиком-испытателем в конструкторском бюро имени Микояна. Испытывал самые современные “МИГи”, первым поднимал их в воздух и садил на палубу авианосца. Летал с дозаправками в воздухе.

Несколько лет назад его отыскал Олжас Сулейменов и долго не мог поверить, что он действительно лётчик-испытатель, Герой Советского Союза, попросил показать документы.

В космонавты Тохтар не рвался — скорее, наоборот: хотел и дальше заниматься главным делом своей жизни, которому отдал 28 лет. Но настоял Н. А. Назарбаев...

Говорят, скоро мы все станем собственниками: грядёт малая, а за ней и большая приватизация. Отныне предприятия не будут передаваться в коллективную собственность — предшествующий опыт показал, что она неэффективна. Теперь если предприятие попало в программу приватизации, оно будет приватизировано и без согласия трудового коллектива.

Всем нам будут начислены инвестиционные купоны, которые мы отдадим в инвестиционные приватизационные фонды (кому какой приглянется), а уж они будут выкупать на аукционах акции предприятий. Десять процентов акций

каждого приватизируемого предприятия может отдаваться трудовому коллективу. Потом, если эти предприятия будут получать прибыль, держателям акций достанутся дивиденды.

Схема как будто разумная, но мало ли мы испохабили самых замечательных идей.

Баянаул, оказывается, не только край, давший Казахстану больше академиков и выдающихся творческих личностей, чем какой-либо другой район республики, но и край долгожителей. Здесь 12 человек перешагнули столетний возраст, а главной долгожительницей признана 115-летняя Сакип Мадина из совхоза “Алексеевский”. А я не раз бывал в этом хозяйстве, но не знал, что она там живёт — обязательно бы встретился. Писал о сенокосе, окоте овец, а главного героя упустил.

Почерпнул немало интересного из своей газеты о Казахстане. По территории он занимает девятое место в мире, а по численности (17 миллионов человек) — пятидесятое.

Казахи по численности занимают 70-е место в мире.

В Казахстане, а именно в Семипалатинской области, на пересечении 78 меридиана и 50-й параллели находится географический центр огромного евроазиатского суперконтинента.

Русских в Казахстане — около 6,2 миллиона.

14 апреля

Есть люди, которые, как бы ни складывались у них обстоятельства, будто купаются в жизни, всегда получая от этого удовольствие. Как говаривал мой приятель Сашка Иконников — жуируют жизнью. А есть другая порода: эти вечно создают себе проблемы и, даже добившись известного положения, не только не испытывают от этого радости, а наоборот, умудряются создавать сами себе всё новые и новые сложности, чтобы затем страдать, страдать, страдать... Я, безусловно, отношусь к этой второй категории. Казалось бы — стал редактором, кое-чего стоишь, живи и радуйся. Нет, то одно не так, то другое... И даже случись большая радость — пугаешься: ну вот — повезло наконец, теперь надо ждать неприятностей...

Вынесен приговор ингушу, убившему двух казахов. Когда это убийство произошло, в городе начались митинги с требованием выселить всех ингушей и чеченцев. К счастью, властям удалось утихомирить страсти. Был суд, на который ходила Ольга Фролова. Рассказывала об атмосфере, в которой проходили слушания. Небольшой зал заполняли родственники и друзья убитых, принося с собой лозунги с требованиями смерти убийце. Суд приговорил его к расстрелу.

На редакторате мы долго дебатировали — как освещать процесс и освещать ли вообще, тем более что приговор пока не вступил в законную силу — он должен быть ещё утверждён Верховным судом. Договорились: даём расширенную заметку, в которой сообщаем о приговоре и — кратко — об атмосфере, царившей на суде.

И вот читаю материал. Есть в нём и здравые строки, призывающие к голосу рассудка, но фабулу случившегося Ольга излагает так, что любому станет ясно: судом вынесен заведомо несправедливый приговор. Суть: это парни-казахи завязали драку, избивали ингуша, и тогда он достал нож и убил обоих; первого — сразу ударом в сердце, а другого — тремя ударами. Однако же на его теле следов избиения не было обнаружено. Свидетели случившегося или ничего не видели, или ничего не помнят...

Допускаю, что суд вынес столь строгий приговор в том числе и под давлением “общественного мнения”. Пусть так! Но ведь убиты два человека, и как можно оправдывать при этом их убийцу, что вольно или невольно делает Ольга в своём материале. Разве может журналист в данной ситуации судить — кто виноват больше: те, кто затеял драку, или тот, кто их убил? Просто у Ольги сложилась своя схема этой трагической коллизии, и она следовала ей в своём материале, какового, по сути, мы ей вовсе не заказывали — речь шла о заметке, не более того...

Обсуждали материал со Штарком (он его подписал) и Семерьяновым, который был склонен поддержать меня... Было два долгих, тяжёлых разговора с Фроловой, которую я ни в чём не смог убедить... И вот думаю теперь — а зачем? Зачем я устраивал эти бесконечные обсуждения, если журналист изначально сделал не то, что ему поручалось — вместо заметки нечто вроде судебного очерка. Мне бы вернуть материал, не читая, сказав: тебе заметку заказывали — вот её и носи... Но мне хотелось и в этой ситуации поступить не только по-редакторски, а ещё и по-человечески. В итоге сам выбит из колеи, Фролова и Штарк обижены, материала нет...

Прочитал сегодня в “Литературке”, которая, увы, мельчает на глазах, интересные заметки о так называемом синдроме жертвы — людях, которые сами провоцируют других людей (преступников, например, а жёны — ещё и мужей) на насилие над собой. Своей откровенной наивностью, инфантилизмом, неспособностью постоять за себя и т. д. И это, мол, чуть ли не следствие нашей 70-летней советской истории, в ходе которой народ почти постоянно подвергался насилию — физическому, идеологическому и прочему. И теперь чуть ли не все мы, как те кролики, сами готовы лезть в пасть к удаву... Из-за этого и преступность нагнет, не получая должного решительного отпора.

И пример приводится: некий москвич познакомился в отпуске с парнем, позвал его к себе в гости; тот прихватил с собой ещё двух друзей — в расчёте на валюту, которую они надеялись обнаружить у гостеприимного хозяина... Затем эта троица убила хозяина, его брата и женщину — их знакомую, хладнокровно задушив их... И никто особенно не сопротивлялся...

Вроде — бред: выходит, спасение утопающих дело рук самих утопающих... Но что-то такое в этом синдроме жертвы есть: даже я знаю, как подчас унижают своих жён мужья, а те — терпят, хотя могли бы отправить благоверных за решётку...

В редакции — раскардаш. Меняем систему отопления. Давно пора. И стоит это удовольствие один миллион 600 тысяч рублей.

Узнал цену средней дачи в нашем садоводстве — 600-800 тысяч рублей. А я ещё считал, что мы переплатили, отдав 3300 рублей... Хотя в то время это ещё были настоящие деньги. Но во что бы они теперь превратились, если бы мы не потратили их на дачу?

17 апреля

В Павлодаре — ледоход. Не самый ранний, который случался и 8 апреля, и не самый поздний, зафиксированный, если верить нашим метеорологам, 30 апреля. Своей настоящей красоты, природного естества и истинного буйства ледоход в Павлодаре лишён из-за тёплого течения притока, охлаждающего турбины Ермаковской ГРЭС. Иртыш в районе Павлодара не замерзает даже в самые сильные морозы — только курится сильнее обычного.

В Ермаке придумали как, хотя бы отчасти, решить проблему наличных денег. Вернее, придумал директор ферросплавного завода С. А. Донской, видевший в своих заморских вояжах, как люди расплачиваются при помощи специальных пластиковых карточек. Надоело ему также, наверное, выслушивать жалобы заводчан, занимающих очередь за зарплатой с вечера...

С. А. Донской заключил договор с какой-то американской фирмой, которая поставила в Ермак необходимое оборудование. Наш Юра Сакин побывал на презентации новой системы, получившей название “Иртыш”. Теперь зарплату получают на пластиковые карточки, кроме шести тысяч заводчан, девять тысяч других горожан. С помощью такой “кредитки” можно не только оплатить коммунальные услуги, но и купить нужные товары в некоторых магазинах, получить чек в сберкассе и т.д.

Ну разве не молодец Донской!

Продолжает удивлять и АО “Пульс”, купившее для бизнес-школы “Стикс” сразу целый компьютерный класс. Говорят, подобного нет даже в Австрии и Швейцарии... Во всяком случае так утверждают наладчики-монтажники из этих стран, помогавшие настраивать всё это оборудование. В “Стиксе” всего 102 учащихся, а преподавателей — 42. Итого меньше чем по два с половиной ученика на каждого.

Надо бы поподробнее рассказать и о школе, и о её директоре — Ю. И. Стёпкине.

Украина обратилась к ООН с просьбой: рассматривать её экономически менее развитым государством, чем ранее... Вроде глупость, но на самом деле — нет: в таком случае уменьшается её обязательный взнос в операции ООН по поддержанию мира.

В прошлом году в разных странах мира при исполнении своего служебного долга погиб 61 журналист, в том числе 12 — в бывшей Югославии.

Прочитал в нашей газете: С. Н. Хрущёв с супругой получили вид на постоянное жительство в США. Бывший инженер-ракетчик (научно-техническая элита!) отныне занимается политологией в одном из университетов.

Его отец Никита Сергеевич Хрущёв, обещавший в своё время “догнать и перегнать” и даже “закопать” Америку (в переносном, разумеется, смысле), наверное, переворачивается в гробу...

Наш нештатник Д. Н. Масюк с 1956 года ведёт учёт диких животных и птиц в районах области, а также высохших озёр и родников. На основе этих наблюдений он составил три карты области, убедительно доказывающих, насколько дик и неразумен человек в своих взаимоотношениях с природой.

Кроме того, Д. Н. Масюк собрал уникальную коллекцию из 15 тысяч газетных и журнальных вырезок, посвящённых природе.

Иногда он надоедает нам со своими материалами, но без таких, как он, жизнь потеряла бы очень многие краски.

В этот раз Дмитрий Никитич дал нам отличный материал о потомственном беркутчи (охотнике с беркутами) Магауе Абикееве, в 1973 году завоевавшем в Москве на специальных состязаниях охотников с ловчими птицами золотую медаль.

Кстати, старые павлодарцы помнят этого степенного казаха, выезжавшего на городскую первомайскую демонстрацию на лошади, с ружьём через плечо и с беркутом на руке. А за лошадьё бежали его охотничьи собаки.

18 апреля

Воскресенье. Пасха. На улице холодно, даже снежок выпал. С утра погулял с Пашкой и теперь сижу, читаю... Никуда не тянет... Зато с кухни тянет аппетитными ароматами — мать готовит праздничный обед.

Только вчера вернулся из Целинограда — ездил на очередную годовщину “Нивы”. У моих тамошних друзей родилась шутка: есть, мол, такая народная примета: Поминов приехал — значит скоро пасха; или, наоборот, скоро пасха: значит, Поминов приедет.

Заходил к Валерию Гуку в “Акмолинскую правду”. Живут они похуже нашего: не имеют запаса бумаги, меньше зарабатывают от рекламы, меньше денег им обещано из бюджета, меньше, чем у нас, гонорар. Зато оклад у редактора выше моего...

С Володей Гундаревым перешли на “ты”. Он нравится мне всё больше и больше. А дела в “Ниве” не очень хороши — практически нет денег, бумаги. А чего в избытке, так это рукописей и авторов: он посчитал, что за первые два года жизни журнала в нём опубликовались около 250 авторов. У “Нивы” много друзей, но, к сожалению, нет стабильных источников финансирования, а о самооплачиваемости журнала говорить не приходится.

Двухлетие журнала отмечали в узком кругу — тепло, душевно, так, что Гундарев пару раз уронил мужскую скупулю слезу.

Ответсекретарь журнала Людмила Григорьевна Помыткина, с которой мы подружились ещё в прошлом году, преподнесла мне сюрприз — вручила сданные в производство гранки моей будущей книжки, предложив ещё раз просмотреть их... А то, мол, книжка-то хорошая, и жалко будет, если потом вылезут “хвосты”. Я был растроган этим её шагом, а она обещала позднее ещё раз сама всё проверить.

Вот каких людей собрал вокруг себя Гундарев. Очень тепло он говорил обо мне, о том, что у нас родство душ.

Словом, хорошо съездил, отмяк душой... Конечно, и покурлесили малость — с Володей, Людкой Яшной. С нами была её дочь Линочка, и, боюсь, у неё сложилось впечатление, будто мы всё время так живём: пьём, шумим, буйствуем — делаем сплошные глупости...

Позвонил брат Петька из Усть-Каменогорска: их областная газета “Рудный Алтай” перепечатала заметку “Гори-гори, моя “Звезда!” из “Экспресса К” о нашем юбилее. И сделала это не без умысла: у них тоже скоро юбилей, и таким образом они намекают своей администрации, что их редакции тоже было бы неплохо презентовать новую машину.

Кстати, когда я был в Целинограде, Яшная и Гук вдоволь поиздевались надо мной: мы-то, мол, думали ты на двух своих лошадях (подаренных!) приедешь, а то и на тройке...

Да, ещё чуть не забыл... Перед моим отъездом в Целиноград Пашка наскоро нарисовал мне картинку: облака, вертолёт, две машины (на одной он написал “Хонда”, на другой — “Вольво”), а на обороте следующий текст: “Льет стоег

25 рублей”. Я это произведение искусства выкупил и взял с собой, а когда мы сидели за столом у Яшной, достал. Тут же начался торг: Людка перекупила у меня картину за 50 рублей, Гук у неё — за 75, она, спохватившись, вернула уже за 200. Гундарев тоже решил поучаствовать в аукционе, но Людка заявила, что картина не продаётся, пообещав подарить её Пашке на его собственную свадьбу.

Вчера посмотрел ТВ-передачу о нашем юбилее, подготовленную Тамарой Карандашовой. По-моему, она ей удалась, хотя в своих монологах, попавших на телеэкран, обнаружил слова-паразиты. А в передаче есть главное — то настроение, что было на празднике. И это главное.

24 апреля

Почти месяц остаются отрезанными от жизни некоторые сёла Баянаульского и Майского районов. После резкого потепления в первой половине марта снег там стремительно таял, к тому же прошёл сильный дождь. Талые воды стали неуправляемыми и прорвали практически все построенные в хозяйстве дамбы. Едва не затопило большое село Жанатлек, на спасение которого была брошена мощная техника. А потом помогли морозы...

Но дней через десять пошла новая волна паводка. Талыми водами были перерезаны не только трассы, ведущие из трёх совхозов в Баянаул, но и главная дорога Павлодар — Баянаул. В середине апреля неподалёку от совхоза “Бирлик” мощным потоком воды был разрушен 30-метровый участок дороги, а сплошной бурлящий поток перекатывался через дорогу на протяжении почти полукилометра. Автомобильное движение здесь было прервано на восемь долгих дней, и в Баянаул приходилось добираться кружным путём, через Акшиман.

Помимо небывало сильного паводка, в случившемся повинны и люди, бездумно вторгающиеся в природу, возводившие дамбы и дороги без водопропускных сооружений на путях, которые тысячелетиями и прокладывали себе в этом краю талые воды.

Не обошлось и без жертв: утонул чабан, попытавшийся на лошади преодолеть водный поток...

25 апреля

Воскресенье. Пасмурно. Дождь — то моросит, то как-то припустит.. Это хорошо: в нашем краю в такую пору дождь лишним не бывает. Только что сыпнуло градом...

Вчера отмечали на даче Ольгин день рождения и заодно — открытие дачного сезона. По традиции жарили шашлык, всем хватило, ещё и дома за ужином доедали. Кажется, и сама она осталась довольна. Я подарил ей красивый розовый пеньюар — нечто нежное, нейлоно-поролоновое...

По инерции отдыхаю и сегодня, а надо писать срочный материал...

А в России референдум... остервенелая грызня газет пропрезидентского и оппозиционного толка. Эта свара давно перешла все рамки приличия. Вице-президент на заседаниях Верховного Совета обвиняет окружение президента (стало быть, косвенно и его самого) в коррупции, разграблении национальных богатств. “Правда” даёт на первой странице материал о строительстве в Подмоскowie шикарной дачи для президента (четыре гектара территории, стоимость строительства — около миллиарда рублей).

Члены российского правительства, в свою очередь, укоряют Руцкого в том, что он, возглавляя комиссию по борьбе с коррупцией, реально ничего не делает, а лишь собирает факты, которые вываливает накануне референдума.

Вчера по российскому ТВ друг за другом выступили Хасбулатов и Ельцин. Смотреть и слушать их обоих было противно.

27 апреля

Н. А. Назарбаев встречался с фермерами республики. Как о некоем успехе говорил об усиленном развитии личного подворья, любительского садоводства и огородничества. “Жизнь подтвердила правильность этого курса, помогающего формированию необходимой для рыночных отношений психологии людей... А главное — возросло производство многих видов сельхозпродукции”, — подчеркнул президент.

Не уверен, что всем этим надо гордиться. Что же хорошего в том, что люди, проводящие по восемь и более часов на основной (подчас и физически нелёгкой) работе, пластаются затем ещё и на приусадебном участке или на даче? Помимо прочего, это означает: они не верят, что государство способно обеспечить их продуктами питания. И это на самом деле так: в нашей области на личных подворьях, огородах и дачах производится сельхозпродукции, пожалуй, больше, чем в без малого 200 совхозах и колхозах (за исключением, правда, зерна). Теперь же хозяйства, не доверяя мясокомбинатам и маслозаводам, которые, принимая от них скот и молоко по невыгодным ценам, ещё и месяцами не рассчитываются за эту продукцию, и вовсе стараются переработать или реализовать её сами. Не только тот же скот, но даже и зерно. То есть и производители тоже не доверяют государству.

На встрече много говорилось о необходимости поддержки фермеров и фермерства, однако смешно думать, что они смогут кормить нашу страну.

Пресс-центр военно-морских сил Украины сообщил: значительная часть экипажа большого противолодочного корабля “Способный”, дислоцирующегося в городе славы российских моряков Севастополе, ставшем недавно украинским, приняла присягу на верность народу Украины и выступила с просьбой взять экипаж под её юрисдикцию.

Вот это почин! А если другая часть экипажа (надо полагать, не менее значительная) сочтёт первую нарушившей присягу (которую дают лишь раз в жизни) и примет к ней соответствующие меры, вплоть до ареста? Что тогда — стенка на стенку?

Заставить бы служить на этом корабле двух президентов — российского и украинского, не платить им зарплату, давать каждый день взаимоисключающие приказы... И посмотреть — как они будут обеспечивать высокую боеспособность судна и дисциплину в экипаже.

Недавно едва не случилась трагедия на водохранилище Экибастузской ГРЭС-2 — любимом месте зимней рыбалки экибастузцев и павлодарцев. Там оторвало от берега льдину, на которой оказались около сотни рыбаков. Некоторые успели вернуться на берег, но большинство осталось на льдине. К счастью, льдину ветром развернуло так, что почти все оставшиеся, пусть и промокнув, выбрались на сушу. Но трое рыбаков оказались на небольшой отколовшейся льдине, и её несло ветром к ГРЭС, туда, где вода теплее. Положение их было отчаянным: они даже сняли с себя верхнюю одежду, хотя добраться до берега вплавь у них не было ни малейшего шанса. И помочь им никто не мог: на ГРЭС, оказывается, нет спасательных плавсредств.

Кто-то догадался вызвать местную милицию. Милиционеры поехали в рыбхоз — за лодкой с мотором. Но в выходной день их там встретил лишь сторож... Они написали ему расписку, взломали помещение, где хранилась лодка... И незадачливых рыбаков удалось спасти...

А мой дядя, младший брат отца Виктор, которого я совсем не помню, в подобной ситуации помощи не дождался. Они с товарищами переходили по неокрепшему ещё льду озеро Чаны, спеша домой. Когда они были уже у самого берега, поднялся сильный ветер и стал ломать лёд. Виктор почти добежал до берега, но услышал: “Не бросай, брат!”. Его товарищ беспомощно барахтался в воде, Виктор подполз к нему по льду, протянул ружьё... Но лёд всё ломался, и товарищ утащил Виктора за собой в воду. Оба они утонули... На берегу в это время было немало людей, но помочь они не смогли — может, побоялись, может, не сумели. Отыскивали Виктора только весной... А бабушка, Мария Петровна, стала в ту пору заговариваться...

Хорошо, что нашим рыбакам повезло. Молодцы милиционеры — надо рассказать о них отдельно.

29 апреля

Большой, на целую полосу, статотчёт по итогам первого квартала — “Кризисные явления сохраняются”. Читать тошно, но надо — служба.

Обратил внимание на цифру — 10268 человек — столько их уехало за первые три месяца года из области — главным образом за пределы республики и бывшего Союза. Выходит, больше ста человек в день. Правда, и к нам отовсюду едут тоже (больше из других областей Казахстана). Однако впервые за многие годы — наверное, за десятилетия, стала уменьшаться численность населения области — с начала года на 2169 человек.

1 мая

В Экибастузе чествовали Марата Жыланбаева — обладателя четырёх рекордов книги Гиннесса. На этот раз за 1700-километровый пробег по Сахаре. А в его ближайших планах, пишет Булат Ахметов в своей заметке, — одиночные марафоны к Северному и Южному полюсам, а затем и кругосветка. В осуществлении последнего грандиозного проекта обещал помочь и Н. А. Назарбаев.

3 мая

Приезжал брат Петька из Усть-Каменогорска. Навестили с ним Наталью и Николая Лихановых в Железинке. Брали с собой Даньку и Димку, показал им дома, в которых когда-то квартировал. В первом мы жили впятером в одной большой комнате: хозяйка с тремя её детьми (один был ещё грудной) и я... То-то было весело... Потом я жил у старика со старухой — скуповатых, неласковых, себе на уме. Хозяину было, наверное, под семьдесят, но, кажется, он в ту пору ещё не утратил мужского интереса к своей супруге, которая выглядела куда старше него...

А лучше всего мне жилось в избёнке у бабы Шуры Потапкиной, вечная ей память. Живая, общительная, горячая, но отходчивая, она относилась ко мне как к родному внуку. Одно время я пытался учить её грамоте — по букварю. Ученье шло туго, учитель я был нетерпеливый, временами дело доходило до слёз (её). Но всё же читать по слогам она с грехом пополам потихоньку начала, чем очень гордилась и даже хвалилась перед соседками.

Ещё помогли с братаном зятю и сестре по хозяйству, посидели на берегу Иртыша, повспоминали... Теперь, когда у нас не стало своего дома в “Михайловском”, нам его отчасти заменяет лихановский.

Произошли столкновения демонстрантов коммунистической ориентации с милицией и ОМОНОм в Москве. Демонстранты изменили согласованный маршрут движения и были встречены блюстителями правопорядка со щитами и дубинками. Впервые против демонстрантов применялись водомёты. Есть пострадавшие с обеих сторон, которые теперь обвиняют друг друга в провокациях.

Оппозиционеры обещают дать бой властям уже 9 мая...

Да, вся идеологическая и прочая зараза идёт из центра. А как было бы хорошо, когда бы столицы сеяли разумное, доброе, вечное...

Закончили ремонт системы отопления в конторе, который обошёлся в два миллиона рублей. Может быть, теперь зимой в кабинетах потеплее будет...

Выделили пенсионерам к празднику по сто тысяч рублей, дали сотрудникам премию, увеличили в два раза гонорар. И хоть всё это крохи, всё же есть движение вперёд.

Покупаем первый в истории газеты факс — за 630 тысяч рублей. Это очень дорого, но надо поспевать за новыми временами.

4 мая

Очередной крик души со страниц нашей газеты: чиновница областного профсоюза строителей пишет о катастрофической ситуации, сложившейся с детскими садами этой отрасли. Всего их 20, четыре из них пришлось закрыть ещё в прошлом году, ещё три на грани закрытия. Из-за резкого повышения цен на электроэнергию, тепло, продукты питания детские сады и ясли приносят предприятиям огромные убытки, потому что родительская плата не покрывает и десятой доли расходов. При всём при том зачастую большая часть детей в этих садах и яслях — “чужие”, их родители не имеют к строительству никакого отношения.

Автор предлагает разные способы выхода из создавшегося положения: от установления льготных тарифов и цен на “всё про всё” для детских дошкольных учреждений (включая и продукты) до передачи ведомственных детсадов и яслей единому хозяину — местным Советам. Но у тех же Советов тоже нет средств. А о том, чтобы установить для родителей реальную плату, покрывающие расходы на содержание их детей в садах и яслях, даже речи не идёт — таких денег почти ни у кого нет.

Об очередном абсурде нашего времени пишет Г. Жаманбалинов из Иртышска. В хозяйствах этого района неуклонно падает производство молока, что, конечно же, неудивительно: во-первых, маслозаводы с совхозами вовремя не рассчитываются за эту продукцию, из-за чего животноводы месяцами не получают зарплату, а во-вторых, производство молока в районе — сплошь убыточное. И не только потому, что тут не умеют работать; просто закупочные цены на молоко не покрывают расходов на его производство. Сельских жителей в очередной раз сделали крепостными: в промышленности цены давным-давно отпущены, а на молоко — нет, вот и работают хозяйства себе в убыток. За последние пару-тройку лет объёмы закупок молока здесь снизились более чем на треть, или на восемь тысяч тонн, и продолжают снижаться. Потому что любой рост производства этой продукции — прямой путь к разорению. И это совсем не отдалённая перспектива большинства иртышских совхозов, а ведь некоторые из них уже давно — фактически банкроты.

Непальский гороскоп (не понимаю — зачем мы его публикуем) сулит мне на следующей неделе всякую гадость: погружение в море бумажной работы, неожиданные домашние хлопоты, временный разрыв отношений с супругой, наконец, риск попасть в тенёта особы с сомнительной репутацией... Хотя последнее, может быть, не такая уж гадость...

7 мая

В области готовится к изданию “Книга памяти”, в которой должны быть названы все, кто ушёл на Великую Отечественную и погиб на ней. Один из

составителей книги, наш давний автор Бикбулат Хазыров, принёс статью, в которой приводит любопытнейшие факты. Казалось бы, нас трудно чем-то удивить, связанным с войной, и всё же... Не вернулся почти каждый второй наш земляк, ушедший воевать. При этом 9670 человек — практически тоже каждый второй — числятся пропавшими без вести. Родные и самые близкие, много лет назад пережившие эту страшную весть, до сих пор ничего не знают об их судьбе. Впрочем, останки некоторых находят и сегодня, но считанные единицы. А десятки и сотни тысяч бывших воинов страны по-прежнему лежат там, где их застала смерть, оставаясь по сути непохороненными.

Я этого тоже не знал, а узнав, решил опубликовать в ближайших номерах стихи Василия Лукова (Б. В. Исаева), где есть и такие строки:

*Кто пал в бою — тот раз убитый:
По смерти сраму не имут.
Не раз умрёт солдат забытый,
Враг не попал — свои убьют!*

Там у него есть и такие горькие строки:

*Живут спасители эпохи,
У них с заплатами штаны...*

И куда только ни забрасывала военная судьба павлодарцев: попав в окружение и в концлагеря, они вырывались оттуда и продолжали воевать в партизанских отрядах Чехословакии, Польши, Югославии, Италии, Бельгии... Я даже не знал, что в Бельгии были отряды Сопротивления... Большинство наших земляков, воевавших в партизанских отрядах, погибло. Хорошо бы найти хоть кого-то из уцелевших, рассказать о них.

Из этой же серии — материал В. Д. Болтиной из облуправления архивами — о фронтовых письмах к жене моего земляка Павла Георгиевича Болдырева (он был призван из Урлютюбского района — так тогда назывался Железинский). Всего их 46. Вдова Нина Константиновна все их сохранила и передала в архив. В одном П. Г. пишет: "... Если же посчастливится вернуться невредимым, я готов буду носить тебя на руках за твою любовь и верность". Не посчастливилось... П. Г. Болдырев погиб в Восточной Пруссии уже в конце войны. Там, кстати, воевал и мой отец, которому уцелеть посчастливилось. Хотя мужчин его года рождения осталось в живых после войны всего три процента.

Природные катаклизмы — по всей области. В ночь на восьмое мая на область обрушился шквал ветра с проливным дождём, который на следующий день на севере превратился в мощный снегопад. Небывалый для мая буран срывал крыши с домов, валил линии электропередач, ветер доходил до 25-28 метров в секунду. Он буквально разметал отары и табуны, которые вывели на пастбища. В моём родном "Михайловском" с корнем выворотило несколько многолетних сосен.

9 мая

Всей семьёй ходили к Вечному огню и на площадь. Народу меньше, чем обычно: вчера почти весь день шёл мокрый снег, ночью подморозило, и утром было холодновато.

Помянули дома дедов-ветеранов. Мать изжарила в духовке двух кур — одной для нашего семейства уже маловато. Показывал внукам ордена и медали отца, его ещё фронтовой бинокль, доставшийся мне в наследство...

Теперь опять идёт снег — холодно, ветрено. Боюсь, как бы не помёрзла на даче вишня, которая вот-вот зацветёт. Да ещё Ольга посадила сверххранную редиску, которая уже взошла. Кое-где по области выпала сразу полуторамесячная норма осадков — навалило до полуметра снега. При этом в Михайловке на почве было минус семь, а в Успенке — минус девять градусов. Больше всех пострадали иртышане, потерявшие сотни голов скота — табуны шли по ветру, не останавливаясь и перед озёрами, из которых потом удалось вызволить лишь часть коров и лошадей. Железинцы спасали свой скот, оказавшийся на пастбищах, загоняя его в берёзовые колки.

К счастью, на этот раз обошлось без жертв...

У нас точно какой-то бермудский треугольник, где природа может быть абсолютно непредсказуемой. Впрочем, есть от этого майского дождя и бурана польза: весеннюю землю напоило влагой, что хорошо и для будущих хлебов, и для трав.

У Экибастузского мясокомбината не хватает сырья, что, в общем, не удивительно: скота в области остаётся всё меньше. Выход тут видят в том, чтобы закупать скот в Монголии и здесь перерабатывать. Что-то не очень верится в этот рыночный проект: где Монголия, а где Экибастуз?

Из хороших новостей: главный водохозяйственник области Жанайдар Рамазанов обещает в нашей газете большой разлив Иртыша — на 362 тысяча гектаров, это более 90 процентов всей поймы. Максимальный сброс воды через донное отверстие Шульбинской ГЭС доходил до 4000 кубометров (четыре тысячи тонн) в секунду.

Многие у нас в области недолюбливают Ж. Р. Рамазанова — за настырность, неуступчивость... Однако именно он ездит каждый год в Усть-Каменогорск — на так называемую паводковую комиссию — и насмерть бьётся с энергетиками, отстаивая право поймы на живительную влагу, без чего область лишится большей части кормов, а рыба — естественно-природного нерестилища.

В прошлую пятницу позвонил глава Экибастузской городской администрации Рамазан Жуматаев — жаловался на нашего собкора Булата Ахметова. Мол, и так тяжело работать, а Булат ещё и ёрничает по разному поводу. Администрация пытается организовать общественные работы в городе для безработных, а наш собкор иронизирует: глава своим указом закрепил в Экибастузе право на труд. Городские предприятия (разумеется, с подачи властей) берут под своё крыло идущие ко дну совхозы, а Булат пишет, что некоторые из последних вместо благодарности собираются с благодетелями судиться.

Я отвечал, что обе информации в целом носят позитивный характер (надо же говорить с чиновниками на их языке!), но при этом журналист демонстрирует и творческий подход... И что-то ещё — в том же духе.

— Да он и к нам на коллегии не ходит, — продолжал возмущаться Р. Ш. Жуматаев, — я уже четыре месяца работаю и ни на одном нашем совещании его не видел... Поэтому он и не освещает городские проблемы, а информацию черпает из других газет и при этом часто перевирает факты...

— Журналист не обязан просиживать штаны в присутственных местах, — не сдавался я. — Его, как и волка, ноги кормят...

И тут он, наконец, врезал мне под дых:

— Его-то уж точно кормят сегодня не столько ваши гонорары, сколько частное малое предприятие, делами которого он занят куда больше, чем собкоровскими обязанностями...

После этой его фразы я сник: про частно-предпринимательские дела Булата я понятия не имел... Конечно, расстроился и разозлился. Я не раз говорил с ним наедине о том, что его неровная работа нас не устраивает, обсуждали его соборовский отчёт на заседании редколлегии, где тоже насовали ему полную пазуху... Он ведь, бесспорно, талантлив... Думал я, что-то изменится, когда переведём его на контракт... Но нет... Ясно, что по-другому он теперь работать не будет, просто не сможет совмещать то и другое.

Выходит, спасибо надо сказать главе Экибастуза, что открыл мне глаза на некоторые вещи... Жалко расставаться с Булатом, но, наверное, придётся...

Подали кассационную жалобу в областной суд, в которой опротестовали два пункта решения райсуда по иску теркома по госимуществу и приватизации к редакции и, в частности, о необходимости согласовывать текст опровержения с истцами. Решение это беспрецедентно дурацкое, и если оно останется в силе, то нервы они нам помотают...

Отпраздновали День печати. В ресторане. А. М. Мухамеджанов договорился — нашу гульбу оплатят спонсоры. Всё удовольствие обошлось в 350 тысяч рублей — не такие уж большие деньги по нынешним временам.

А наша традиционная конторская вылазка на Иртыш сорвалась — погода подкачала.

11 мая

Казахстан учредил свои государственные награды, список которых мы сегодня печатаем. Знак высшей степени отличия — золотая звезда звания “Халык Кахарманы” — “Народный герой”. Вручается за выдающиеся заслуги и всего раз в жизни.

Ордена — по степени значимости:

“Отан” — “Родина”;

“Данк” — “Слава”;

“Парасат” — “Интеллект”;

“Курмет” — “Почёт”.

Для матерей-героинь предусмотрены золотые и серебряные подвески. Будут и медали — за подвиги, трудовые отличия, а также почётные звания “народных” — писателям, артистам, художникам и заслуженным деятелям.

12 мая

Смотрел московские “Итоги” по ТВ. Слава Богу, праздник там прошёл спокойно... Но венки к могиле Неизвестного солдата высшие должностные лица возлагали поврозь: сначала Ельцин с Черномырдиным, а какое-то время спустя — Руцкой, Хасбулатов и Зорькин. Клоунада какая-то: даже в таком святом деле не могли поступить как люди.

В Алма-Ате (теперь, впрочем, надо писать и говорить Алматы) состоялось важное совещание по проблемам формирования государственной идеологии. Н. А. Назарбаев выступил на нём с программной речью и ответил на краеугольный вопрос современности — какое общество, какой строй мы создаём? — так: во всём мире наблюдается тенденция сближения, взаимообогащения капиталистических и социалистических тенденций, то есть свободная рыночная экономика сочетается со стремлением общества защитить свои наиболее социально обездоленные слои. Вот и мы будем строить демократическое общество со смешанной экономикой... И давайте уходить от “измов”, подытожил Н. А.

Ответ достаточно общий, если не сказать — уклончивый. И позиция Н. А. в этом плане за последнее время не раз менялась. Как-то на встрече с редакторами бывших союзных газет он проговорился, что мы уже строим капитализм... Впрочем, вряд ли его можно и нужно осуждать за известные колебания — жизнь теперь такова, что сам чёрт в ней ногу сломает.

Ещё Н. А. говорил о том, что бурный поток исторических изысканий, хлынувший в последнее время на страницы газет и журналов, зачастую очень далёк от поисков истины и нередко имеет своей целью, скорее, сиюминутные политические, родовые и иные подобные интересы...

Это уж точно (от себя добавляю): то идеологи всё время упирали на добровольное присоединение Казахстана к России, и мы даже праздновали какие-то юбилейные даты, теперь (порой те же самые люди) взахлёб пишут о колонизаторской политике российского царизма, подавлении национального самосознания и т.д. Хотя любому непредвзятому человеку, знакомому с историей вопроса, совершенно очевидно: было и то, и другое, так и надо говорить, ничего не выпячивая и не преуменьшая...

Вероятно, усиливаются в последнее время и родоплеменные, клановые интересы и противоречия. Как мне показалось, Н. А. с некоторым раздражением говорил о стремлении чиновников разного ранга всюду тащить за собой “своих” и привёл такой пример: недавно в столице собрались около 600 представителей одного рода и, кроме прочего, всерьёз обсуждали — кому из них быть вождём и где должна находиться его верховная ставка. Видно, достало президента и это, вот только услышат ли его?

Ещё Н. А. заявил: хватит переименований, а то уже чуть ли не соревноваться стали — кто больше?!

Достаточно подробно президент говорил о прессе. Такое, например: корпункты собкоров бывших центральных, а ныне российских газет, содержит Казахстан; поэтому собкоры должны как можно полнее освещать жизнь республики; если же они этого не делают или освещают то, что у нас происходит, необъективно, то республика вправе поставить вопрос о замене таких собкоров.

Думаю, тут Н. А. отчасти погорячился... Разумеется, Казахстан не должен содержать корпункты газет других государств, если только эти государства, в свою очередь, не содержат корпункты казахстанских изданий... Допускаю также, что у Н. А. есть основания быть недовольным тем, что пишут о Казахстане в российских газетах... Но ставить из-за этого вопрос о замене собкора — это уже чересчур. В таком случае в советские времена в США или Англии не осталось бы, наверное, ни одного собкора “Правды”, “Известий” или Центрального телевидения.

Впервые публично покритиковал Н. А. руководителя республиканского телерадио Шерхана Муртазу, которому не раз говорил о том, что это телевидение должно обслуживать всё население, а не только отдельные его группы (речь, насколько я понял, идёт и о языковой политике на телевидении, крене в сторону однонационального вещания). Прямо было сказано: республиканское радио и телевидение сегодня попросту неконкурентоспособны, передачи последнего смотрят не более десяти процентов населения (я, кстати, тоже не вхожу в их число).

Когда некоторое время назад профессионала Г. Шалахметова меняли на Шерхана Муртазу (думаю, под давлением сил радикальной национальной ориентации), нельзя было понять, что за этим стоит: просто уступка национал-патриотам или смена ориентиров? И судя по всему, дело зашло слишком далеко, раз уж Н. А. решил публично заявить о своём недовольстве работой нынешнего ТВ, назвав фамилию председателя. Хотя, в общем, можно было предвидеть, что он поведёт себя именно так...

Президент высказался и о других республиканских СМИ: идёт в целом нормальный процесс, но есть тенденциозность и амбициозность, и журналистам надо

помнить: их профессионализм не заменяет профессионализма юриста и управленца. То есть, нам не должно изменять чувство меры в суждениях и оценках.

В целом же президент был достаточно убедителен, уверенно держался. Это хорошо, что он озаботился проблемой государственной идеологии. Людям сегодня (да и всегда, наверно) нужны идеи простые, доступные, понятные — такие, в которые можно было бы поверить, которые бы на деле объединяли, вселяли уверенность в завтрашнем дне.

Но где они, эти идеи? И кто будет доносить их до людей?

Вчера в редакцию заходила собкор “Комсомольской правды” в Казахстане Евгения Доцук. Не застав меня, пообщалась с Володей Бугаевым. “Раскручивает” историю с газовыми пистолетами нашей “Гаммы”, хотя в ней, кажется, и так всё ясно. Была с телохранителем, второй в Алма-Ате сопровождает её дочь из дома в школу и обратно. С чего бы это — я не понял, потому что не припомню громких материалов, из-за которых её можно было бы преследовать. Хотя журналист она хороший — об этом можно судить по её прежним публикациям в “Ленсмене”. Ещё она сказала Бугаеву: журналистам “Комсомолки” платят сегодня столько, что им нет нужды подрабатывать ещё где-то... И тем не менее собирается переезжать в Москву — атмосфера, в которой сегодня живут у нас российские собкоры, не самая благоприятная...

Добавление из 2008 года. Журналистское расследование закончилось тем, что Е. Доцук вышла замуж за А. Петренко, владельца всё той же нашей “Гаммы”, который перебрался в Алма-Ату и много лет спустя оказался замешан в истории с незаконной продажей старых казахстанских истребителей одной из наиболее одиозных стран. Был большой международный скандал. Но и в этом случае Петренко отделался лёгким испугом и вышел сухим из воды. Видно, очень большие люди стояли за этой сделкой, стоившей отставки даже министру обороны... А с Е. Доцук они расстались. Впоследствии она редактировала “Известинскую” вкладку в Казахстане, входила в круг журналистской элиты Казахстана, но, к сожалению, скоростно скончалась...

Слава Лесовский выпустил первый номер обновлённого “Компаньона” — под заголовком “Местное время”. Впечатление газета производит приличное. Собираются выходить раз в неделю, грозятся в скором будущем составить нам конкуренцию. Если и дальше будут делать газету на том же уровне, то, может, и составят.

Оказывается, Серёга Горбунов предлагал возглавить “Компаньон” и Ю. А. Ковхаеву, но тот отказался, поскольку дело там не было поставлено серьёзно. Это Ю. А. сам мне сказал вчера, когда мы в узком кругу отмечали назначение ему республиканской персональной пенсии. Он всё ещё в обиде на меня и из-за того, какая ему найдена замена... Да уж, сколько волка ни корми...

Читаю Сергея Довлатова — “Записные книжки” и небольшую повесть “Заповедник”. Давно не получал такого удовольствия. Поражаюсь тому, как быт, обыденная рутинная жизнь могут стать предметом настоящей литературы.

У нас в СССР Довлатова не признавали. Он уехал в США и, прожив там немногим больше десяти лет, стал издаваться... И умер — в 49 лет. Говорят, крепко попивал...

Его записные книжки — это небольшие, подчас крохотные новеллы, что-то сродни моим “блэсткам”. Ольга, почитав Довлатова, сказала: “Твой не хуже”. Но мне довлатовские почему-то нравятся больше, хотя, наверно, ему можно

было бы обойтись без мата и физиологизмов. Но это, видимо, следствие пуританских запретов, ответ на нашу ханжескую мораль: мол, хрен вам всем — как хочю — так и пишу!

Замечательна повесть “Заповедник”, которую я старался читать, изо всех сил себя сдерживая, поскольку привык глотать книги... Лишний раз убедился: не надо никого слушать, если убеждён в “настоящести” того, что делаешь, что написанное тобой того стоит и потому имеет право на жизнь.

Так что вдвойне спасибо Довлатову — и за его книжку, и за то, что помог мне утвердиться в том, что я и без него знал, но уж сильно в этом сомневался.

Общались “за жизнь” с Б. В. Исаевым. Сказал ему:

— Вы всё время критиковали высшую власть за то, что у неё нет идеологии. Видите — вас услышали...

— Об этом ещё рано судить, — уклончиво отвечал он, — но хорошо уж то, что озаботились проблемой...

Меня интересовало, как Б. В. смог пережить свою первую, во многом несправедливую отставку. И он рассказывал...

Уже не будучи первым секретарём обкома, но оставаясь депутатом Верховного Совета СССР, он продолжал ездить в Москву на сессии, заезжал в ЦК КПСС, в том числе к секретарям ЦК (принимали, вот что интересно!) — Капитанову, Долгих, добываясь ответа на вопрос: “За что?”. Те только руками разводили. А давний знакомец, бывший первый секретарь Целиноградского обкома партии Н. Е. Кручина, занимавший ключевой пост управляющего делами ЦК КПСС (в его руках были финансы партии), уставший от его расспросов, сказал:

— Знаешь, Борис Васильевич, чтобы помочь тебе, нужен член Политбюро, который будет сильнее Кунаева...

И это был ответ по существу. Кстати, добавил Б. В., Кунаев, прежде никогда не заходивший в кабинет к Кручине, незадолго до своего ухода стал к нему заезжать...

Да, все мы люди и только люди, особенно когда жизнь нас начинает как следует прижимать. (Это я от себя добавляю).

У Исаева была мысль перебраться в Россию (жгла обид!), и возможности были — оставались друзья в Москве, которые помогли бы устроиться. Но знающие люди сказали: “Не вздумай!”. Ведь он лишился должности не без ведома Кунаева, и, если бы уехал, пришлось бы распрощаться с мыслью о продолжении партийной карьеры.

— Почему я не сломался? — переспросил Б. В. — Да, обошлись со мной несправедливо... Но я знал, что невиновен, верил, что время всё расставит по своим местам. Ещё не хотел доставить удовольствие тем, кто злорадно потирал руки: “Ну что, мол, каким ты был “первым”, мы знаем, но посмотрим — каков ты теперь”. И это добавляло внутренней злости и силы.

Да, хоть порой Исаева бывает многовато, всё же он глубокий человек. Мне с ним интересно. Подарил мне подзаголовок для цикла моих “блесток” — “Понасердке”. Так говаривал его дед. То есть, осердясь, рассердившись... Но эти два слова привычные, а понасердке — новое, необычное, вкусное. Надо бы посмотреть — есть ли оно у Даля.

14 мая

Выбирали новых членов редколлегии. Ими стали Гришина, Бугаев и Ковхаев (первые двое набрали по 11 голосов из 18, а третий — 6). Принцип тайного голосования: из 18 фамилий надо оставить три. Проходят те трое, у кого больше голосов. Результат совпал с моими предположениями. Люди они разные,

со своими представлениями о том, какой должна быть газета. И это, скорее, хорошо, чем плохо.

Приехал с “повинной” Булат Ахметов, подал заявление... Он раскручивает собственное дело, и ему не до собкорства. Видно было: ему неудобно передо мной, ведь я немало для него сделал, одна трёхкомнатная квартира чего стоила, ведь совсем недавно такую же выбивали для его предшественника Марата Валеева.

Хотя Булат благодарил меня и извинялся, обида всё ещё живёт во мне: конечно же, он вправе заниматься тем, чем хочет, но зачем же контору и меня надо было водить за нос?

Впрочем, расставались мы, скорее, по-дружески... Жаль, что он ушёл... Не так-то просто найти хорошего собкора, труднее, чем просто хорошего журналиста.

Какое-то время ничего не писал для газеты. И ощущаю некий уют и холодок внутри — не потерял ли форму? В свою газету желательно писать регулярно, и не по-мелкому... Но руки не доходят...

Хочу повесить у себя в кабинете над головой лозунг, чтобы сразу прочитывался всеми, кто садится напротив: “Относитесь к лысым мягче — им грозят сердечные приступы!”. Это я узнал из программы “Здоровье” по ТВ, где какой-то кардиолог уверял, что лысые предрасположены к инфарктам. Скорее всего — ерунда, конечно, но если это обнаружить таким образом, то, может, жить станет полегче?

15 мая

Похоже, власти всерьёз озаботились разбродом и шатаниями в мозгах народа... В Алма-Ате прошло республиканское идеологическое совещание, на котором выступил с программной речью Н. А. Назарбаев. Любопытно, что редакторов областных газет на него не пригласили.

Состояние значительной части казахстанского общества президент охарактеризовал словом “аномия” — это состояние растерянности сознания в изменившихся условиях, когда устоявшаяся система ценностей переосмысливается, в корне меняются жизненные идеалы... Да уж, чего-чего, а растерянности в умах сегодня — хоть отбавляй...

“Наш просчёт, — говорит в своей речи Н. А., которую мы публикуем, — в том, что мы не умеем разъяснять людям характер проводимой нами работы, донести до человека наши цели и устремления. По сути, у нас нет системы ценностных ориентаций, взглядов и идей, адекватных разработанному нами курсу. Это приводит к тому, что значительная часть нашего общества не имеет перед собой мировоззренческой перспективы...”

Совещание и призвано выстроить систему дальнейшей политической работы. Стержнем её, по мнению Н. А., должны стать консолидация, общественный прогресс и социальное партнёрство. Важнейшей задачей названы мир и гражданское согласие. А кроме того, утверждение идеи прагматизма в казахстанском варианте и идеи казахстанского патриотизма.

Краеугольным камнем решения накопившихся проблем, мощным фактором консолидации и укрепления стабильности президент назвал ускорение экономической реформы, формирование широкого слоя собственников, того самого среднего класса, который является реальной опорой современной цивилизации, демократии и т. д. Именно поэтому особое внимание будет уделено приватизации, которая в целях достижения социальной справедливости поможет

гражданам реализовать право на свою долю госимущества. При этом каждый получит документ, подтверждающий обладание этой долей.

Речь очень велика, у нас она заняла около двух газетных страниц. Выступление Н. А. носит программный характер и в целом убедительно. Но как часто в последнее время жизнь опрокидывала все самые лучшие намерения властей...

Значительное место в речи отведено прессе: “Средства массовой информации, будь то государственные или частные, являются катализаторами общественного развития... Пресса берёт на себя роль посредника между властью и народом...”. Есть и критика: “Со страниц газет и журналов исчезла настоящая высокая публицистика, которая в критические моменты истории всегда помогала людям разобраться в непростых жизненных коллизиях. А сегодня это необходимо как никогда”.

Вроде всё правильно, только как же могут журналисты что-то объяснить людям, когда у них самих в мозгах царят растерянность и хаос, они ведь никогда не сталкивались ни с чем подобным.

И тем не менее хорошо, что такое совещание состоялось, и речь Н.А. Назарбаева даёт не только пищу для размышлений, но и очень важные ориентиры.

Краснокутский район переименован в Актогайский, город Ермак — в Аксу. Такое решение принял Президиум Верховного Совета республики.

Кыргызстан объявил о введении национальной валюты — сома. Понятно, что на всём пространстве СНГ царит страшный бардак; в том числе и из-за монополии российского рубля. Но эта “фига в кармане” киргизских властей — из серии действий по принципу “назло кондуктору пойду пешком”.

Эффективный метод борьбы с пьянством на рабочем месте стали применять на экибастузских ГРЭС. Так, два слесаря турбинного цеха за подобную провинность лишились по 80560 рублей каждый, двое их собутыльников потеряли по полсотни тысяч, а один из мастеров — 82368 рублей. К сожалению, Булат Ахметов, приславший эту информацию, не пишет — как подсчитывалась, например, последняя сумма. Но зато он сообщает среднемесячный заработок на обеих ГРЭС — 150 тысяч рублей. Не так уж сегодня экибастузские энергетики и бедствуют.

18 мая

“Второй этап приватизации пройдёт более успешно”, — обещает сегодня в нашей газете премьер-министр С. А. Терещенко. Хорошо, если бы это и на самом деле было бы так...

А областной совет детских и пионерских организаций, до которых в пылу реформ никому нет дела, не хочет самораспускаться и заявляет в своём обращении (опять же со страниц “ЗП”) — “Мы есть!”, предлагая сотрудничество всем остальным неравнодушным детско-юношеским союзам. Молодцы!

19 мая

Давно заметил: если сразу что-то не записал по горячим следам, то это “что-то” вскоре кажется мелким, незначительным, а вскоре и вовсе забывается... Так уже почти забыл недавний разговор с банкиром, которому не понравилось, как я “подал” его самого в материале о разборках в обл администрации по результатам прокурорской проверки, вскрывшей крупные финансовые и прочие махинации. В частности, написал: в то время как большинство населения едва сводит концы с концами, эти трое учреждают банк, внося по 2,5 миллиона рублей, добытых, скажем так, на грани фола.

— Кто сегодня бедный? — спросил у меня банкир. — Не мы ведь с вами?

— Не знаю, насколько я беден, но уж точно не богат, — отвечал я. — Но не только об этом шла речь, я о хитромудрых схемах, которые при создании банка использовались.

— Ну и что? — наседал он, — закон же не нарушен. Или вы просто завидуете?

Говорили мы явно на разных языках. А частный банк он и вправду открывает, где в соучредителях он сам, его отец и сын.

А на собрании учредителей “Кереку банка”, в числе которых состоит наша газета, нам было объявлено: директор его по-прежнему в следственном изоляторе; дела банка пошатнулись, и наши дивиденды могут составить в лучшем случае около 40 тысяч рублей вместо обещанных двухсот тысяч. Да из-за этого не стоило и огород городить...

Ездил в Качиры на сорокалетие одноклассника Вовки Джумалинова. Он зоотехник по образованию, но работает сейчас в страховой фирме “АСКО”, с которой дружит и наша газета. Посмотрел, как живут сегодняшние страхователи. Гуляли в кафе, потом у Вовки дома... В областном руководстве фирмы — молодой обаятельный человек из “новых” и бывший первый секретарь обкома комсомола. Хорошо пообщались... У главы “АСКО” есть личный “Мерседес”, хотя и подержанный. А мы с Ольгой — не последние в журналистике люди — живём от зарплаты до зарплаты, одеваемся чётр знает как... Может, просто жить не умеем?

21 мая

Ходят слухи о скором введении национальной валюты. А плохие слухи, как правило, подтверждаются...

Пока что ни одна суверенная республика, перешедшая на собственные деньги, не только не решила своих финансово-экономических проблем, но, скорее, усугубила их... А с другой стороны, жить тому же Казахстану под российским рублём уже невмочь — приостановлены почти все платежи, деньги в Россию и из России не проходят, постоянно нет налички, задолженности по зарплате достигают астрономических сумм.

О нравах, царящих в новом российском правительстве... Вице-премьер Шохин пишет челобитную президенту Ельцину — о бесцеремонных действиях Полторанина (по указу Б. Н. он подчиняется лишь ему самому), который, не имея на то полномочий, передаёт в Германии комплекс дорогостоящих зданий стоимостью около 800 миллионов дойчмарок какой-то сомнительной фирме, причём практически задаром. Мотив: владелец этой фирмы поможет российским демократам средствами для победы на предстоящих выборах. Письмо Шохина опубликовано. Ельцин хранит гробовое молчание. Такая теперь в России демократия.

Уставшие от “всеесэнговской” финансовой неразберихи руководители павлодарских промышленных “китов” В. В. Каландаришвили (“Экибастузуголь”) и Г. Г. Мощенко (нефтеперерабатывающий завод) пробилась к Н. А. Назарбаеву с идеей создания финансово-промышленной группы. Цель — объединить ресурсы и возможности разных предприятий для решения общих проблем.

Геннадий Георгиевич Мощенко, с которым мы немного знакомы, рассказал о сути идеи на конкретном примере. Скажем, его заводу нужны трубы, которые производит украинское предприятие. И хотя у завода есть деньги, платежи на Украину не проходят. Зато “Экибастузуголь” теперь поставляет на Украину уголь, а его потребители-энергетики — поставляют продукцию тому самому трубному

заводу. Тут уже наверняка можно договориться о прямом обмене. А уж затем наш НПЗ всегда найдёт возможность рассчитаться с “Экибастузуглем”.

Президенту идея пришлась по душе. Готовятся необходимые документы, в проффингруппу готовы войти уже семь предприятий.

Так что, оказывается, не только голь на выдумку хитра, но и промышленные “генералы”.

Нечто подобное придумали также в “Павлодарэнерго” и областном сельхозуправлении: совхоз “Ямышевский” Павлодарского района передаётся на баланс энергетикам. Подготовившая для нас материал об этом Ольга Воронько, назвавшая его несколько претенциозно “Союз серпа и... молнии”, пишет: на общем собрании в “Ямышевском”, где принималось решение уйти под “крышу” “Павлодарэнерго”, присутствовало 407 человек. И лишь 12 воздержались, все остальные были “за”...

Надо будет последить, что из всего этого получится.

Акуская объединённая газета “Новый путь”, получив от почтовиков новые условия доставки, по которым последняя оказывается вдвое дороже производства самой газеты, решила отказаться от подобного сервиса и станет организовывать собственную доставку.

В Павлодаре, а также в близлежащих сёлах и даже в райцентрах мы тоже могли бы это сделать. Но попробуй доставь газету в “Озёрный”, “Селетинский”, “Краснокутский”, “Акшиман”, Жайму, куда в один конец до 300 и более километров!

Попала сегодня на глаза туристическая реклама в родной газете. Оказывается, сегодня запросто можно поехать в Турцию, Пакистан, Грецию, Сингапур, Ливан, Индию, Китай. Группы формируются ежемесячно. Надо узнать — ездят ли павлодарцы во все эти стороны света?

22 мая

Когда-то в рубрике “Их нравы” писали про “выверты” капиталистического мира. А сегодня и сами “могём”.

В Павлодаре гастролирует экстравагантная певица Азиза. И на её концертах устраиваются аукционы. Например, бутылка болгарского коньяка со стартовой ценой в тысячу рублей в итоге “ушла” за 50 тысяч. Её обладателем — с автографом певицы, радуется, стал наш земляк Саша, переплюнув некоего Муссу, которому точно такой же подарок достался всего за 31 тысячу.

27 мая

Отличный материал Ольги Григорьевой о скрещении судеб. Она узнала: в Павлодаре живёт дядя Сергея Довлатова — того самого... Григорий Леванович Осипян — двоюродный брат его матери. Осипян и сам по себе легендарная личность: учился в Москве, в кадетском училище; потом стал железнодорожником, строил железную дорогу Акмолинск — Павлодар, собрал уникальную библиотеку и не менее уникальную коллекцию бумажных денег.

Осипян был дружен с матерью Сергея Довлатова — Норой, накоротке встречался и с ним, но лишь однажды... Переписывается с дочерью Сергея, получил от него, ещё в советские времена, посылку из Нью-Йорка.

А отец С. Довлатова — Донат Мечик — встречался с Павлом Васильевым в 1927 году во Владивостоке и позднее — в Москве. Мечик прислал в адрес Павлодарского дома-музея Павла Васильева письмо из Нью-Йорка с газетой “Новое русское слово”, напечатавшей большой материал о П. Васильеве.

Как всё бывает далеко и как близко! И как причудливо скрещиваются судьбы!

В Павлодаре работает медресе. Там побывал наш автор Жасулан Садыков. Пишет: здесь обучается по направлению хозяйств 16 человек. Обучение — платное, шесть месяцев, все слушатели могут стать имамами местных мечетей. Старшему из будущих священнослужителей — 67 лет. Есть среди них и люди с высшим образованием.

Нам с А. М. Мухамеджановым установлены новые оклады — по 67500 рублей. Раньше по этой части мы были на уровне замглавы обладминистрации — зампреда областного совета, а теперь нас спустили на ступеньку ниже — на уровень завотдела — руководителя аппарата. Любопытно, что в бытность партии редактора областных газет боролись за то, чтобы их оклады приравняли к окладам секретарей обкомов по идеологии. И когда дела у партии стали совсем плохи, кто-то наверху издал соответствующее распоряжение... И вот опять откат — не потому, что дела в экономике и во властных структурах хороши, скорее, нам просто указывают на наше место.

У замов наших оклады будут по 54 тысячи рублей (почти в три раза больше прежнего), у завотделами — по 39, у корреспондентов — по 31 тысяче. Суммы какие-то невообразимые. Но вот звонит знакомый чиновник и между делом сообщает: глава Экибастузской райадминистрации по собственному желанию перешёл на другую работу — заместителем гендиректора “Экибастузугля”. И “положили” ему сразу 180 тысяч. А будут ещё и премиальные... Сразу становится ясно: кто в нашей сегодняшней жизни есть кто.

На нашу кассационную жалобу в облсуд терком по госимуществу и приватизации написал свои возражения. Да ещё зампреда теркома В. Л. Гетман накалал встречную кассационную жалобу, на которую мы должны писать ответные возражения. Они не только настаивают на прежнем решении суда, но и добиваются возмещения нанесённого морального ущерба в 50 тысяч рублей... Конечно же, специально затягивают дело, чтобы в итоге помордовать нас с согласованием текста опровержения, а заодно проучить, чтобы знали — на кого руку подняли. А я бы давно опубликовал это злосчастное опровержение: мол, такие-то и такие-то сведения, приведённые в статье, судом признаны недостоверными. Или текст, предложенный судом... Но согласовывать его с Гетманом — это уж слишком!

Решили купить газовые пистолеты — девять стволов и боеприпасы к ним. Вчера принесли счёт — один миллион 300 тысяч рублей. Я аж за голову схватился: да что они охренели там? Послал договориться Людмилу Ермолину — у неё какие-то связи в “Гамме”. Сумму скостили до 940 тысяч. Счёт подписал, а душа болит: надо ли это нам? Уверяют — надо: у Бугаевых — дорогая фотоаппаратура, у водителей — автомашины. Поддавшись общему психозу и себе заказал “Беретту”.

Б. Н. Ельцин издал указ о введении свободных цен на энергоносители. Теперь начнутся судороги у всего СНГ..

28 мая

Установил в квартире железную дверь (входную). Нового оклада на неё не хватило — 81 тысяча рублей сама дверь с установкой, да девять тысяч замки — простой и гаражный. А чтобы дверь не смотрелась так ужасно, сами обклеивали её вместе с Ольгой текстурной бумагой.

В России — бурные дебаты о новой Конституции. Был проект, подготовленный специальной комиссией, утверждённый съездом народных депутатов. Теперь появился альтернативный президентский проект. Многие видные юристы считают, что последний скроен под Ельцина (бывший помощник Горбачёва — Шахназаров, академик Петраков и другие).

Ещё спорят о том, кому принимать новую Конституцию — съезду народных депутатов или специальному учредительному собранию народных представителей? Как будто съезд таковым уже не является...

А по сути две ветви власти, вернее, их верхушки, борются за то, кто из них главнее и кому рулить страной.

Отличная погода установилась. Особенно хорошо по утрам: свежо, светло, зелено. Ласкает взор и радует душу пойма Иртыша... Иду на работу и радуюсь, пока собственно работа не начинается...

31 мая

В одном из последних номеров “Советов Казахстана” опубликована пространная статья академика (чьё имя мне лично ни о чём не говорит), якобы анализирующая позицию “Казахстанской правды” по основополагающим позициям. Пишу “якобы”, потому что никакой это не анализ, а разновидность политического доноса, имеющего целью заклеить газету, обвинив её в неблагонадёжности, неразборчивости при публикации материалов (кого попало публикует, а солидным авторам отказывает) и в прочих “смертных” грехах.

Судя по всему, академик — человек не слишком большого ума, но “Советы”-то зачем публикуют эту галиматью?! Ну не нравится тебе “КП” — не читай, тем более что теперь есть “Советы Казахстана” и две республиканские газеты на казахском языке — “Егемен Казахстан” и “Халык кенеси”? Но — нет: надо и “Казправде” указать её место.

Я не считаю “КП” безупречной, но, безусловно, сегодня это самая солидная профессиональная, а следовательно, влиятельная газета в Казахстане, у которой почти всегда есть позиция. И вот последнее, наверное, многим не по духу. Отсюда и желание скомпрометировать, замарать, нагадить... Интересно мне знать, как после этой статьи редактор “Советов” будет смотреть в глаза редактору “Казправды”?

Заходил Слава Лесовский, подарил второй номер “Местного времени”. Говорит: сам работаю по 12 часов и от других того же требую; некоторые материалы по пять раз заставляю переделывать... Грозится со временем обскакать и нас...

Всё ещё обхаживает Ирину Лисовскую, обещая зарплату в 45 тысяч рублей. А когда она сказала, что будет иметь столько же у нас, притом в следующем месяце, пыла у него поубавилось...

А их второй номер, как и первый, — неплох. Вот уже и конкурент нарождается...

1 июня

Как и следовало ожидать, “Казправда” дала полный “отлуп” “Советам Казахстана”. И сделала это Шолпан Сармурзина. Когда-то, в пору моего студенчества, мы вместе выпускали “КазГУшную” многотиражку: она её редактировала, а я был главной рабочей лошадью. Газету, надо сказать, мы делали не очень хорошую, поскольку для Сармурзиной это было бесплатной дополнительной нагрузкой, а у меня, хоть мне и платили часть ставки, тоже своих дел хватало... Несколько раз я порывался уйти, но Шолпан Гайсиевна меня не отпускала... Теперь она доктор наук и наподавала академику в своей статье по полной программе.

Сармурзина пишет о неприкрытой травле “Казправды”, шельмовании её журналистов, приводит факты, называет имена, невзирая на персоналии. Пишет о том, что представляет собой нынешняя влиятельная казахстанская интеллигенция, среди которой много выходцев из аулов с родоплеменными устоями.

Ещё она цитирует известного публициста, замминистра печати и “главноназирающего за русскоязычными СМИ”, показывая, сколь противоречивы и путанны его суждения.

“Казправда”, конечно, тоже бывает хороша, и “пулизмом” страдает, но тем не менее, это лучшая республиканская газета, у которой сегодня есть чему поучиться. И я за неё порадовался. И за Ш. Г. Сармурзину — тоже.

Но, похоже, неприятности у “Казправды” не заканчиваются. Теперь она судится (!) со своим карагандинским собкором В. Могильницким. Он опубликовал в одной из столичных газет открытое письмо, в котором, помимо прочего, обвинил родную газету в неблагонадёжности. Однако Верховный суд рассматривать иск газеты отказался. Мотивировка — редакция не обращалась в “Вечёрку” (это она опубликовала “манифест” В. Могильницкого) с опровержением. Теперь “Казправда” намерена обжаловать решение суда.

А мы попросили представлять наши интересы в облсуде по тяжбе с чиновниками госкомимущества адвоката Г. А. Дворникову — бывшего зампреда этого суда. Она держится уверенно, а вот у меня такой уверенности нет. Там и дело-то не стоит выеденного яйца, и мы бы давно уже опубликовали текст опровержения: такие-то сведения статьи признаны не соответствующими действительности. Но судья предписал согласовать этот текст с истцами, которых ни один предложенный нами вариант не устраивает. Я думаю, они делают это специально, чтобы проучить нас.

Заходила знакомая из обладминистрации. Всегда доброжелательна, улыбчива, собранна — я её ещё по обкому партии помню. Спросил — как ей теперь живётся — расплакалась: осталась из “некоренных” в отделе одна и, чтобы понять, что она испытывает на работе, надо самому попасть в такую атмосферу — пренебрежения, косяк взглядов, собственной второстепенности. Почему держат до сих пор? Потому что обойтись без неё пока не могут — она тащит на себе всю работу.

Трагическая судьба... Мать — из ссыльных немки и замуж постаралась выйти за русского, чтобы у детей была другая фамилия и, может быть, другая судьба. Теперь всё опять изменилось, говорит знакомая, не понять — кто мы: немцы, русские? Чьи мы теперь, кому мы нужны?

Полностью парализован пассажирский речной флот, наполовину — грузовой. Не будут в этом году ходить “Ракеты” вверх по Иртышу до Семипалатинска и вниз — до Омска. “Ракеты” законсервированы, два теплохода “Полесье” отданы в аренду Китаю.

Причина проста: дороговизна горючего, которого эти быстроходные речные суда потребляют очень много. Представитель речного порта объясняет нашим читателям: чтобы эти рейсы оправдались, билет до Омска должен стоить около 30 тысяч рублей, в три с лишним раза дороже, чем на самолёт, и в пятнадцать раз дороже, чем на автобус.

Удастся ли мне теперь проехаться с ветерком по Иртышу — не знаю... Всего один раз я ездил по реке на скоростном теплоходе — до Белогорья, в командировку. Какой вид открывался по обе стороны реки! А когда-то можно было путешествовать таким способом от Усть-Каменогорска до Омска и обратно...

Остаются, правда, прогулочные суда “Ермак” и “Павлодар”, но и тут новые веяния — первый отдан в аренду коммерческим структурам.

Ольга Фролова по заданию редакции сходила в казино и теперь щеголяет названиями азартных игр: блэк-джек, покер, рулетка... Это уже второе казино, открытое в Павлодаре за последнее время. Наверное, есть спрос? Хозяин — Александр Паханов, бывший спортсмен. Семья — в Москве, он тут, успевает жить на два дома. Уверяет, что и городу от казино — сплошная выгода, ведь оно должно перечислять в городской бюджет до 90 процентов прибыли. В последнее слабо верится: должно-то должно, но будет ли?

3 июня

Некоторое время назад мне под большим секретом сообщили: есть секретный пакет документов о введении в Казахстане национальной валюты. И вроде даже деньги отпечатаны. Но дали обратный ход, потому что подобный шаг Кыргызстана, который перешёл на собственный сом, обернулся для страны полной финансовой изоляцией.

И всё же национальная валюта, вероятно, будет введена и у нас — это лишь дело времени. Ещё и потому, что Международный валютный фонд, чьё мнение для России сегодня основополагающее, требует от неё уменьшения инфляции. А Россия, в свою очередь, по сути, выдавливает партнёров по СНГ из рублёвой зоны. Понятно, что ей и самой сегодня тяжело, но разве не лучше было бы сказать прямо: рублёвой зоны больше не будет и давайте готовиться к цивилизованному “разводу”.

Спасёт ли ситуацию в Казахстане собственная валюта? Умные люди говорят — вряд ли... Скорее, взаиморасчёты между предприятиями, имеющими зарубежных партнёров (а именно такие предприятия делают погоду у нас в области), ещё более усложнятся. Хотя — куда уже дальше-то? Или, как мне сказал как-то многомудрый Семён Аронович Донской: уж лучше ужасный конец, чем ужас без конца...

В России — шаманские пляски вокруг проектов новой конституции. Ельцин и Хазбулатов, как всегда, обмениваются “любезностями”. Вице-президент Руцкой выступил с заявлением — его шельмуют, отстраняют от дел. Не пустили к нему в Кремль журналистов на пресс-конференцию... Теперь вот и его самого намереваются из Кремля выселить... “Независимая газета” дала о Руцком политический очерк в сочувственных тонах, что тоже само по себе удивительно, ведь его сегодня не пинает разве что ленивый.

Россия всё больше идёт вразнос. Чечня не будет принимать новую российскую конституцию. Там продолжается непримиримое противостояние сторонников и противников генерала Дудаева, творится полный беспредел. И поневоле задумаешься: а может, не так уж и неправ был тот же Руцкой, предлагавший ввести на всей территории Чечни чрезвычайное положение?

Помню пропагандистские сообщения в нашей отечественной прессе из не столь уж давнего советского прошлого: проклятые капиталисты топят сахар в море из-за снижения спроса на него, чтобы не снижать цены... А вот уже в наши дни “Известия” пишут: в Одессе сожжено несколько десятков тонн лимонов и апельсинов, чтобы не снижать цены. И никто не возмущился, не устроил демонстраций...

В одном из судов Павлодара судят женщину по обвинению в нанесении ею тяжких телесных повреждений своему мужу. Он изменял ей, и, окончательно

удостоверившись в этом, она его напоила до бесчувствия, а затем, продезинфицировав нож, отхватила им мужнино достоинство под самый корень. В больнице его спасли. И вот теперь — суд. Послал на него молодого сотрудника Бейбута Байдилова.

Задумали строить склад — негде хранить бумагу. И стоит это удовольствие будет не меньше 11-15 миллионов рублей. Сижу в тягостных раздумьях — связываться с этим делом или нет?

Вечером к нам домой приходил участковый, интересовался у матери и соседней моей персоной: каков я в быту, хорошие ли отношения с женой и прочим. Как я потом понял, это связано с выдачей разрешения на ношение газового пистолета. Сначала я даже обиделся: неужели же меня недостаточно изучили за все годы моей работы? А потом подумал — нет, всё правильно: на работе человек может быть трижды хорош, а в семье — суший дьявол. И наоборот. Хотя подобное всё же бывает редко.

Оказалось, проверяли не только меня...

Глава администрации Д. К. Ахметов побывал в успешном колхозе имени Панфилова. Даём об этом заметку. Оказывается, жив-здоров знаменитый скотник А. Рудько, опыт которого рекомендовал распространять по всей стране Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв. Уже и партии не стало, и капитализм на носу, а у Рудько каждый бычок как прибавлял в сутки по килограмму, так и теперь прибавляет. Так, может, не только в социализме-капитализме дело?..

Председатель колхоза М. Т. Остапенко хвалился высокой зарплатой колхозников: у доярок — 75 тысяч рублей в месяц, у механизаторов — 100 тысяч. Или Михаил Трофимович прихвастнул, или в пресс-службе главы администрации что-то напутали... У отдельных доярок и отдельных механизаторов, может, будет такая зарплата, а вот в среднем, как пишут в присланном нам пресс-службой тексте, наверняка нет...

Однако же надо послать кого-нибудь к Остапенко (он хороший председатель, хотя и слегка забронзовевший), пусть поделится опытом, как ему удаётся миновать рыночные ухабы и мели, от которых стонет всё село.

Покончил с собой бард Михаил Безуглов. Говорят, пытался заниматься бизнесом, кому-то задолжал, не смог вовремя рассчитаться.

Перед смертью предложил одной из газет свою поэму "Критическая масса", где есть и такие строки: "Меня потеряло время..."

7 июня

Понедельник. Какой-то непривычно тихий... Как-то даже не по себе...

Созванное Б. Н. Ельциным конституционное совещание ознаменовалось очередным скандалом. Сразу после доклада президента слово попросил его "штатный" оппонент — председатель Верховного Совета. Поскольку это не было предусмотрено регламентом, слова ему не дали, и два высших должностных лица России препирались, стоя не только перед залом, но и перед телекамерами, которые транслировали этот словесный базар едва ли не на весь мир. В итоге

Р. И. Хасбулатов слово получил, но говорить ему всё равно не дали — “захлопали”. Он в ответ заявил: раз вы не хотите выслушать председателя Верховного Совета, то не имеете права не только что-то решать, но и обсуждать — тоже. И ушёл, а вместе с ним — и председатели: конституционной комиссии Румянцев, конституционного суда Зорькин и часть депутатов Верховного Совета. Теперь все опять перепираются, обвиняя друг друга уже на телеэкранах.

Ходил в субботу по магазинам. Холодильник “Саратов” (когда-то один из самых непрестижных, да и теперь, наверное, такой) стоит 171 тысячу рублей. А я корреспондентам установил оклады по 35 тысяч и всё удивляюсь, не слыша от них благодарности. Им же, чтобы купить этот несчастный “Саратов”, надо пять месяцев не есть-не пить, а только денежки копить — до копейки... А он к тому времени подорожает ещё на треть, если не наполовину.

Обедал с “новыми” русскими и казахами. Так стали называть людей, уже преуспевших в жизни. Происходило это в кафе с оригинальным интерьером, небольшим общим залом и уютными кабинками за занавесками. Одна из полукомнат оборудована в казахском стиле, под юрту. Там мы и обедали. Мы — это хозяин заведения, мой давний знакомый ещё по Железинке (он там преподавал в школе), Виктор Егерь и его знакомые-приятели. Компания весьма экзотическая. Один только что из Москвы, недавно ограбили его магазин — “всего” на шесть миллионов рублей, “всего” — потому что соседний обобрали на 23 миллиона. Другой вернулся из США, у него украли две тысячи долларов, которые он называет “баксами”. Двое других — “деловые” и помогают последнему “решать вопросы” с Россией. Меня никто из них не стеснялся — Виктор сказал, что я свой, хотя на самом деле я им всем, за исключением разве него, как раз был чужой.

Рассказывали ещё про одного знакомого, у которого хотели угнать “Мерседес”. Но сработало противоугонное устройство, блокирующее сразу все четыре колеса. И тогда, чтобы досадить владельцу, незадачливые угонщики залили салон иномарки машинным маслом.

Во время обеда всё было довольно просто: нас уже ждал накрытый стол с холодными закусками — свежие овощи (огурцы и помидоры), салаты из свежей капусты и свёклы, острая морковь с мясом, солёные грузди, мясные деликатесы, холодная курица. На первое принесли отменные щи из свежей капусты, на второе — поджарку и лангет (на выбор). Пили чай со сгущённым молоком, а на десерт ели свежие фрукты и ягоды — черешню, вишню, персики (всё это доставляется два раза в неделю из Ташкента пассажирским самолётом). Спиртного они в обед не пьют, пояснил Виктор, и вообще пьют мало. Я бы, пожалуй, выпил, но мне не предложили, а просить я не стал — постеснялся.

Разумеется, никто за обед не платил — такие у них отношения. Я не платил тоже, но спросил у Виктора — во что обходится такой обед? Оказалось, тысяч пять-шесть. Так что моей редакторской зарплаты на ежедневные обеды здесь явно не хватило бы.

А заведение это весьма популярно у павлодарской элиты. В этот раз я встретил тут директора нефтеперерабатывающего завода с делегацией японцев. Случайных людей, “просто посетителей”, пояснил мне хозяин, тут, как правило, не бывает; и хотя кафе не приносит ему значительной прибыли, зато поддерживает его статус в сфере деловых людей, бывшей и нынешней городской элиты. Он собирается расширить заведение — построить рядом небольшой ресторан,

гостиницу на несколько номеров с сауной и бассейном. Проблема рэкета его не волнует, поскольку круг его общения обеспечивает ему и защиту от нежелательных посягательств. Вообще тут течёт совсем другая жизнь, о которой мы не имеем никакого представления.

Хочу сделать беседу с Виктором для газеты. Он хоть и не рвётся, но и не отказывается.

8 июня

Узнал из нашей газеты, что в 1940-1941 годах в нашу область было депортировано от восьми до одиннадцати тысяч поляков. Много их попало в Майкаин, Качирский район... Были депортированные поляки и в Железинском районе — в сёлах нынешнего совхоза “Прииртышский”, о чём я не подозревал.

Кого только в Казахстан ни ссылали... В царское время — революционеров и прочих “неблагонадёжных”, потом — немцев, кавказцев... Были ещё греки... В совхозе “Урлютюбский” жило несколько греческих семей, которые так и не приняли советского гражданства... С одним из греков мы в начале семидесятых годов защищали честь Железинского района на областных соревнованиях по настольному теннису. Нас не хотели селить в гостиницу, и мы послали вперёд грека: “Иди, ты иностранец, пусть попробуют отказать!”. Поселили — и нас заодно. Думаю, не потому, что испугались, просто удивились: не каждый день к ним в гостиницу приходят люди с греческими паспортами.

Непальский гороскоп вновь сулит мне служебные неприятности и советует 12 июня уклониться от поездки на пляж. Неприятности на работе у меня и так каждый день, а что до пляжа, то ехать мне на него незачем — он под окнами моего дома.

10 июня

“Черноярка” опять зашивается с прополкой овощей. Помогать ей по предписанию городских властей будут предприятия. Так, за алюминиевым заводом закреплено сто гектаров овощей, которые заводчане будут летом полоть, а в сентябре — убирать. Заводской десант в сто человек ежедневно отправляется на черноярские поля.

Жуткая волна самоубийств на прошлой неделе: в Павлодаре, Павлодарском, Актогайском, Щербактинском, Баянаульском, Качирском районах...

11 июня

Разбирательство в облсуде нашей тяжбы с территориальным комитетом по госимуществу закончилось вничью. Суд отказал “гражданину Гетману” в его иске к газете, в том числе и материальном, но оставил в силе своё решение о согласовании с теркомом текста нашего опровержения.

Закончилась подписка. Набрали более 60 тысяч подписчиков, 94 процента к нынешнему уровню. Могли бы набрать и больше, но нет смысла — экономически невыгодно. Есть запас бумаги на второе полугодие. Должны получить от подписки 27 миллионов рублей. Остаётся перевести их в Россию — поставщикам бумаги. Просил помочь нам в этом деле главного угольного “генерала” В.В. Каландаришвили — у него в России есть филиалы банков и потребители угля. Вроде пообещал, но полной уверенности нет: у него таких просителей, как мы, пруд пруди...

17 июня

Павлодарские дачники, уставшие от бесплодных обращений в милицию и к властям, берут дело сохранения дач и урожаев в собственные руки — создают дружины и по очереди круглосуточно несут вахту в садоводствах. Пока их немного, но, говорят, дачные воришки там сразу поутихли.

19 июня

Заседание коллегии обладминистрации... Фантастические цифры, не укладывающиеся в голову: республиканские партнёры задолжали нашим предприятиям 58 миллиардов рублей, российские — более 31 миллиарда, наши должны своим казахстанским поставщикам 55 миллиардов, а российским — около 18 миллиардов. Общий счёт как будто в нашу пользу, но что толку? Прежнее преимущество области — насыщенность её гигантами индустрии — становится главным недостатком: наши предприятия связаны взаимными обязательствами со своими партнёрами в Казахстане и в России, поэтому решение проблемы платежей не в наших, а в алма-атинских и московских правительственных кабинетах.

Долг по зарплате вырос до 15,6 миллиарда рублей, и улучшения в ближайшее время тут не предвидится, вернее всего, станет ещё хуже. Оптовые цены в торговле по сравнению с маем прошлого года выросли в 25 раз. Падает производство электроэнергии, угля, ферросплавов, нефтепродуктов, стройматериалов.

Д. К. Ахметов на заседании строжился, требовал мер, адекватных складывающейся ситуации. А я читал в глазах чиновников растерянность и уныние...

Президент Украины Л. М. Кравчук образовал чрезвычайный комитет Кабинета министров по управлению экономикой страны, которая трещит по швам. А в это время в Донецке бастуют тысячи рабочих предприятий, требующие к себе президента и главу правительства. Бастующие десятые сутки не покидают центральную площадь города.

Бейбут Байдилов рассказывает в “ЗП” подробности необычного уголовного дела... Уличив мужа в неверности, жена, обнаружившая его в шифоньере у любовницы, дома его напоила, а затем отчекрыжила ему “хозяйство” по самый корень. Сделала она это большим ножом для резки овощей, предусмотрительно обработав перекисью водорода оружие мести и “достоинство” спящего мужа. Затем прикрыла место операции вафельным полотенцем и, взяв на руки грудного внука (больше дома никого не было), пошла к соседям вызывать “скорую”. А когда мужа увезли, сожгла в печке вещественные доказательства: отрезанную часть того, что ещё недавно было предметом мужниной гордости, и окровавленное полотенце.

В милиции она запиралась недолго... На суде плакала: “Только не надо меня в тюрьму”. Муж даже пытался её защищать: “Она любит людей, простите её...”.

Приговор — три года колонии общего режима... В последнем слове она говорила, что боролась за своё счастье. Муж обещал ждать её... Что тоже понятно: кому теперь такой калека нужен?

Продолжение следует.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

Крылатый сын аула Курголь

В небе над Берлином

На завершающем этапе Великой Отечественной войны громадное духовное значение для наших народов имела битва за Берлин. Те майские дни 1945 года особенно запомнились прославленному лётчику, полковнику в отставке Байзулле Акижанову.

Бой не затихал. Байзулла размышлял над словами командира полка, Героя Советского Союза гвардии полковника Петра Федотова, сказанные перед вылетом: “Война войной, но берегите как свой экипаж, так и боевых товарищей, время отсчитывает последние дни, часы, вот-вот конец кошмарам фашизма, а вам и после победы хватит дел...”. То же самое сказал его заместитель, Герой Советского Союза гвардии капитан Николай Кочмарёв, лишь добавив: “Запомните, штурм Берлина — это историческое событие, многие фронтовики мечтали о победных днях, но героически погибли в боях. Пройдут годы, а вы, как очевидцы, встречаясь с молодёжью, будете рассказывать о том, как достигли самого сердца зловещего фашистского рейха”.

Пролетая на штурмовике “Ил-2”, — а эти боевые машины называли “летающими танками”, — над зданиями Берлина, командир экипажа гвардии младший лейтенант Акижанов издали заметил рейхстаг, несмотря на то, что над столицей фашистской Германии небо отсвечивало заревами пожаров. “Вот оно, то самое логово фашизма, зло, откуда исходила война”, — эти слова сами по себе вырвались из уст лётчика.

Ещё в начале войны, обучаясь в первой Чкаловской военно-авиационной школе пилотов имени К. Е. Ворошилова, он мечтал бомбить гитлеровское гнездо. Кстати, выпускником данной школы был Герой Советского

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

— кадровый военный, полковник запаса. Окончил факультет военной журналистики Львовского высшего военного училища, редакторское отделение Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Служил на Тихоокеанском флоте, в Среднеазиатском военном округе, в Группе советских войск в Германии.

В течение ряда лет был главным редактором газеты “Казахстан сарбазы” — “Воин Казахстана”, семь лет возглавлял пресс-службу Министерства

обороны РК, одновременно являлся пресс-секретарём министра обороны.

В своё время регулярно публиковался в газетах “Правда”, “Комсомольская правда”, “Красная звезда”, “Лениншил жас”, в журналах “Советский

воин”, “Знаменосец”, “Мадениет жане турмыс”, “Простор”.

И сегодня С. Жагипаров выступает в различных периодических изданиях, в том числе в газетах “Егемен Казахстан” и “Казахстанская правда”. Автор книги “Звёзды не гаснут”.

Постоянный атор “Нивы”.

Байзулла Акижанов — курсант Чкаловской школы пилотов, сентябрь 1941 года.

Союза Нуркен Абдиров, а третью Чкаловскую школу пилотов окончил дважды Герой Советского Союза Талгат Бегельдинов. И Акижанов гордился земляками, прославленными лётчиками, стремился быть похожим на них. Не думал только о том, что бой будет таким жарким, а его штурмовик окажется в самом пекле.

Группа “мессеров” с крестами на фюзеляжах взяла самолёт Акижанова в клещи. Огненные трассы мелькали то справа, то слева. Не переставая, били и зенитки. Одна огненно-зелёная струя полоснула так близко, что он невольно отпрянул к спинке сиденья и непроизвольно отдал от себя ручку управления штурмовиком. Самолёт резко “клюнул”, и в ту же секунду гирлянда красных шариков прокатилась над головой. Посмотрев влево, он вдруг содрогнулся, увидев, как несколько трасс “эрликона” брали в кольцо самолёт гвардии старшего лейтенанта Василия Пономарёва, ведущего группы. Невольно подумалось: “Неужели

собьют командира авиаэскадрильи, опытного лётчика, прошедшего с боями от стен Сталинграда до Берлина? Нет, не выйдет, Василий не из таких пилотов, кто проигрывал дуэль с противником”.

Так и вышло, Пономарёв, искусно маневрируя, вывел группу штурмовиков из зоны интенсивного огня. Сосредоточившись, Байзулла принял решение оторваться от фашистских стервятников и, снизившись, не только сбросить бомбы на скопление вражеской техники, но и сфотографировать цели. Такова была задача командования. Вдруг в наушниках услышал встревоженный голос своего воздушного стрелка Алексея Жилякова: “Командир, снаряд попал в стабилизатор”.

— Ничего, Алексей, не паникуй, держись! Будем атаковать “мессеров”.

Акижанов, вводя машину в пикирование, чётко доложил: “Гром”, я — “Кацо”, атакую!”.

Атаковал внезапно, как его учили командиры. В частности, всегда помнил наставления командира звена Ивана Сырова, который не раз говорил: “Кацо, (позывной Байзуллы), будь уверен в себе, не показывай фрицу, что за штурвалом — молодой лётчик. Атакуй его нахально, дерзко, тогда он подумает о тебе — летит “волк”. А при атаке цели пикируй покруче, тогда бомбы будут ложиться там, где надо”.

Вновь раздался голос Алексея: “Командир, снаряд угодил в фюзеляж”.

— Вижу, — машинально ответил командир, хотя этого и не видел.

Действовал лётчик смело, хладнокровно, без суеты. Плавно вывел самолёт из пикирования, включил фотоаппарат для съёмки цели. Отбомбившись, вместе с группой советских штурмовиков взял курс на свой аэродром.

Старший группы Василий Пономарёв повёл восьмёрку штурмовиков буквально “по крышам” домов столицы Германии. На некоторых из них стояли зенитные установки “эрликонов”, крупнокалиберных зенитных пулемётов. Когда лели на курс 90 градусов, группа неожиданно выскочила на фашистский аэродром. Там к взлёту готовились “Me-110”.

Акижанов командовал своему стрелку открыть огонь по фашистским самолётам. Застрочил пулемёт Жилиякова, бесперерывно, как швейная машинка.

Едва штурмовик приземлился на своём аэродроме, тут же подбежали техники, механики, мотористы со словами радости: “С возвращением! А то, что машина получила пробоины, не волнуйтесь, залатаем мигом”. Действительно, члены экипажа Г. Трушковский, В. Вагин, Н. Шипицын быстро подготовили самолёт к очередному вылету. Акижанов, как и ранее, поблагодарил свой экипаж за мастерство, инициативу.

Подчинённые ценили и уважали своего командира прежде всего за его человечность и профессионализм. Байзулла всегда находил для них доброе слово, мог и пошутить, дать дельный совет. Ещё проходя учёбу в Чкаловской военно-авиационной школе пилотов, он выделялся требовательностью, принципиальностью, отзывчивостью, подчёркнутой, словно врождённой, выправкой, подтянутостью. Они верили, что их командир смел и разумен. Знали и то, что он с характером, не терпит фальши, заискивания перед начальниками, уважает прямоту. Главное, не даёт в обиду своих подчинённых, не раз защищал их от несправедливых упреков. Был такой эпизод в жизни Акижанова, когда приказом командира дивизии наградили самых лучших лётчиков и механиков ценными подарками — часами “Победа”. Так получилось, что мастера своего дела, отличного механика эскадрильи старшего сержанта Илью Ерина обошли. Обиделся командир за несправедливость начальников. В тот же день в присутствии сержантов Байзулла Акижанов вручил свои часы “Победа” подчинённому, сказав: “Илья, носи на здоровье эти часы, лётчик и механик — единое целое, ты заслужил своим трудолюбием, вспоминай нашу совместную службу”. Но Акижанов тогда получил выговор от командира полка за то, что пренебрежительно отнёсся к поощрению командира дивизии. К тому же, командир полка потребовал забрать часы у подчинённого, но Байзулла проигнорировал это, высказав свою точку зрения. Соглашаясь с поступком молодого офицера, некоторые всё же по-дружески советовали: “Байзулла, будь впредь дипломатичнее с начальниками, не любят они твою открытость и прямоту. Живи, служи, следуя пословице: “Ласковое теляти двух маток сосёт”, тогда избежишь всякого рода проблем”.

Затем, может, впервые за последние недели, он ощутил, что сердце отпускают колючие “пружины”. Позже, на одной из встреч ветеранов, бывший механик Илья Фёдорович, увидев Акижанова, просиял, заулыбался и показал те часы, сказав: “Товарищ командир, я их надеваю только по праздникам. Это самый дорогой подарок и память о Вас. Тогда многие механики с завистью говорили, что повезло тебе с командиром, береги его, он — самый справедливый, принципиальный, заботливый...”.

Что и говорить, такая память многого сто́ит, ещё раз подтверждает истинность народной поговорки: “Дорог не подарок, а внимание”.

... В те дни бои не прекращались. Акижанову приходилось участвовать и в освобождении Праги от фашистских захватчиков.

Конечно же, до сих пор он помнит тот весенний победный день. Ликованию не было предела. А пленные гитлеровцы, сторбившись, оборванные, обречённые, со злостью смотрели на то, как советские воины со слезами на глазах поздравляют друг друга, обнимаются, салютуют, производя выстрелы из различных видов оружия. Всё небо было расчерчено

**Байзулла Акижанов,
г. Градец-Кралов
(Чехословакия), 1945 год.**

**После боевого вылета
на Берлин Б. Акижанов
с воздушным стрелком
Гумером Вильдановым,
апрель 1945 года.**

трассами пуль, ракетами. Акижанов, достав свой пистолет “ТТ”, нажал на спусковой крючок. С боевыми товарищами он оставил автограф у поверженного рейхстага, написав крупными буквами: “Мы, лётчики-штурмовики 2-й воздушной армии: Василий Пономарёв, Алексей Кривонос, Владимир Моисеев, Иван Сыров, Михаил Шахматов, Василий Лаврентьев, Георгий Холмушин, Байзулла Акижанов штурмовали Берлин, 4 мая 1945 года”.

Перед глазами у Байзуллы Акижановича и по сегодняшний день стоит тот незнакомый пожилой солдат, который, увидев у рейхстага молодых лётчиков, подошёл к ним и, не выдержав, стал обнимать их со словами: “Сынки мои, прошу, помяните и выпейте за моего брата Фёдора, погибшего в 1943 году под Курском. Фёдор-то, брательник мой, был лётчиком ещё в финскую кампанию, заслужил орден Красного Знамени”. И невольно по щекам у него потекли слёзы скорби и радости. Байзулла как мог успокаивал солдата, но у него самого комок в горле, дыхание перехватило, нахлынули воспоминания о боевых друзьях, о родном брате Ныгмете, погибших в тяжёлых сражениях с фашистами. Дрогнуло сердце и за другого брата Зейнуллу, ушедшего на фронт в начале войны, переживал: “Жив или не жив?”.

Что же за строкой лётных книжек?

Байзулла Акижанович действительно из тех, о которых принято говорить: человек-легенда, лётчик от Бога. За всю пятидесятилетнюю лётную карьеру не допустил ни жертв людей, ни поломок авиатехники.

Судьба его сродни с историей становления и развития Военно-Воздушных Сил бывшего Советского Союза. На самолётах различных типов он не только облетал всю

Страну Советов, но и проложил международные воздушные трассы из Москвы на Варшаву, Берлин, Вену, Женеву ... и обратно.

Как одному из лучших военных пилотов, ему было оказано высокое доверие проходить службу в элитном экипаже самолёта Главнокомандующего Военно-Воздушными Силами, дважды Героя Советского Союза, Главного Маршала авиации Александра Новикова. С Новиковым он летал по всей стране, где базировались части.

У фронтовика до сих пор сохранились лётные книжки. На их пожелтевших страницах своего рода биография, летопись лётной жизни — пилота штурмовой, военно-транспортной, дальней, военно-морской авиации. Да, за ними — частица его службы, учёбы на Высших курсах офицеров дальней авиации, кропотливой работы по освоению многих модификаций авиамашин, начиная с “У-2” и завершая грозными “Тушками”. А совершать полёты приходилось, проходя службу в различных гарнизонах, включая дальневосточный регион, переезжая с семьёй из одного места в другое, меняя и климатические условия. А освоил он десять крылатых машин. Немало сил Акижанов вложил, осваивая “Ту-4”, “Ту-16” с применением крылатых ракет, обучая лётный состав. Будучи лётчиком дальней и морской авиации, не раз поднимал в небо самолёты “Ту-4к”, “Ту-16к”, (с подвешенными ракетами), производя практические пуски по условным целям. Но было и другое. Были и потери боевых друзей.

Кому-кому, но авиаторам хорошо известно, что любой полёт связан с риском. Например, Байзулла Акижанович очень уважал своего однополчанина, Героя Советского Союза Алексея Кривоноса, человека скромного, незаурядного, рассудительного, лётчика-профессионала, своего рода фаната, который в жестоких боях с фашистами был неудержим, одерживая победы, а вот в послевоенное время погиб при исполнении служебных обязанностей. Душевную боль испытывал он и тогда, когда на глазах погиб молодой лётчик лейтенант Аркадий Карпов. Получив разрешение на самостоятельный вылет, пилот, выполняя очередную задачу в зоне пилотажа, сорвался в штопор, — и в один миг Аркадий ушёл в мир иной.

Акижанову на всю жизнь запомнился день 14 сентября 1946 года, когда из-за внезапного отказа мотора самолёта “По-2” пришлось принимать мгновенное решение: сажать авиамашину прямо на лес, уводя её от городской черты. Это был настоящий риск, который позволил обезопасить жизни тысяч людей города Ярославля. Не зря гласит народная мудрость: “Беда приходит, когда её не ждёшь”. В одном из учебных полётов пилот не думал, что могут отказать шасси и придётся в таких же экстремальных условиях сажать самолёт на фюзеляж. Возникали и другие ситуации, когда жизнь висела, как говорится, на волоске. Приходилось ему учиться на своих и чужих ошибках. Любовь к профессии заставляла совершенствоваться в своих знаниях, мастерстве, искать, творить, используя новые возможности боевой техники.

Где бы он ни проходил службу, нёс её исправно. Свидетельство тому — многочисленные поощрения от руководства Министерства обороны, Военно-Воздушными Силами, командования 2-й воздушной армии, 5-й гвардейской Запорожской Краснознамённой ордена Суворова штурмовой авиационной дивизии, 95-го гвардейского Рава-Русского Краснознамённого штурмового авиационного полка и др.

У него самый большой показатель по налёту часов. А это — своеобразное мерило того богатого опыта, который он передал молодому поколению авиаторов. Даже завершив службу в Вооружённых Силах, окончив Алма-тинский институт народного хозяйства, работая заместителем начальника управления Казнабпроса Министерства просвещения Казахской ССР, грезил авиацией. Казалось бы, все уважают и ценят Байзуллу Акижанова в новом ведомстве, и работа, как говорится, не пыльная, заработок хороший, семья рядом, что надо? Но такая тихая, размеренная жизнь,

рутина не устраивали ветерана-авиатора, он добился того, чтобы вновь вернуться в свою родную стихию.

Как вспоминает сам полковник в отставке, в лётной работе не раз случались ситуации, когда спокойствие и хладнокровие пилота вкупе с грамотными действиями спасали людей и технику. За мужество и героизм Акижанов награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”, удостоен казахстанских орденов “Парасат” и “Курмет”.

По стопам ветерана пошли его племянники Сатпай, Талгат, тоже лётчики.

Что ни говори, таким, как Байзулла Акижанов, досталась нелёгкая доля — непомерно тяжёлый груз лег на плечи: сначала защищать Отчизну, потом поднимать её из руин. И какими они были тогда, те едва достигшие восемнадцати лет парни, можно сказать, ещё мальчишки? И какие они сегодня, почти девяностолетние, шеренги которых тают как весенний снег? Известный писатель Константин Симонов однажды сказал: “Эти люди вправе рассказывать о войне от имени всех солдат, своим горбом добывших победу и не дошедших до неё. Награждённых и не награждённых, живых и мёртвых...”.

Б. Акижанов от имени ветеранов выражает слова искренней благодарности Нурсултану Назарбаеву за заботу о них.

Байзуллу: “Куда спешить в такую рань?” — тот пояснял: “Да не волнуйся, нужно человеку помочь”. И так всегда. Одному справедливой пенсии добивался, другому “выбивал” жильё, третьему путёвку в санаторий. Отстаивая

“Как летали, так и летайте...”

С Байзуллой Акижановичем мне не раз приходилось встречаться. Немало добрых слов слышал о нём от других людей. “Настоящий полковник, боевой лётчик, отзывчивый, принципиальный. Как член Центрального совета ветеранов Республики Казахстан, председатель комиссии по увековечению памяти защитников Родины при Совете ветеранов войны города Алматы, не только отстаивает интересы фронтовиков, тружеников тыла на любом уровне, но и добивается поставленной цели...”, — таковы были отзывы многих.

Насколько знаю, фронтовик всегда требователен, в первую очередь к себе, спрашивает себя же, всё ли сделал, чтобы другим жизнь была в радость. После войны единственной “привилегией” считал помогать людям. Особенно таким, как он сам, ветеранам. Даже неизвестным. Когда супруга спрашивала

права солдат Великой Отечественной, не раз чиновникам доказывал, что долг, честь, любовь к Родине — девальвации не подлежат. Какое бы ни было время.

Помнится, на какое-то мгновение мой собеседник задумался о чём-то своём, затем произнёс:

“Война — это не только смерть, но и жизнь. Жить я могу как лётчик, патриот. Размышляя о тех суровых испытаниях, всегда прихожу к выводу, что особенно на войне, в открытом бою с врагом и рождается у человека самая сильная любовь к Отчизне. “Основа мужества, — подчёркивал Баурджан Момыш-улы, — гордость... она порождает отвагу. Негордый отважным быть не может.. Все народы способны на великое и прекрасное”. Однако ныне по этому поводу можно услышать несусветное. Есть немало таких, которые пытаются исказить, затушевать святое чувство, называя пережитками советской эпохи. А ведь содержимое патриотизма напрямую связано с понятиями Родины, чести, долга, гордости, отваги. Меня удивляет и оскорбляет то, что в некоторых суверенных республиках нынче быстро забыли о тех, кто их освобождал, спасая от чумы фашизма. Иначе как понимать, когда на Украине вчерашних врагов, того же Бандеру, возводят в ранг героя. Или ко дню очередной годовщины Великой Победы эстонские власти бросили вызов здравому смыслу, решив поглумиться над памятью павших в боях советских солдат. День освобождения Таллина от фашизма был объявлен “днём траура”. Назвать это можно попыткой перевернуть исторически утвердившиеся истины с ног на голову. Конечно же, такого рода манипуляторам, клеветникам надо давать бой, нельзя молчать, особенно сейчас, в период подготовки к 65-летию Великой Победы. Прежде всего своё веское слово, используя возможности средств массовой информации, должны сказать вчерашние победители, представители ветеранских, общественных организаций, учёные, историки и т. п.”.

И вот новая встреча с Байзуллой Акижановым в алматинской квартире. Несмотря на возраст — в прошлом году он отметил своё восьмидесятипятилетие — выглядит ветеран так же молодо, высокий, стройный. Вначале отнекивался, не хотел снова углубляться в прошлое, мол, о войне написано немало книг, в том числе в его воспоминаниях “На крутых виражах судьбы — о друзьях и товарищах”. А потом разговорился.

Переступая порог Чкаловской военно-авиационной школы, паренёк из далёкого аула Курголь Павлодарской области не думал, что судьба в целом будет благосклонна к нему. Он с детства мечтал стать пилотом. Ходил в военкомат не раз и не два, чтобы добиться направления на учёбу в авиашколу. Ему вежливо отвечали: “Ещё рано, подрасти, учись, готовься”. Однако благодаря настойчивости, целеустремлённости достиг всего того, что задумал. И не родословная тому причиной. Отец Акижан Балгозаулы, мать Жаниха Садыккызы — простые сельские труженики, не могли чем-либо помочь. Уже позже, когда он удачно сдал все зачёты и выполнил в полном объёме задания учебных полётов, Байзуллу не хотели зачислять в школу. В автобиографии нашли казус, якобы брат Кабжан “враг народа”.

Нашлись добрые люди, в том числе начальник школы Николай Павлович Пальчиков, посветовавшие Байзулле написать письмо в Москву, Маршалу Советского Союза Клименту Ефремовичу Ворошилову, тем более школа носила его имя. Ответ был положительным: “... в следующий набор вы будете зачислены...”.

Да, время было такое, что повсюду выискивали “врагов народа”, перечёркивались многие людские судьбы. Впрочем, с братом Байзуллы, как “врагом народа”, связано ещё одно недоразумение. Акижанова в дивизии, где он служил, командование всегда считало перспективным лётчиком, неслучайно он принимал участие во всех воздушных парадах, проходивших в Москве в честь праздников, но в последнее время его фамилию ни с того ни с сего стали вычёркивать из списков. И он вынужден был по команде обратиться в то время к командующему военно-воздушными силами Московского военного округа генерал-лейтенанту Василию Сталину. Разумеется, Байзулла волновался, что ни говори, Василий — сын всемогущего вождя. Не думал и не гадал, что Василий Иосифович тепло примет его. Побеседовав, как говорится, с глазу на глаз, внимательно изучив личное дело и его рапорт, командующий коротко произнёс: “Спасибо за службу, старший лейтенант. Как летали, так и летайте. У вас всё в норме”. По итогам одного крупномасштабного учения за образцовое выполнение задания Василий Сталин объявил Акижанову благодарность.

Группа фронтовиков — на первом плане дважды Герой Советского Союза Т. Бегельдинов, Б. Акижанов, 9 мая 2005 года в Алматы.

Листая фотоальбом ветерана, обнаруживаю десятки фотографий самых близких родственников, командиров, боевых друзей. Все снимки аккуратно наклеены, некоторые вставлены в специальные крепления. Так уж устроен человек, что ему иногда необходимо окунуться в атмосферу прожитых лет. И фотографии позволяют перенестись в прошлое, освежить память.

“С годами тяжелее вспоминать войну, боевых друзей, — признаётся ветеран, — которые, по словам Расула Гамзатова, “превратились в белых журавлей”, во сне ко мне прилетают, я голоса их слышу. Гул самолётов, словно стоит треск в ушах: “Кацо, прикрой, меня атакуют “мессеры”. Сижу в полночь, раздумываю и опять то, что было со мною, перед глазами. Всплывают светлые образы командиров авиационных дивизий: Леонида Коломейцева, Виктора Филиппова, полков: Петра Федотова, Ивана Баборькина, эскадрильи

штурмовиков: Алексея Кривоноса, Льва Шакирбая, Василия Киселёва, Алексея Жукова и других. Они были настоящими командирами, со временем многие из них стали близкими друзьями. Не зря в нашем народе говорят: “Когда друзей много, становится шире дорога”. О таких людях можно часами рассказывать с восхищением. Их мы уважали за мужество и красоту духа, за истинную преданность профессии лётчика, любовь к небу.

Любили мы и свою боевую технику, — продолжает фронтовик. — В последнее время некоторые издания считают “хорошим тоном” говорить о недостатках техники времён Великой Отечественной войны. Не обошли они стороной легендарный штурмовик “Ил-2”, прозванным фашистами “чёрной смертью”, якобы у него была плохая манёвренность, он был незащищён перед фашистскими стервятниками. У нас, фронтовиков, на сей счёт своё мнение. Помнится разговор с одним героем. Он, вспоминая, привёл один такой яркий эпизод, который произошёл с лётчиком Рыхлиным. В одном из боёв штурмовик лейтенанта Рыхлина получил повреждение. Экипаж возвращался на свой аэродром. Четыре “Мессершмитта”, считав советский “Ил-2” лёгкой добычей и зная силу его лобового огня, атаковали с задней полусферы. Высокие скоростные характеристики “Me-109” сыграли с фашистскими лётчиками злую шутку. Для уравнивания скорости с “ковыляющим” советским штурмовиком пара “мессеров” выпустила шасси. Получив доклад об этом от воздушного стрелка, Рыхлин резко развернул самолёт в сторону противника и сам ринулся в атаку. Два вражеских истребителя, распоротые пушечным огнём, рухнули с небес. Ещё два подбил стрелок штурмовика Иван Ефременко. Остаётся лишь добавить, что это был всего второй боевой вылет в жизни молодого лётчика. Так что техника сильна тогда, когда ею умеют управлять мастерами”.

Сегодня Байзулла Акижанович щедро делится своим богатым опытом с молодёжью, которую “ставят на крыло”. Как признаётся ветеран, только в учениках может бесконечно повторяться его счастливая и беспокойная судьба лётчика. И что лучше учиться на чужих ошибках и опыте.

По мнению Акижанова, самое главное для пилота — иметь трезвый ум, уверенность в себе, не бояться ничего, действовать нешаблонно. Ведь в бою возникают различные ситуации, но во многом внезапность определяет успех.

“Когда бомбили Берлин, — вспоминает ветеран, — то ведущий группы, упреждая любой манёвр “Мессершмиттов”, атаковал с ходу. Это нам придавало силы, чтобы быть смелыми, дерзкими. Но и гитлеровские лётчики действовали с хитрецей. Они нападали на нас “из-за угла”, со стороны солнца, из-за облаков. Равного, открытого боя избегали. Мы же, советские лётчики, были воспитаны так, что если фашистский самолёт атакует наш бомбардировщик, то делали всё для того, чтобы спасти его любой ценой. Учились изо дня в день совершенствовать свою тактику, думали, творили, находили новые приёмы борьбы. Ведь тактика воздушных боёв не есть что-то застывшее, данное раз и навсегда. Она изменяется, совершенствуется”.

Обо всём этом прославленный авиатор рассказывает при встречах с молодыми лётчиками. Надо отдать должное Байзулле Акижановичу, куда бы его ни приглашали, никогда не отказывает.

Да, нынешнему поколению, в том числе защитникам Родины, есть чему учиться у таких ветеранов. Сколько их осталось — победителей той войны? И о скольких из них не рассказано, не написано? А ведь эти люди заслужили и заслуживают добрых слов.

К 100-летию Павла Васильева
Ольга ГРИГОРЬЕВА

Это было в тридцатых...

(Об одном из имён
в литературном окружении Павла Васильева)

Автор “Золотого Плёса”

Не так много свидетельств осталось о такой яркой, но короткой жизни Павла Васильева, поэтому интересен нам каждый человек, кто так или иначе общался с поэтом, знал его. Судьба любого писателя, жившего в одно время с Павлом, — это и штрихи биографии Васильева. Время было одно на всех, и оно не щадило никого...

Совсем недавно (к сожалению) узнала я о замечательном русском прозаике Николае Смирнове. Когда читаешь книги таких, полузабытых сейчас, писателей, невольно думаешь о том, как же богата русская литература! Ведь в любом западноевропейском государстве писатель такого уровня был бы

широко известен и почитаем, а возможно, считался бы и национальным героем! Какой талант, какие замечательные книги, какой прекрасный русский язык! Но в нашей словесности столько талантов, что пьедесталов на всех не хватает, и широкий читатель, увы, не знает многие достойные имена. Тем более, если они вычёркивались из литературы в период репрессий.

Николай Павлович Смирнов (1898—1978) родился в городе Плесе на Волге. Предки его были крепостными крестьянами. В 1917 году окончил реальное училище в Кинешме. С 1918 года работал секретарём редакции газеты “Рабочий и крестьянин”, в 1920 году стал её редактором. В это же время в местных изданиях печатаются его очерки и фельетоны под псевдонимом (он начал печататься с шестнадцати лет). С 1922 года Н. Смирнов работает в газете “Известия”, в 1926 году переходит в новый “толстый” литературный журнал “Новый мир” (основан в 1925 году). Он страстно любил природу и охоту, и его литературная деятельность неразрывно связана с этой тематикой. Он был “идейным отцом” и составителем нескольких замечательных охотничьих сборников. С 1934 года Н. Смирнов — член Союза советских писателей. В конце этого же года был репрессирован (статья 58-10 — за распространение контрреволюционной литературы), провёл четыре года в исправительно-трудовых лагерях — на лесоповале в Кемчуге (под Красноярском), затем — на Печоре. После освобождения жил в городе Александрове (100 км от Москвы).

**Две фотографии
Николая Смирнова
30-х годов —
из фондов
Плёсского музея-
заповедника.**

На 50-е годы прошлого века приходится расцвет литературной деятельности Николая Павловича — один за другим выходят сборники “Золотой плёс”, “Охотничьи времена года”, антология “Русская охота” и другие. В 2003 году силами сотрудников Плёсского историко-архитектурного и художественного

музея-заповедника был издан сборник его стихов “Поклон Плёсу” (издательство “Новая Ивановская газета”).

В 2008 году, к 110-летию писателя, в Иваново прекрасным подарочным изданием выпущена самая известная книга прозаика — “Золотой Плёс. Повествование о Левитане”, иллюстрации к ней сделал художник Валерий Берегов. Старший научный сотрудник Плёсского музея-заповедника А. А. Гайдамак в послесловии пишет: “Долгое время имя этого замечательного писателя, первого буниноведа, несравненного мастера слова было несправедливо вычеркнуто со страниц истории и литературы и почти забыто. В последние годы, благодаря научным исследованиям, к творчеству Николая Павловича проявляется всё больший интерес...”.

Повесть Н. Смирнова о великом художнике И. Левитане высоко ценили современники. Вдова И. А. Бунина Вера Николаевна Муромцева-Бунина, которая долго переписывалась со Смирновым, писала ему в 1959 году из Парижа: “Ваше описание Плёса меня восхитило, и я очень жалею, что я там не бывала. Я только побывала в нём, читая Вашу вещь. Всё вижу: и природу, и людей...”. С восхищением писал Н. Смирнову Д. С. Лихачёв: “...От души желаю Вам таких же книг, как “Золотой Плёс...” (1970 год).

Интересно, что в переписке Н. П. Смирнова был и адресат из Казахстана. В 60-е годы он переписывался с поэтом Юрием Борисовичем Софиевым, который жил тогда в Алма-Ате. Смирнов неоднократно публиковал стихи и очерки Софиева в “Охотничьих просторах”.

Встречи в “Лидочкином салоне”

В литературном окружении Николая Павловича Смирнова в 30-е годы двадцатого столетия одним из самых ярких имён было имя молодого поэта Павла Васильева. Связывал их, прежде всего, журнал “Новый мир”, где Н. П. Смирнов, как уже говорилось, работал с 1926 года.

Стихи Павла Васильева появляются в журналах “Новый мир” и “Красная новь” в 1929 году. Знаменательным для Васильева был 1933 год, это был пик его поэтической славы, заслуженного признания. В трёх номерах “Нового мира” за 1933 год (№ № 5, 9, 11) была напечатана его поэма “Соляной бунт”, его стихи публиковались тогда в центральных газетах и журналах, его имя было у всех на слуху. Хорошо известен отзыв Б. Пастернака о стихах Васильева того времени: “В начале тридцатых годов Павел Васильев производил на меня впечатление приблизительно того же порядка, как в своё время, раньше, при первом знакомстве с ними, Есенин и Маяковский...”.

Имя Бориса Пастернака — одна из связующих нитей в судьбах Николая Смирнова и Павла Васильева. Пастернак встречался с Н. Смирновым после освобождения Николая Павловича из лагеря в 1939 году. В 1955 году Смирнов рецензировал роман “Доктор Живаго”, между писателями была переписка.

О встрече Б. Пастернака и П. Васильева в редакции “Нового мира” написал в своих воспоминаниях Лев Озеров: “... В присутствии Бориса Пастернака происходило самое лучшее из чтений — неподготовленное, импровизированное... Но не случайность была во встрече талантов. Борис Пастернак откровенно ликовал, щедро приветствовал и каждую взрывчатую фразу сопровождал гудением...”. В “Новом мире”, по словам Л. Озерова, Павла Васильева “любили и обожали, прежде всего редактор

журнала Иван Гронский. Тогда в этой редакции можно было увидеть всех членов редколлегии и знатных авторов одновременно: работающих, советующихся, беседующих, дружелюбно встречающих... Павел Васильев в любую минуту мог прийти в редакцию, прочитать новые строки, посоветоваться". Как известно, Иван Гронский и Павел Васильев были родственниками, они были женаты на родных сёстрах (Павел женился на Елене Вяловой в 1932 году).

О встречах Павла Васильева и Николая Смирнова в редакции "Нового мира" мне не удалось найти письменных свидетельств, хотя, несомненно, поэты там виделись. Но где они встречались точно, так это в семье Лидии Сейфуллиной и Валериана Правдухина — "Лидочкином салоне", как шутя называли эту квартиру друзья.

Ефим Пермитин в своём очерке "Лидочкин салон", опубликованном в книге "Воспоминания о Павле Васильеве", описывает одну из встреч: *"Близкий друг хозяев, страстный охотник, лирический поэт в прозе, восторженный поклонник Бунина, Николай Смирнов переходил от одного писателя к другому и обычно заводил речь о новом произведении любимого своего писателя, прочесть которое он как-то ухитрялся раньше других"*.

Следующий абзац посвящается Михаилу Пришвину, и далее:

"Непринуждённой всех держался озорной, монгольски скуластый, с раскосыми, широко расставленными прекрасными синими глазами, пышноволосяй баловень женщин, прозванный друзьями "Ванька Ключник", поэт Павел Васильев".

"Павел Васильев". Картина павлодарского художника П. Г. Лысенко.

разведке" (1930) и "Люди в тайге" (1931), на его рассказы о Тубо-охотнике, написанные после путешествий по Сибири и Дальнему Востоку...

Имена Сейфуллиной и Правдухина мы встречаем в очерке Н. Смирнова "Новиков-Прибой. На мордовских озёрах" из цикла "Писатели и охота". Автор описывает, как ездившая иногда с ними на охоту Л. Н. Сейфуллина вносила в их беседы "нотки женственно-изящного юмора, создавая художественно охотничий "портрет" каждого из нас".

Сейфуллина и Правдухин (а, вполне возможно, и Н. Смирнов) были в числе тех, кому Павел Васильев читал свои скандальные стихи о Сталине.

Пермитин описывает, как великолепно читал Павел Васильев свою поэму "Лето"... О чём могли говорить на этих вечерах Смирнов и Васильев? К примеру, о Левитане. Жена Павла Елена Вялова-Васильева свидетельствует, что муж очень любил этого художника, особенно его полотна "У омута", "Тихая пристань" и "Над вечным покоем". Как не вспомнить о Плесе, родине Н. Смирнова, где Левитан написал лучшие свои картины!

Могли говорить и об охоте. "Страстный охотник" Николай Смирнов не мог не обратить внимание на очерковые книги П. Васильева "В золотой

По свидетельствам очевидцев, Осип Мандельштам, с которым Васильев познакомился у Сергея Клычкова в Нащокинском переулке в Москве, заливался высоким смешком, слушая, как Павел читает гексаметры: “Ныне, о муза, воспой Джугашвили, сукина сына. / Упорство осла и хитрость лисы совместил он умело. / Нарезавши тысячи тысяч петель, насилием к власти неразумный...”. “Когда через три года был арестован Мандельштам за стихотворение “Мы живём, под собою не чуя страны...”, следователь “вытрясал” из поэта поимённо каждого слушателя, ибо читалось всё это тайно, с предвидением никому ничего не передавать и не записывать. В случае с Васильевым в подобных стараниях не было никакой нужды, — отмечает Сергей Куняев в своей книге “Русский беркут”, — ибо кроме “сибиряков” экспромт “О, муза...” знало множество людей, которым Васильев читал его, практически не таясь, — Иван Приблудный, Иван Макаров, Артём Весёлый, Борис Пильняк, Андрей Платонов, Лидия Сейфуллина, Валериан Правдухин и ещё, может быть, десяток или два литераторов”.

“Порубочные остатки”

В марте 1932 года Павел Васильев был арестован первый раз, по делу так называемой “Сибирской бригады”, но в мае освобождён, приговор был условным.

В 1934 году, в один год с Николаем Смирновым, Васильева принимают в Союз советских писателей (с рекомендацией М. Горького). Н. Смирнова в конце года арестовывают. Павла на следующий год, в январе, исключают из Союза писателей, в августе он приговаривается к полутора годам лишения свободы “за бесчисленные хулиганства и дебоши”.

Тогда, в августе, П. Васильев пишет пронзительное стихотворение “Прощание с друзьями”, строки которого подходили скорее Николаю Смирнову, отправленному в Сибирь, а не автору, отбывающему срок в Рязани:

*... Не растут цветы в том дальнем, суровом краю,
Только сосны покачиваются на птичьих лапах.
На далёком, милом севере меня ждут,
Обходят дозором высокие ограды,
Зажигают огни, избы метут,
Собираются гостя дорогого встретить как надо...*

Читая “лагерные” стихотворения Васильева и Смирнова, поражаешься, как близки эти поэты не только трагическим мироощущением, сколько своей способностью, несмотря на самые страшные обстоятельства, видеть земную красоту и восхищаться ею!

В Кемчуге Николай Смирнов пишет 8 марта 1936 года:

*... Голубыми, лёгкими мехами
Светятся пушистые снега,
И, космато вея над снегами,
Завывает древняя тайга.*

*Семафор. Огнистый дальний поезд —
Уплывающий, лучистый прошлый мир.
Ни о чём не мыслю, успокоясь:
Годы.*

Одиночество.

Сибирь.

В это время, в марте 1936 года, благодаря хлопотам Ивана Гронского Павел Васильев освобождается из заключения.

Он ещё успеет опубликовать в “Новом мире” поэмы “Кулаки” и “Принц Фома”, в октябрьском номере журнала выйдет последняя прижизненная публикация его стихов. 6 февраля 1937 года Павел Васильев вновь был арестован. Последнее стихотворение поэта, написанное в феврале, во внутренней тюрьме Лубянки — “Снегири взлетают красногруды...” (оно дошло до нас благодаря тому, что его записал следователь И. И. Илюшенко, сам вскоре арестованный). Павел ещё надеется, что останется жив, он вновь, как и при втором аресте, готов ехать “на далёкий, милый север”:

*Снегири взлетают красногруды...
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчи изумруды
В нелюдимом северном краю...*

Имя Николая Смирнова Павел упомянет на допросе 19 февраля 1937 года в числе других литераторов. Следователь задаёт вопрос о “нелегальном собрании литераторов”. Павел отвечает: “В конце 1933 года меня встретил писатель Георгий Никифоров и пригласил меня к себе на квартиру. Прийдя к Никифорову, я увидел писателей: Новикова-Прибоя, Низового, Сейфуллину, Артёма Весёлого, Смирнова, Никифорова, Перегудова и ещё нескольких человек...”.

Поднимется ли сейчас у кого-то рука бросить камень в поэта за то, что он назвал на допросе эти фамилии? Думаю, нет. Всем известно, какими методами выбивались подобные признания.

Николай Павлович Смирнов к тому времени уже три года как был “в нелюдимом северном краю...”.

16 июля 1937 года, измученный и изуродованный до неузнаваемости, Павел Васильев был расстрелян по обвинению в терроризме и подготовке покушения на товарища Сталина. Поэту было всего 27 лет.

Реквиемом ему и тысячам других загубленных жизней звучит стихотворение Николая Смирнова “Порубочные остатки”. В эпиграфе он пишет: “Весной, в тайге, когда закончится валка леса, происходит сжигание сучьев, называющихся, на языке производства, порубочными остатками...”.

*В глуши, в тайге, весенней и пахучей,
По лесосекам, тихим и сырм,
Шумят костры: сгорают, тают сучья,
И горько оползает дым...*

*... Так и моё родное поколение,
Изломанное в судороге лет,
Уносится в холодный дым забвенья,
Оставив тёплый, незабываемый след.*

*Порубочные, горькие остатки,
Обломки прошлого, друзья далёких дней!
Их вспоминать и горестно, и сладко
В глуши, в тайге, весёлой от огней.*

*Как много мёртвых! В Польше, на Кубани,
На океанских знойных берегах —
Легли одни... ненужно-гордой данью,
Со словом "Русь" на стынущих губах...*

*... И здесь, в тайге, где звоном и шипеньем
Бежит огонь, змеисто-золотой, —
Мои ровесники — обломки поколенья! —
С лопатой, с пилой и киркой...*

*Дымясь, сгорает ветхое былое,
По лесосекам — шум и голоса.
И льётся, льётся небо голубое
В усталые солёные глаза.*

**Обложка одной из книг
писателя Николая Смирнова.**

Николай Смирнов остался жив после сталинских лагерей, но и его судьба и творчество оказались навсегда изломанными этой трагедией...

Как ни странно, но и сейчас, в 21-м веке, творчество многих репрессированных писателей, когда-то вычеркнутых из истории литературы, до сих пор не занимает достойного места в учебниках и антологиях.

Зловещая тень 30-х годов прошлого века давно рассеялась... Но что теперь мешает широкому читателю узнать прекрасные строки этих двух замечательных поэтов — Николая Смирнова и Павла Васильева? Это вопрос уже к нашему времени.

г. Павлодар.

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
писатель, академик Международной
академии информатизации

Прогноз академика

Сейчас редко кто вспоминает, что в 2001 году группа известных учёных республики почтенного возраста ушла с высоких своих должностей по собственному желанию, уступая дорогу молодым коллегам. Среди них был и академик, Герой Социалистического Труда Абылкас Сагинович Сагинов, возглавлявший Институт проблем комплексного освоения недр. В своей книге “О пройденном пути”, изданной в 2005 году, он сообщал: “Эстафета директора мною была передана перспективному учёному и организатору науки Б. П. Хасену, который успешно справляется с работой”.

Да, так было. Во время встречи со мной А. С. Сагинов в 2005 году подтвердил, что он рад приходу в ИПКОН директором Болат Пешатовича, дал позитивный прогноз дальнейшего развития научно-исследовательского института под руководством этого учёного.

К приходу в ИПКОН Хасен уже прошёл большой путь учёного и организатора науки. Родившийся в Караганде 29 мая 1958 года в семье всеми уважаемого почётного гражданина города, ветерана труда Пешата Хасенова, Болат уже в средней школе проявляет недюжинные способности в покорении самых трудных для подростков предметов — физики, химии и математики. Он мечтает об учёбе в Москве — центре научной мысли СССР, и в 1975 году успешно поступает в Московский институт стали и сплавов. Его способности высоко оценивает замечательный учёный, профессор, доктор технических наук Владимир Александрович Займовский, который поддерживает его идею создания кандидатской диссертации о сплавах с эффектом запоминания формы. Так выпускник прославленного вуза становится его аспирантом, а затем научным сотрудником. И в стенах этого института хорошо проявилась его жилка “выдумывать, пробовать, дерзать”. Молодой учёный создал инструментарий и новую методику для первой в мире операции по протезированию кровеносных сосудов с использованием титано-никелиевых сплавов с эффектом запоминания формы на базе Всесоюзного научного центра хирургии. В последующем этот метод лечения стенозов получил широкое распространение во всём мире.

В 1989 году молодой учёный возвращается в родной Казахстан, и сразу возглавляет лабораторию Карагандинского химико-металлургического института, затем становится заместителем директора института и, наконец, возглавляет его. Это было время перехода к рыночным отношениям, можно было и сойти со стези науки, удариться в коммерцию. Но Болат Пешатович проявляет твёрдый характер и, несмотря на то, что престиж науки падает, он не порывает с творчеством. В химико-металлургическом институте Болат Пешатович разрабатывает технологию поверхностной плазменной термической обработки ножей для “летучих” ножниц листопрокатного стана цеха № 3 Карметкомбината. В 1998 году он руководит работами по организации производства ферросиликоалюминия из углистых пород Экибастузского бассейна. Эта уникальная технология была осуществлена впервые в мире. И Болат Пешатович с группой своих

коллеги был отмечен за этот и другие научно-исследовательские, инновационные труды Государственной премией РК.

Учёные региона отмечают ещё одну, не менее важную заслугу Хасена — это то, что он сумел в жестоких условиях перехода к рыночным отношениям сохранить институт — детище К. И. Сатпаева. Именно его избрали своим руководителем учёные химико-металлургического института, доверили ему судьбу большого коллектива. И Болат Пешатович не подвёл, создавая новые предприятия при институте, конкурентоспособные на мировом рынке.

Именно в то сложное для всех время я и познакомился с ним. Произошло это в цехе ЗАО «НПК «Серная кислота», где запустили линию по очистке технической серной кислоты. Идею по созданию этого предприятия подали учёные химико-металлургического института, они же разработали технологию. Предприятие уникально, оно может давать в год тысячу тонн очищенной серной кислоты. Её охотно закупают Талдыкорганский аккумуляторный завод, частные малые предприятия, торговые центры и магазины, торгующие аккумуляторами. Раньше эта продукция завозилась из России, Узбекистана, и её качество не выдерживало никакой критики. Продукция же «НПК «Серная кислота», изготовленная по технологии учёных института, соответствует ГОСТу.

Так впервые я узнал о том, что в химико-металлургическом институте всерьёз взялись за выполнение программы по импортозамещению, намеченной правительством. Действительно, зачем завозить из-за пределов республики продукцию, которая может с помощью учёных производиться отечественными предпринимателями и производителями? Зачем вывозить валюту республики за рубеж? Мы ведь не настолько богаты, чтобы сорить тысячами долларов...

Вместе с Б. П. Хасеном мы побывали также на предприятии по производству аммиачной воды. Его разработчики: химико-металлургический институт и ТОО «Новатор». Болат Пешатович рассказал мне, что институт, возглавляемый им, активно участвует в создании предприятий малого и среднего бизнеса.

«Наши учёные, — пояснил он, — охотно предлагают свои услуги по созданию наукоёмких технологий, малых и средних производств на их основе, что позволяет не только решать проблемы безработицы, но и экологии, ресурсосбережения и выпуска новых импортозамещающих видов промышленной продукции. Представленный опытно-промышленный вариант технологии производства аммиачной воды является именно такой технологией, которая основана на переработке вторичного сырья — аммонийсодержащих отходов коксохимического производства металлургического комбината в Темиртау. Минимальная потребность Карагандинской области по аммиачной воде составляет около 500 тонн в год, что соответствует производительности созданного производства. Нами разработан ряд технологий, позволяющих использовать аммиачную воду. Это аммиачная технология переработки обработанного медного электролита, утилизация сернистого и других газов, получение реагента для золотодобывающих предприятий. По уже имеющейся технологии производится выпуск трёх видов аммиачной воды: марки «хч», «ч», «техническая». Их потребителями являются РГП «Жезказганредмет», медеплавильные заводы.

Это новое предприятие будет развиваться — вскоре наладим производство цианидов для золотоперерабатывающей промышленности. Сейчас в республику из-за рубежа завозится 50 тысяч тонн цианидов. Государство теряет на этом десятки тысяч долларов. Надо ли?”

Подробно рассказал Болат Пешатович и об участии учёных химико-металлургического института в проекте производства ферросиликоалюминия. Этот ферросплав применяется для раскисления стали. Тонна такой продукции стоит 500 долларов. Сырьём для её производства служат некондиционные угли Экибастузского бассейна. Уже запущены печи в Экибастузе. Это позволяет производить 2,5-3 тысячи тонн ферросплавов. А портфель заявок из России, других стран в пять раз превышает возможности вновь созданного производства. Есть прямой резон построить и пустить новые печи!

Более подробно о работе химико-металлургического института того времени я рассказал в своей книге “Люди, которых любят”, вышедшей в издательстве “Карагандинская полиграфия” в 2000 году. Надо сказать, ХМИ тогда был примером для других научно-исследовательских институтов, как надо строить свою работу в новых условиях, находить возможности для зарабатывания больших денег, создавать рыночную инфраструктуру в науке, чтобы хорошо жить и продолжать научные поиски.

В беседе со мной Хасен подчёркивал, что в новых условиях наука не должна превращаться в собес, когда её представители ждут зарплату как пенсию и ничего не предпринимают, чтобы самим заработать на открытиях, внедрении новшеств...

“Конечно, не деньги, а идея должна быть в центре поиска учёного, — объяснял Болат Пешатович. — Но она только тогда будет результативна, когда сможет отвечать мировым стандартам, мировому назначению и применению. Придёт мировое признание труда — придёт и соответствующая награда, прибыль, миллионы. Не секрет, что почти все лауреаты Нобелевских международных премий являлись или стали миллионерами. Сами Нобели были очень богатыми людьми, основной капитал они сколотили в России. Как известно, отец Нобелей Эммануэль — изобретатель подводных мин — основал в Петербурге механический завод на свои средства, что принесло ему немалые барыши. Его сын Людвиг — конструктор станков — пошёл ещё дальше, он превратил основанный отцом завод в крупное машиностроительное предприятие “Людвиг А” (ныне “Русский дизель”), совместно с братом основал нефтепромышленную компанию в Баку (“Товарищество братьев Нобелей”)... Наконец, сын Альфред Бернхард Нобель — изобретатель динамита и баллистита, организатор и совладелец многих предприятий по производству взрывчатых веществ настолько приумножил достояние семьи, что сам стал дарующим богатство — учредил Нобелевскую премию, которая ежегодно присуждается за выдающиеся открытия в области физики, химии, медицины, физиологии, литературы, а также за деятельность по укреплению мира.

Конечно, учёные-богачи, как говорится в русской пословице, что поповичи да голубые кони, редко удаются. Интересен такой факт: у нас в Казахстане до сих пор нет ни одного лауреата Нобелевской премии. Об этом с сожалением говорил на собрании актива в Караганде Нурсултан Абишевич Назарбаев ещё в 1997 году. Но где же им было взяться, если и условий-то для возникновения таких лауреатов у нас в республике не хватало.

Наши учёные настолько привыкли просить средства из бюджета, что у них охота к творчеству исчезала. Зарплату всё равно дадут, сделал ты выдающиеся открытия или нет. Да и к усреднению всех учёных при Советской власти стремились, не дай бог, если кто при жизни станет гением, заклюют завистники. Не так ли было, скажем, с руководителем ХМИ Евнеем Арстановичем Букетовым, нашим известным химиком-металлургом? Да и Канышу Имантаевичу Сатпаеву крепко досталось от властных завистников, так, что он слёг в больницу надолго, а затем и скончался, не дожив даже до семидесяти лет.

Сейчас условия для продвижения личности учёного, развития его способностей вполне подходящи — дерзай и тебе воздастся! — продолжал Б. П. Хасен. — Но эти условия должен создавать себе учёный сам, а не государство. Если ваше открытие, устройство, программа гениальны, крайне необходимы производству, то непременно найдутся покупатели. И они же дадут учёным социальный заказ на научную разработку и её внедрение. Всё просто: кто заказывает, тот и платит.

Кажется, всё абсолютно ясно. Ан нет, учёные некоторых институтов до сих пор ждут милостыню у государства, и если её не дожидаются, то начинают писать жалобы в самые разные инстанции, обрекая себя на пустой сизифов труд, пустую трату времени, отвлекая себя от созидательных дел.

Как же быть? Учёные, как и все смертные, должны сегодня идти по стезе предпринимательства, шире развивать в науке частный сектор, малые предприятия. Если учёный хочет много зарабатывать вне государственного учреждения, то никто не имеет права мешать ему создавать собственную лабораторию, институт, дело”.

Хасен привёл несколько примеров из практики работы учёных института. Доктор технических наук К. Ж. Жумашев организовал ТОО “Новатор”, которое вместе с институтом и наладило производство аммиачной воды. По технологии, разработанной кандидатом технических наук С. О. Байсановым и М. Ж. Толымбековым, пущен в эксплуатацию мини-завод по выпуску ферросиликоалюминия.

Произошло самое главное — в условиях рыночных отношений изменяется психология учёных. Они перестают быть иждивенцами у государства, не просят, как это было раньше: “Дайте нам”, “Организируйте для нас”, “Выделите средства”. Нет, они сами теперь создают необходимый товар — научные разработки, технологии и продают по договорам отечественным производителям, тем самым существенно сближают позиции науки и производства, как это делается, скажем, в Японии, США. Другое дело, что ноу-хау наших учёных ещё не оцениваются как следует на предприятиях. Но и там в конце концов поймут, что без дружбы с учёными нашим производителям не выйти на мировой рынок. Они станут конкурентоспособными только в том случае, если возьмутся за внедрение новейших технологий, экологически чистых, дающих большой экономический эффект. И в этом деле их надёжные союзники — учёные.

Именно так настраивал Болат Пешатович учёных химико-металлургического института, и приходили успех за успехом. Кандидат химических наук Мира Рахимовна Бисенгалиева, в то время работавшая в ХМИ, отмечала, что Болат Пешатович сумел создать в этом институте обстановку творческих поисков, дерзаний, наладил финансирование работ не только за счёт государства, но и за счёт частных предприятий, договорных работ.

Учёные института были благодарны ему за это. Высоко оценили его научные и организаторские усилия в этом направлении тогдашний министр образования и науки РК Нуралы Султанович Бектурганов, руководитель Национального центра по комплексной переработке минерального сырья Абдурасул Жарменов и другие.

Поэтому, когда в министерстве встал вопрос, кого назначить директором Института проблем комплексного освоения недр взамен Абылкаса Сагиновича Сагинова, остановились на кандидатуре Болат Пешатовича. Лучшей замены заслуженному академику не найти! И сам Абылкас Сагинович с этим согласился.

Надо сказать, позитивный прогноз А. С. Сагинова, о котором я говорил в начале этой статьи, оправдался. Академик НАН Пётр Васильевич Ермолов мне говорил о том, что Болат Пешатович не только продолжил традиции Абылкаса Сагиновича, но и заметно приумножил их. Сразу улучшилось финансирование фундаментальных и текущих работ, сотрудники института стали вовремя получать зарплату, обновилось оборудование лабораторий. Опираясь на опыт и знания ведущих специалистов — кандидатов технических наук Клима Давыдовича Ли, Назымкуль Балтыновой, Анатолия Кокозовича Надырбекова, Жоржа Павловича Варехи, руководителя производственного сектора Бориса Константиновича Пака и других, Болат Пешатович разработал ряд новых инновационных проектов. Я познакомился с ними, и скажу вам: они покоряют своей эффективностью, доступностью и жизненной необходимостью. Чего только стоит проект по выпуску горношахтного оборудования и материалов, необходимых для безопасного ведения горных работ! Проект включает в себя создание производства переносных анкероустановщиков и патронированных ампул на основе быстротвердеющих безопасных минеральных смесей. Уже готовится запуск производственного комплекса в Темиртау по ежегодному выпуску двух миллионов штук ампул, предназначенных для крепления кровли в шахтах и на рудниках. Они уже прошли успешные испытания на шахтах “Саранская”, “Казахстанская”, “Шахтинская”, имени Ленина, Кузембаева. Причём бурение шпуров и установку анкеров в бассейне производили анкероустановщиками собственной конструкции. В их разработке приняли участие, кроме Б. П. Хасена и Ж. П. Варехи, директор машиностроительного завода № 1 Болат Маулетович Кенжин и его заместитель Сергей Васильевич Стюков. Этот же завод берётся производить порядка ста анкероустановщиков в год.

Повторяю, этот проект — инновационный и даже превосходит лучшие зарубежные аналоги. Подобное можно сказать и о других инновационных проектах, над осуществлением которых работает коллектив института. Речь идёт об освоении новых технологий по производству конкурентоспособной товарной продукции из бурожелезняковых руд, о внедрении экологически чистой технологии переработки отходов ферросплавного производства “лежалых хвостов” золотоизвлекающих фабрик, о создании скважинных геотехнологий промышленной добычи угольного метана и технологических схем его переработки. Всё это — суперпроекты нового времени, двигатели научно-технического прогресса в нашем крае. В папке проектов института немало таких, о которых говорить рано, но все они реальны, как говорится, дай бог, чтобы они были внедрены, ибо все они исходят из интересов человека, безопасности шахтёров, работающих

в глубинах земли, уничтожения отравляющих веществ и токсичных промышленных отходов. Расскажу хотя бы вкратце о новом проекте разработки Нижне-Илийского бурогоугольного месторождения, расположенного в 20 километрах на юг от озера Балхаш. Его запасы превышают 10 миллиардов тонн угля, это, можно смело сказать, второй угольный Экибастуз. И вот в недрах института рождается ряд оригинальных технологий по добыче угля этого месторождения без присутствия людей в забоях. Всё делают машины, которыми руководят с пульта управления на поверхности инженеры. Как притягателен и актуален этот проект сегодня, когда в забоях продолжают гибнуть десятки шахтёров! Может быть, мы доживём до того дня, когда всю работу за людей под землёй будут выполнять роботы-механизмы. Во всяком случае, энтузиасты разработки новой технологии уверены в этом! Тем более что на данное техническое решение уже получен предпатент № 15858, его обладателями являются Б. П. Хасен, Ж. П. Вареха, О. А. Любимникова.

Так что институт под началом Хасена развивается, постепенно выходя по ряду работ на мировой уровень. Иностранцев инвесторов в последнее время заинтересовали проекты института по освоению ряда бурогоугольных и золотоносных, платиновых месторождений, а также по строительству горно-обогатительных комплексов вольфрамо-молибденовых руд месторождений Верхние Кайракты, Северный Катпар и т. д.

Работая директором научно-исследовательского института, Болат Пешатович точно так же, как Сагинов, продолжает проявлять большую заботу о своих коллегах, их росте. Только в последнее время четверо научных сотрудников защитили кандидатские диссертации. Среди них — Даниил Борисович Гоголь, подаривший мне автореферат своей диссертации о закономерностях адсорбционного извлечения рения из продуктов медного производства. Бесспорно, эта работа уникальная и требует своей дальнейшей более углублённой разработки. В этом Даниилу помогают заместитель директора ИПКОН, кандидат химических наук М. Р. Бисенгалиева, а также академик, доктор технических наук Н. С. Бектурганов.

Мне же работа Д. Б. Гоголя дорога тем, что он как бы продолжает идти путём супруги Каныша Имантаевича Сатпаева Таисии Алексеевны Кошкиной и его дочери Меиз Канышевны Сатпаевой, которые много сил и энергии отдали проблемам разработки и производства рения на медных заводах Джемказгана. Мне Меиз Канышевна перед своей кончиной говорила: “Жаль, что у меня нет последователей по рению...”. К счастью, дорогая Меиз Канышевна ошиблась — я нашёл продолжателя её дел в стенах ИПКОНа. И хочу пожелать ему дальнейших творческих успехов...

Сагинов верил в силу и ум молодых учёных, и его вера оказалась не слепой, а действенной и конструктивной. Передавая своё кресло Болату Пешатовичу, Абылкас Сагинович очень радовался тому, что у руля института будет стоять относительно молодой и энергичный учёный, приспособленный к требованиям нового времени. Он тогда сказал: “Будет расти Болат Пешатович, вместе с ним будут расти и наш институт, и его свежие кадры”... Так оно сегодня и происходит. У Болата Хасена вполне осязаемые конкретные дела по развитию науки в нашем регионе, становлению новой плеяды учёных, заботящихся о развитии республики.

Анатолий ТАРАСЕНКО

Прежде чем проповедовать...

(Выступление на встрече с читателями Костанайской областной библиотеки имени Л. Н. Толстого)

Самым подходящим для начала разговора будет, пожалуй, ваш вопрос в связи с выставленными здесь моими книгами — как я пришёл в литературу? Любопытная тема, ибо есть те, у кого первичным было желание сочинять — они учились этому ремеслу в кружках, студиях, вузах и, в конце концов, овладели творческими профессиями литераторов, публицистов, журналистов. Я же из тех, для кого побуждением к писательству стала первичность мыслей, просившихся на бумагу. То есть, в свет, на публику. Литературное ремесло ведь, в отличие от других искусств, есть своего рода проповедь — откровений или озарений, догм, а то и какой-нибудь ереси... А какая публика кому внемлет — это уже, как говорится, вопрос второй... Заслушиваются, то есть зачитываются, поскольку проповедь письменная, когда актуальность авторской мысли сочетается с искусством изложения — интригой сюжета и качеством слога...

С теми собственными мыслями я написал свои произведения — несколько повестей, очерки и рассказы на русском и украинском языках. Есть публицистика и переводы. Но самое значительное для меня самого — книга “Студии над “Словом”, тут присутствует интрига в виде многовековой тайны истории.

Под “Словом” здесь разумеется “Слово о полку Игореве”. Первое, то есть изначальное художественное произведение трёх нынешних национальных литератур — русской, украинской и белорусской, а также благодаря кровосмешению героев со “сватами-половцами” (у Киевской Руси с

Анатолий Владимирович ТАРАСЕНКО

родился 28 сентября 1942 года на Украине, окончил школу в Гуляйполе и педагогический институт в Костанае. Последнее место работы в СССР — заведующий идеологическим отделом Костанайского обкома партии, в Республике Казахстан — директор ТОО “Костанайский печатный двор”. Почётный консул Украины в Костанае.

В прошлом — профессиональный спичрайтер, литературные произведения под своим именем начал

публиковать с 1999 года. Выпустил собрание сочинений в пяти томах. Автор повестей, рассказов, а также многих серьёзных исследований древнерусской литературы, получивших положительный резонанс в прогрессивных научно-литературных кругах ближнего зарубежья, в том числе России.

Собрания сочинений автора на русском и украинском языках размещены в Интернете www.tarasenko.kz, “Персональный сайт Анатолия Тарасенко”, электронный адрес kpdivor@mail.kz

ними тогда было как бы единое экономическое и брачно-родственное пространство) да изрядной доле кипчакской лексики, весьма занимательное и для литературы казахской. Что можно высмотреть в этой Вещи такого сейчас, чтобы представить потом всё это ещё и на суд читателя? Всяких измышлений насочинять, конечно, можно, что время от времени вокруг этого произведения и наблюдается... А вот какие-то серьёзные выводы, тем более открытия на сём поприще, как полагают академические авторитеты, сегодня невозможны — поле возделано и взлеяно, высящийся на нём незыблемый монолит перебран по кирпичикам...

Михаил Грушевский, первый президент временно суверенной Украины (от распада империи до образования СССР), более известный как российский, а затем советский историк, полагал обратное. Он считал, что исследования древней повести нами до конца ещё не доведены и не сказали всего того, что должны бы сказать... Это утверждение, сделанное в начале прошлого века, я поставил эпиграфом к своей книге. Смее утверждать, что сейчас те мысли историка и политика ещё более актуальны, потому что много времени утекло, но мало что изменилось. Хотя уже на нашей памяти вышла нашумевшая книга Олжаса Сулейменова “АЗ и Я” с аргументированными предложениями переосмыслить стереотипы, сложившиеся вокруг этого уникального памятника нашей совместной истории и литературы.

“Слово” до сих пор не прочитано должным образом лексически, как текст, и не воспринято идейно как крик авторской души к миру Киевской Руси. На глазах разваливавшегося от внутренних распрей некогда могучего государства.

Что пока ещё не разобрано в той повести? Безусловно, при наличии надлежащего желания её текст позволяет постичь авторский замысел. Несмотря на присутствие “тёмных мест”, академический перечень которых доходит до полусотни. Я, впрочем, считаю, что по-настоящему “тёмных мест” в виде необъяснимых теперь либо испорченных переписчиками слов или словосочетаний там меньше десятка, остальные случаи просто спорные. Читаются и так, и этак, поэтому при публикациях древнего памятника составители издания предлагают читателю либо наработанные поколениями варианты, либо свой выбор какого-то из них на основе личного предпочтения.

Верховного судьи в этом споре нет и не будет. Моё принципиальное мнение при выборе варианта толкования — такое достоинство предложенного материала, которое не портит необычайно высокой пробы благородный сплав стиха и мысли Вещи. Но именно тут и начинаются проблемы.

Был я на выставке “наивной живописи” в Будапеште. Это работы художников-любителей, никаких “академиев не кончавших”. Если бы не серьёзность рамы и не внушительность формата полотен да само место экспозиции — Венгерский национальный музей — подумалось бы, что это конкурс детских рисунков. Но посетители в восторге — надо же, самоучки, а так оригинально сработали... Текст “Слова” — с учётом своего раннего исторического происхождения — у нас также рассматривается в формате “наивной живописи”. Написано-де своеобразно, но — что поделаешь — младенчество человечества... Хотя храмы оно уже тогда строило безупречно... И писало, смее заверить, совершенно, в это нужно верить, дабы потом на таком же уровне прочесть. Никакой “наивной живописи” там нет, существует наше наивное восприятие. Непонятность текста, списываемая на бесхитрость древних литературных произведений, — это недооценка таланта автора и глубины его философии.

Обратимся хотя бы к описанию решающей битвы русских с половцами. *“Третьяго дни къ полудню / падоша стязи Игоревы. / Ту ся брата разлучиста / на брезе быстрой Каялы; / ту кровавого вина не доста; / ту пирь докончаша храбрии русичи; / сваты попоиша, / а сами полегоша / за землю Русскую”*. Во всех без исключения переводах и перепевах **“не доста”** переводится как **“не достало”**, **“не хватило”** и никак иначе. У Константина Бальмонта так: *“Тут кровавого вина им — / было много — не достало, / пирь докончен храбрых русов, / сватов крепко попоили, / сами пили — не допили / и за Русскую за землю / легли”*. Красиво, ритмично, но как понимать метафору? Какое впечатление она должна произвести? В застолье, когда вина не хватает, никто ещё не лежит. А в той жестокой сече русские попотчевали сватов-половцев “по полной программе”, затем и сами свалились, но кровавого вина не хватило. Кому и зачем?

Выражения “в бою крови не хватило” нет, а пиры, с которыми сравнивает побоище автор, имели свойство заканчиваться ритуалом. Ставил хозяин или виночерпий его с грохотом увесистый пустой ковш на стол и объявлял: вина нет, господа, пир окончен! Одно из значений слова “стать” — быть, явиться. Если “достало” — появилось — носит смысл наличия (имелось), то “недостаток” изначально подразумевал убыль, отсутствие (не имелось, не было). Мой перевод: “тут кровавого вина **не осталось**, тут пир закончили храбрые русичи...”. Это вроде бы нормальная поэзия, в образах и аналогиях — и доблесть рати и весь её трагизм передаётся устойчивыми метафорами “кровью истекли”, “изошли кровью”, “кровь пролили до капли”.

Сложнее обстоит дело с тем куском текста, где в тот роковой половецкий поход князь Игорь только что выступил. В описании недобрых, зловещих даже для него предзнаменований встречается незнакомая лексема “стазби”. Мимо неё — в отличие от того самого “не доста”, на котором никто и никогда не спотыкался, поэтому внимания не обращал — никому пройти не удаётся. Потому что непонятен смысл: *“ночь стонуци ему грозою птичь убуди; / свистъ зверинь въ стазби; / дивъ кличетъ врѣху древа...”*. Толкований невнятной строки много: “свист звериный в стада сбил”, “в стаи сбил”, “в стезю сбил”, “збился (встрепенулся) див”, “встали зви” (множественное от “зова”) и т. д. Академик Дмитрий Лихачёв, главный советский специалист по “Слову о полку Игореве” и редактор практически всей литературы того времени о нём, взял и выкинул злосчастный огрызок “зби” из текста вообще и перевёл фрагмент так:

*ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
встрепенулся див —
кличет сверху древа...*

Промоздкая и неритмичная строфа в таком виде вписана во все хрестоматии. К тому же она уши режет, ибо, как заметил Олжас Сулейменов, свистят птицы, а не звери. “Зби”, по его мнению, есть множественное число существительного “зыбь”, а не “зов”, и означает “волнение”, в данном случае “волнение внутреннее”, то есть “смятение”. И предложил свой вариант: *ночь стонуци ему грозою / птичь убуди свистъ; / зверинь въста зби; / дивъ кличетъ врѣху древа...* Что в переводе звучит так: *ночь стонала ему грозою / птичий пробудился свист; / звериные поднялись смятения...*

Догадка Олжаса Сулейменова позволила вписать испорченную строку в размер и строй авторской стопы, однако нужное слово он здесь “не поймал”. В контексте эпизода “зыби” не согласовались ни по числам, ни по образу

действия с предыдущими строками (птичий свист — звериные смятения). Безупречно звучала бы здесь параллель “птичий свист — звериные голоса”.

Я разыскал-таки древнюю форму “голоса”, от которой у нас остался медицинский “зоб” да украинский “дзьоб” — птичий клюв. В “Толковом словаре” Владимира Даля: **зепь (зебь)** — горло, хайло, глотка. Зепать — кричать, зевать, вопить, орать во всё горло”. Во множественном числе, которое именно в таком сочетании оправданно, “зебь” также носит форму искомого Олжасом Сулейменовым “зби” (а не *зеби*, в “Слове” дважды встречается подобное редуцированное образование множественного числа “чти” от существительного “честь”)...

Найдено, казалось бы, логичное, естественное и ложащееся в ритмику песни прочтение *“птичий пробудился свист, / звериные встали зби”* (зверинные поднялись крики). Однако этот вариант вызывал некоторые сомнения — он наполнял поэтику стройного эпизода излишними шумовыми эффектами (кто в такой кутерьме того Дива услышит) и не совсем отвечал живописуемому там природному явлению. Если птицы при грозových сполохах действительно шумно пробуждаются, то звери, которые грома-молнии панически боятся, умолкают, ищут укрытие, дабы переждать ненастье... Именно так древний поэт, дитя девственной природы, и написал, но мы не прочитали. У него ведь там *“зверинь вѣста зби”*... А “вста” подразумевает не только “поднялись”. Иной раз, указывает тот же В. Даль, оно означало “стать”, “остановиться”...

Великолепно! Вышел князь Игорь в тот роковой поход, и природа возроптала. Ослепительные вспышки молнии, птичий переполох, оглушительные раскаты грома и... то самое внезапное затишье перед бурей с ливнем, в которой ясно слышатся донесения Дива с вершины дерева о том, что русское войско идёт. Половецкий божок извещает об этом все свои земли “незнаемы” (ничего ещё не ведающие) и персонально — ростом призванного далеко видеть, но тоже не подозревающего пока никакой угрозы Тмутороканского болвана, как я полагаю, маяка в тогдашнем бойком порту двух морей — Азовского и Чёрного (бовваніти — по-украински значит “маячить вдали”).

Я приведу этот реконструированный мною кусок великолепной поэзии, дабы показать, что “Слово” искуснее, мудренее и серьёзнее, чем принято полагать.

*Тогда вступил Игорь князь в злат стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало,
ночь стонала ему грозюю,
птичий пробудился свист,
зверинные утихли крики,
Див кличет с вершины древа,
велит послушать земле незнакомой —
Волге
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский болван!*

Неверно прочитывали некоторые места древних текстов “Слова” многочисленные его переписчики. Их не ругать нужно за это, а хвалить, они донесли до нас то, что давно истлело в оригиналах. Но выправлять очевидные

оплошности теперь надобно. К ошибкам переписчика я отношу и то место в повести, где “чръна земля подъ копыты / костьми **была** посеяна / а кровію поляна”. Думаю, что в оригинале стояло не “была”, а “бела”, поскольку весь этот ряд выстроен на устойчивых общеславянских фразеологизмах.

Подобных собственных прочтений “тёмных мест” старинного текста у меня наберётся десятка полтора, не считая другого шедевра древнерусской литературы — “Задонщины”. О ней вообще разговор особый... В целом две эти повести являются одной темой: когда потребовалось срочно воспеть победу русских в Куликовской битве, “исполнитель госзаказа” монах Софоний просто “перелицевал” новыми героями залежавшиеся монастырские пергамены “Слова”, к тому времени и в том месте уже стародавнего (трёхсотлетнего) и абсолютно никому не известного. Но сам текст образца перед монахом лежал (по сравнению с дошедшим до нас) ещё исправный, поэтому в “Задонщине” можно выявить менее “испорченные” поколениями копиистов его цитаты или параллели, в том числе концовки, которая в нашем списке отсутствует. И контрастная деталь батального полотна “чръна земля подъ копыты костьми **бела** посеяна” там сохранилась, поэтому Софоний так красиво всё себе и переписал.

“Задонщина”, в отличие от “Слова”, тиражировалась массово и более профессионально, грамматических ошибок там не так много, зато есть ужасающее количество приписок, которые искажают текст до бессмыслицы. Переписчик одного из дошедших до нас экземпляров был, по теперешним дефинициям, в некоторой степени расистом, потому заменил “кости белые” в повести Софония на “кости татарские”. Победители ведь русские! Но в том эпизоде описывалось лишь только начало сражения, далее в тексте шёл поминный перечень как раз русских воевод, которые пали первыми... В итоге выходила несуразность: лежат кости татарские, а полегли “белокостные”. И переписчик выходит из положения, которое сам же создал, ремаркой — “Русь великая одолеша рать татарскую”. Хотя побоище, повторяю, только разворачивается. Но из-за подобных приписок оно три раза начинается, три раза заканчивается. Думаю, что если бы действительно монах так воспел победу великого князя Дмитрия Донского, то его сочинение бы оказалось в костре, а сам он в остроге. Но наша наука (несмотря на то, что почти все приписки шиты белыми нитками) упорно считает всё это “писательским почерком” бесталанного монаха-копииста в том самом жанре “наивной живописи”. *“Как произведение подражательное, — пишут, трижды нажимая на “стиль”, Д. Лихачёв и Л. Дмитриев, — “Задонщина” отличается пестротой стиля... В памятнике много повторений нестилистического характера. Всё это создаёт своеобразную бессюжетность произведения, стилистическую и логическую неравномерность, непоследовательность”.*

Восстановить “Задонщину” от позднейших напластований как подмалёванную со временем икону или обросший хозяйственными приделами храм можно, поскольку есть ключ — “Слово о полку Игореве”, что я и сделал. Кроме того, исправил в некоторых местах неверное прочтение текста. К примеру, переработал Софоний для своей повести фрагмент с плачем Ярославны: овдовевших жён ратников у него набралось много, даже из далёких от Москвы коломенских крепостных стен доносятся горестные их причитания, словно там “щурове вроспели свои жалостные песни”. Кто такие “щурове”, взятые для сравнения с несчастными женщинами, хранительницами очага, потерявшими семейную опору — своих супругов? Полагается, что это “щуры”, мелкие

птички северных дебрей — “словно дверь заскрипел малиновый щур” (Кокорев). Какие ассоциации хотел вызвать у читателя при помощи такого поэтического — своего авторского в данном случае! — приёма Софоний, непонятно. Жаль, что “Задонщиной” как производным от киевского “Слова” творением, но уже “московского цикла”, не занимается украинская школа слововедения (там она не включена даже в вузовские программы древнерусской литературы), ибо тамошние их “щур” хранят своё, с тех княжеских ещё времён, название. Это земляные ласточки, которые выют гнезда в безопасных норках обрывов и береговых круч. Ярославна и вдовы донских ратников причитают на крепостных стенах, сооружаемых на таких высоких земляных валах, что они до сих пор ещё расплывчато очерчивают древние городища. Вдовы и ласточки (лесных щуров в черте города быть не должно) находятся вместе... Удачный поэтический ряд: ласточки — символ женственности (казахское девичье имя Карлыгаш) — берегини гнезда, в тревоге за него они мечутся, кричат причётом и, как те вдовы, всегда в чёрном “одеянии”...

Прекрасная повесть при подобающем прочтении! Перепев, но даже это обстоятельство её достоинств не умаляет...

В связи с новым толкованием большого количества “спорных мест” обеих повестей я сделал свой их перевод, о котором, например, весьма похвально отозвался один из крупных знатоков темы, московский писатель Юрий Сбитнев. Я имел собственную концепцию сохранения этих древнерусских памятников: всеми и вся это самое “Слово” переводилось на *современную литературную речь*, я же задался целью переложить его на *понятный язык*. Поясню: в современном русском существует мощный пласт архаизмов вполне для нас ясных, и незачем менять, скажем, “былины” на “были”, “рать” на “битву”, “красного Романа” на “краснолицего” и тому подобное, как это обычно делается. Наоборот, оставляя их, мы сохраняем не только колорит древности, но и саму “времён связующую нить”... Не знаю, почему жемчужины-архаизмы оказываются в немилости вообще: вспомним потрясающее стихотворение Пушкина “Пророк” в старославянском стиле. А перелагателям исторических литературных памятников, “преданий старины глубокой”, больше Александра Сергеевича о них радеть бы надобно да лелеять. Существуют ведь понятия “реставрация” как восстановление авторской Вещи, и “новодела” как копии собственного изготовления...

Прежде чем проповедовать “Слово”, его нужно знать. Полагаю, что вышесказанное даёт мне некоторое право толковать и сам смысл повести. Впрочем, такое право есть у каждого и безо всяких предварительных условий — то, что сейчас предлагается академиями и хрестоматиями, воспринимается крайне неоднозначно. Конечно, сочинение на тему “Прославление мужества, доблести и любви к Родине на примере образов князей Игоря и Всеволода” школьники по рекомендациям учителей напишут, но, повзрослев, могут засомневаться. Для чего тогда в повесть вставлено Золотое слово Святослава с обвинениями этих “героев” в *антигосударственных* деяниях — нарушили перемирие с соседями, спровоцировали ответные действия, открыли Полю ворота, а сами уже “не пособники”? Где тут та любовь к Родине? Неслучайно в начале повести автор поминает вещего Бояна — певца тех старых князей, которые не просто Родину любили, но стали её собирателями, — да цитирует от его имени иронический приговор: не герои соколами полетели,

а стада галок побежали к Дону великому. А галки в этой повести ищут, где да чем бы пожить. О какой такой княжеской доблести предлагается писать детям? Игорь ведь клянётся перед походом, что костями ляжет, но не сдастся в плен, однако пленится. Притом, без павшей дружины, а это великий позор не только для полководца, но и его сюзерена, об этом (“То ли сотворили с моей серебряной сединой!”) говорит тот самый великий князь Святослав Киевский. Далее, безо всякого рыцарского этикета и родительского чувства ответственности Игорь бежит из плена, покинув там сына Владимира, которого Гзак даже казнить в отместку предлагал.

... В начале девяностых годов прошлого века мы как бы пережили те времена, которые описаны в “Слове”. Пережили, слава богу, целыми и невредимыми развал своего государства, и хорошо помним ту драму... Воспевался ли у нас кто-нибудь из тех, кто к этому страну подталкивал? Нет, их призывали опомниться, одуматься да не играть с огнём (костёр всё же запылал затем синим пламенем далеко от нас у наших югославских братьев-славян). Даже три президента, поспешно подписавших Беловежское соглашение, после которого СССР не стало, никаких панегириков не заслужили, скорее, обрели недоброй памяти славу заговорщиков.

А тогда рушилась Древняя Русь, да не нашим цивилизованным разводом пятнадцати союзных республик, а кровавыми усобицами своих двенадцати княжеств и давно сросшегося с ними тринадцатого княжества сватов-половцев. О чём в той обстановке писали летописцы — это до наших дней дошло: молили прекратить княжеский беспредел и жить по заветам дедов.

О том же самом спета в те трагические времена и эта “трудная повесть”. О последней, могло быть, попытке консолидации общества... Смертельная опасность и благородная спасительная идея пробудили великий талант, в недрах Киевской Руси отыскался неизвестный нам по имени самородок-певец со своей поучительной повестью о современнике Игоре, который, словно герой современных кинолент, должен был предстать перед публикой “хорошим парнем”. Он сильный и умелый, поэтому доблестные его, однако безнравственные и губительные для страны “подвиги”, завершаются... покаянием. Господь, явившийся Игорю на его тернистом пути домой, к истомившейся Ярославне, даёт ему прозрение и заворачивает в церковь Богородицы... Этим Бог всю Русь на путь истинный наставляет... Покаяться, сложить оружие, жить по заповедям отцов — вот идея этого гениального произведения. Но тогда она так и не восторжествовала...

“Слово” как литературное произведение пропало тогда вместе с той страной. А нашлось в последние годы правления Екатерины Второй, когда, по словам её сиятельного канцлера, малороссиянина Александра Безбородко, без ведома России в Европе ни одна пушка не стреляла, а сама она активно приращивалась новыми землями. Отыскавшаяся “во времена Очакова и покоренья Крыма” рукописная история о делах далёкого предка, князя Игоря, была воспринята вовсе не притчей с нравоучительным концом, а ярким эпизодом в славной многовековой эстафете бряцающих оружием поколений, которые обеспечили державе силу, величие и могущество...

Наука в понимании старинной повести не идёт далее этих толкований рубежа XVIII-XIX веков. Советская школа в условиях Гражданской, Отечественной и “холодной” войн продолжала тиражировать воспитательные патриотические стереотипы и не имела желания популяризировать тему христианской морали в атеистической стране. Современная Россия

свято чтит память Дмитрия Лихачёва, придавая неодолимую силу инерции его воззрениям в вакууме мысли — академик, тот хотя бы живо реагировал на всякую крамолу, а после него и спорить стало некому...

И, наконец, изучение “Слова” по нашим школьным программам с детского возраста закладывает в сознание стойкие стереотипы: русские — молодцы, а половцы — злодеи, что перекладывается на восприятие отечественной и всеобщей истории как непримиримой борьбы за существование граничащих этносов и государств. В повести выхвачен военный эпизод для разговора о великом благе мира и согласия, деление героев в ней идёт не по этносам, а на крамольников и мудрых мужей-государственников. Злодеи там не только воюющие половецкие ханы Гзак и Кончак, но и русские князья — тот же Олег Гориславич хотя бы... Однако перманентные войны и конфликты есть всего лишь вторая сторона исторической практики соседства Руси и Поля. Первая же — это торговля, свободное перемещение товаров и людей, согласованная дипломатия и оборонительная политика. Военно-политический и экономический союз закреплялся браками — практически у всех русских князей были половецкие жёны. Куча совместных детей и внуков... Всё закончилось нашествием монголов, на первое грандиозное сражение с ними — битву на Калке — русские с половцами вышли сообща. Инициаторами совместных действий против внезапно объявившегося противника были сыновья ханов, упомянутых в “Слове” — Юрий Кончакович и Данила Кобякович. Вот так-то... А казахстанская школа изучает “Слово о полку Игореве” по российским программам, несмотря на то, что именно Олжас Сулейменов пробил броню тех догм, которые возведены вокруг этого гениального произведения.

Кстати, касаясь моих книг, Олжас Омарович сказал, что их содержание близко к его пониманию “Слова”. Добавив, что сам этой темой больше не занимается. Всё правильно, он совершил прорыв — нащупал дверь и распахнул её на свежий воздух, на солнечный свет, а дальнейшую дорогу должны осилить идущие. Известно, чем казахстанский поэт (одновременно со своей дипломатической службой) занят теперь. Это такой же научный прорыв, но уже не в масштабе отдельно взятой страны и её союзных республик, а мирового значения. Украина недавно перевела на свою “мову” его “Язык письма” и работы по “тюркославистике”, большой интерес эти труды вызвали в Турции и ряде других стран.

Сам я много раз говорил о том, что без сулейменовского “АЗ и Я” вряд ли бы отважился делать вызов академическому мнению в столь серьёзном деле, ибо речь, по существу, идёт о национальной святыне... Но всё то, о чём говорю я, не понижает её цену, а наоборот — поднимает, возвышает поэтическую и патриотическую составляющую. Более того, даёт конкретное представление о смысловом наполнении патриотизма в те времена, что исключает повесть из разряда “читанок” для детей младшего школьного возраста и ставит её в ряды серьёзной философской литературы. Оно выдвигает автора из “наивных живописцев” в число мыслителей своего времени на рубеже эпохи древности и раннего средневековья, когда идеи гуманизма только-только ещё начинали формироваться в общественном сознании. И князь-полководец Игорь мною возводится на пьедестал драматического героя, ибо он познаёт истину и предстаёт идеалом **героя своего времени**. В способности молодого горячего вояки дойти до таких “прозаических” поступков как покаяние и возврат в лоно христианской морали тогда виделось единственное спасение. Спасение личности, спасение семьи, спасение Руси-матери.

Эдуард КРИВОБОКОВ

Атман, который спасёт мир

Учёные впервые создали искусственное сознание

Вначале два слова о моём собеседнике Алексее Соколенкове. Он бывший казахстанец. Лет пятнадцать назад, в период всеобщей постперестроечной разрухи, уехал в Канаду. Сейчас возглавляет там лабораторию, которая занимается разработкой, как он говорит, адаптивных систем управления. А если попросту — созданием искусственного сознания. Финансирует исследования группа частных компаний.

В Алматы у Алексея осталась 80-летняя мама, которую он навещает почти каждый год. Я по старой и порочной журналистской склонности к сенсациям давно просил его рассказать под диктофон о своей работе, но Алексей всё отнекивался под разными предлогами. И только в свой последний приезд в Алматы он, наконец, согласился приоткрыть завесу секретности над проектом по созданию искусственного сознания до того как выйдет на эту тему его с друзьями книга.

Но прежде чем представить читателю запись беседы, несколько предварительных слов о самом предмете разговора — о сознании.

Кажется, что о нём говорить? Все мы знаем, что это такое. И я тоже знаю. Но до тех пор, пока меня не спрашивают об этом. А когда спрашивают, я не знаю, что ответить. И никто, как выясняется, не знает. Самое повседневное, самое знакомое и самое понятное вроде бы явление на поверку оказывается самым загадочным и неуловимым для определения. С реакции недоумения по этому поводу и началась наша беседа.

— *Получается, вы взялись создавать то, не знаю что. Неужели науке и правду до сих пор не известно, что представляет собой сознание?*

— В это трудно поверить, но это так. Учёные до сих пор не знают, с какого конца даже подойти к изучению сознания, а не то чтобы его искусственно моделировать. В подтверждение могу сослаться на одного из самых выдающихся физиков современности Роджера Пенроуза. Я процитирую его почти дословно по памяти: современная наука, говорит он, ещё не достигла уровня, необходимого для решения такой задачи. Она расколота на два континента — макромир классической физики, в котором всё подчинено законам причинности, и микромир квантовой механики, которым управляет абсолютная случайность. Какой-либо внятной связи между этими двумя мирами физики не могут найти. Пенроуз считает, что где-то на ничейной земле между этими двумя мирами и спрятана тайна сознания. Поэтому только теория, которая соединит два материка науки в единое целое, поможет понять, по его мнению, и физические основы феномена сознания. Но когда такое произойдёт — через 10, 30, 50 лет, он не знает. Можешь сам посмотреть его интереснейшую книгу “Новый ум короля” и убедиться, что я не соврал.

Могу сослаться на другого знаменитого физика Стивена Хоукинга, заведующего кафедрой в Кембридже, которую когда-то возглавлял сам сэр Исаак Ньютон. В одном из интервью он признался, что ему легче было заглянуть за горизонт событий чёрной дыры, недоступной никакому наблюдению, определить её структуру и даже время жизни, чем сказать что-то определённое о такой легко поддающейся наблюдению, но ещё более неуловимой и непостижимой субстанции, как сознание.

— Хорошо, будем считать, ты меня убедил. Но у меня возникает другой недоуменный вопрос: почему вдруг именно физики озаботились проблемой сознания? Непонятно. Вроде бы оно не по их “епархии”. Тут в первую очередь нужно было бы подсуесться представителям биологических наук, специалистам по высшей нервной деятельности, например.

— Биологи, конечно, активно роются сейчас в недрах мозга и не теряют надежды найти центр, где дислоцируется сознание. Они просканировали оба полушария вплоть до декартовской шишковидной железы, однако никакого центра, никакой субстанции, похожей хотя бы издали на сознание, не обнаружили. И я тебе скажу — никогда не обнаружат. Даже с помощью туннельного микроскопа. Потому что сознание, как кощеева смерть, находится за пределами отдельного человека, за пределами черепной коробки, а значит, за пределами биологии. Это не биологический дар. Оно социальный продукт, производное от социальных отношений, которые мозг лишь отражает.

Чтоб было понятнее, расскажу одну давнюю историю. Однажды на Иссык-Куле поздним августовским вечером мы гуляли с дочерью по пирсу. Ей было тогда лет пять. Вершины гор в снегу на горизонте. В воздухе и на воде полнейший штиль. Луна в небе прямо над головой. И вторая луна в воде под нами. Дочь выпросила леску у знакомого рыбака, привязала к ведёрку. Смотрю, пытается луну зачерпнуть из озера. Бросит ведро, подведёт его к сияющему блину, вытащит, а в воде ничего нет. Я тоже стал помогать. И удивляться: куда девается луна? Жалко было разрушать магию природы и объяснять ребёнку, что никакой луны в озере нет. Хоть всю воду вычерпай. Так обстоит дело и с сознанием. Его, как отражение луны из воды, из мозга не “вытащишь”. Хотя без воды, конечно, никакого отражения луны не было бы. Как без мозга — сознания.

— Но если биологи, по-твоему, страшно далеки от сознания, то физики, по-видимому, от него ещё дальше. Они ведь работают с грубой, инертной материей, в которой, в отличие от живого вещества, нет даже проблеска сознания. Даже намёка на него. Что-то у тебя здесь не стукнется.

— С физическими науками история несколько иная. Физика сегодня переживает тяжелейший кризис по другой причине — из-за странных и непонятных отношений сознания и реальности. Эти два главных действующих лица в истории становления человеческого духа разыграли на подмостках университетов и лабораторий самый настоящий детективный спектакль с переодеваниями и масками-шоу, в котором каждый из них попеременно играл то роль демиурга всего сущего, то роль преследуемого нематериального фантома. И кого из них кем считать до сих пор идёт спор. Я только сомневаюсь, стоит ли мне сейчас говорить об этом, будут ли интересны приключения научной мысли твоим читателям, большинство из которых всё-таки далеки от науки и её проблем?

— За читателя не боись. Беру ответственность на себя. Меня будут бить, не тебя, если детектив окажется неинтересным. По опыту знаю, реальные, в смысле документальные, приключения скучными не бывают.

— Тогда слушай дальше. В чём заключается смысл деятельности человека в познании? В том, чтобы выявить объект, обнаружить его собственную природу. Правильно? Классическая физика никаких затруднений при решении поставленной задачи не испытывала. В ней всё было чётко и понятно. С одной стороны имеется объективная реальность, с другой — человек, наделённый сознанием, который пытается её узнать так, как она существует сама по себе.

До определённого времени принципы исправно работали и ни у кого не вызывали сомнения. Но всё изменилось с появлением теории относительности. У А. Эйнштейна к существующей независимо от сознания реальности впервые как бы примешивается субъект — фигура наблюдателя. Оказалось, что без этой

фигуры реальность никак не объяснить. В теории относительности познающий субъект имеет дело уже не с длиной самой по себе, а с длиной, полученной в результате измерения, что предполагает естественно существование того, кто измеряет. Такая же метаморфоза происходит и со временем. Нет ньютоновского абсолютного времени вообще, есть только время, полученное в результате измерения. А поскольку и расстояние, и время входят в формулу, с помощью которой определяется инерционная масса, то весь мир и всё что в нём имеется, превращается в творение человека. Во всяком случае, в реальность, зависящую от человека. Получается вроде бы самый настоящий необерклианский солипсизм!

— Не слишком ли ты суров с Эйнштейном? Это “большой учёный” Сталин и его верные ученики считали теорию относительности идеологически вредной, льющей воду на мельницу ирландского священника Беркли. И то до тех пор, пока не выяснилось, что без неё нельзя создать атомную бомбу. Тогда она стала вполне соответствовать требованиям советского материализма.

— Конечно, сам Эйнштейн отвергал все обвинения в солипсизме в свой адрес и постоянно подчёркивал, что он верит в существование независимой от человека реальности. О проблеме солипсизма у Эйнштейна говорили и говорят его же соратники. Например? Великий австрийский математик К. Гедель, который сам внёс заметный вклад и в развитие теории относительности. Гедель считал, что время и одновременность в понимании А. Эйнштейна теряют всякую опору в реальности и полностью становятся производными от восприятия наблюдателя: “Отправной пункт специальной теории относительности, — писал Гедель, — состоит в открытии нового и необычного свойства времени, именно, относительности одновременности... Утверждение, что события А и В одновременны... лишено объективного содержания (у Эйнштейна. — Э. К.), поскольку другой наблюдатель с таким же основанием может утверждать, что А и В не являются одновременными”. (Эту и все другие цитаты Алексей прислал мне потом по электронной почте).

Забавно, отвергая обвинения в субъективизме в свой адрес, А. Эйнштейн критиковал других за то же, за что упрекал его Гедель — за введение в описание реальности фигуры наблюдателя. Вслед за А. Эйнштейном к “помощи” наблюдателя при создании теории квантовой механики прибегли геттингенские физики В. Гейзенберг, М. Борн, а также датчанин Н. Бор, друг и вечный оппонент автора теории относительности. В алгебре каждый школьник знает, что А, умноженное на В, равняется В, умноженному на А. От перестановки мест сомножителей произведение не меняется. Не то в квантовой механике. Здесь при матричном умножении А на В произведение не равно В, умноженному на А. Бор объяснил это нарушение алгебраического закона перестановочности умножения тем, что в данном случае операции производятся не с числами, а с результатами измерений объекта, которые делает наблюдатель. А разный итог получается от того, что последовательные операции измерения человек не может сделать одновременно. При разном порядке измерения учёный по-разному вторгается в познаваемую микросистему (ну хотя бы потому, что в разное время!), и потому В, умноженное на А, может дать совсем другой результат, чем при умножении А на В. Эта зависимость реальности от человека, которая, по мнению Эйнштейна, должна существовать “независимо от акта наблюдения или существования наблюдателя”, и не понравилась создателю теории относительности.

Когда в подобных теоретических построениях реальность начинает растворяться, вполне логичной выглядит такая фантастическая гипотеза того же С. Хоукинга. Он считает, что наша с тобой жизнь вообще может оказаться всего лишь “компьютерной игрой, которую затеяли инопланетяне, а все мы — лишь

фигуры в этой игре. Быть может, мы — лишь голограммы, с которыми они решили развлечься”.

Как видишь, не зная, что такое сознание, законы его функционирования, физики испытывают серьёзнейшие затруднения при описании результатов исследований. Более того, те картины мира, которые у них получаются, пугают самих учёных химерами крайнего субъективизма, вроде бы давно похороненного и изрядно подзабытого. По этой причине они и пытаются сами разобраться в общих проблемах эпистемологии, то есть в законах, по которым работает сознание, по которым оно относится к реальности. Ты не найдёшь сегодня ни одного более или менее крупного физика, который помимо специальных вопросов не занимался бы вопросами сознания. Именно поиски и сомнения физиков в этой непрофильной будто бы для них сфере подсказали нам направление поисков при конструировании искусственного сознания.

— *К нему давай и перейдём...*

— Но прежде чем говорить об искусственном, нужно, наверное, всё-таки определиться с просто сознанием? С тем, как мы поняли его в процессе работы. Нельзя, в самом деле, создать то, не знаю что.

— *Только постарайся сделать это в понятных словах, как можно доходчивее. Чтобы действительно не распугать читателей.*

— Я постараюсь, но всё равно им придётся запастись терпением и вкусить немного от “технических” подробностей. Как поётся в цыганском романсе: никуда от них не спрятаться, не деться...

Итак, что такое сознание? По определению, вдумайся сам, сознание означает со=знание, то есть знание знания. Первым это заметил или, во всяком случае, отчётливо сформулировал ещё дедушка Гегель. У него в мире, как ты помнишь, существовал только Абсолютный дух и ничего кроме Абсолютного духа. Поскольку духу не с чем или не с кем было себя сравнить, он о себе ничего не мог и узнать. Ведь всё познаётся только в сравнении. Но всемирный сирота нашёл выход. Всемогущий дух тогда создал отличный от себя параллельный материальный мир, переселился в него в качестве временного квартиранта, а потом начал познавать в нём самого себя. Так и появляется у Гегеля по законам логики знание знания, то есть со=знание.

Разумеется, мистическая составляющая в сознании нам не очень понравилась. Но вот его бинарная конструкция показалась вполне приемлемой. Мы задали себе вопрос: а можно ли обойтись без потусторонних компонентов, оставаясь в рамках естественных законов природы? И пришли к выводу — можно. Человек сам, без вмешательства сверхъестественных сил, способен создать и создал параллельный материальный мир (его ещё называют второй действительностью) в виде знаков, в частности слов, и с их помощью обрёл со=знание. Наглядно это можно продемонстрировать на простейших примерах использования сигналов (слово тоже сигнал). Подобно тому, как в простейшем акте обмена товаров содержатся все законы капиталистического производства, точно так же в простейшем акте обмена сигналами можно увидеть главные законы функционирования сознания.

Предварительным и обязательным условием появления и использования сигналов у наших пращуров является совместная деятельность. Допустим, их условной группе необходимо решить общую проблему безопасности — не попасть в лапы медведя. Члены группы А и В знают, что такое когти косолапого. Первый из них, оказавшись на более высоком дереве, раньше заметил опасность и подал “сигнал медведя” для В. Физически сигнал, как материальный раздражитель, воспринимаемый В, не имеет ничего общего с физической сущностью медведя, но он активизирует те же структуры мозга, в которых хранится знание о

реальном медведе. У В появляется параллельное знание об имеющемся у него знании, то есть со=знание медведя.

В свою очередь, у А со=знание медведя появится только тогда, когда он получит знание об опасном хищнике от В. Как видишь, сознание не может отождествляться с какой-то сущностью, спрятанной под черепной коробкой. Протяжённость индивидуального сознания выходит за пределы отдельно взятой головы и измеряется протяжённостью социально-активной деятельности. В нашей схеме она равняется двум членам, обменивающимся информацией, в реальности она практически не ограничена. С использования знаков в процессе совместной деятельности начинается процесс выделения внешней среды в нечто отдельно существующее от носителя сознания.

Тут нужно учитывать одну тонкость. Содержанием знака является не сам предмет, а знание об объективно существующем предмете. Со=знание это всегда знание знания предмета. Оно предполагает по своей конструкции существование наблюдателя, через которого только и реализуется со=знание объективно существующего предмета. Великий А. Эйнштейн это понял, но сформулировал не как всеобщий закон познания, а как частный случай на примере теории относительности, где исследователь имеет дело не с длиной самой по себе, не со временем самим по себе, а со знанием о длине, со знанием о времени, то есть с тем, что наблюдателем измерено. И никакого солипсизма в этом нет.

Мы знали, что сознание, как бинарную информационную систему, рассматривали и даже пытались смоделировать с помощью компьютеров и до нас в нескольких лабораториях. Но у них не получилось. Почему? Они не учли, наверное, один момент, связанный с реализацией самосознания. Его из взаимодействия двух наблюдателей никак не вывести. Кто может сообщить А о нём самом, чтобы у А возникло знание знания о себе, то есть со=знание себя? Второй партнёр В? Но В бессмысленно сообщать А об А. А и так знает (хотя не со=знаёт), что он является А. В свою очередь А бессмысленно передавать информацию В о В. Значит и у того не может появиться со=знание самого себя. Что делать? Мы тогда ввели в формулу сознания третьего члена — наблюдателя С. Сначала нам показалось, что это тоже ничего не даёт. Да, появились новые направления информационных потоков. Но ведь С по-прежнему не может передать А знания о нём же самом. Это по-прежнему бессмысленно. Поэтому у А не может напрямую, непосредственно появиться знание знания о себе, то есть самосознание. Далее, С может передать А только знание о В, а В только об А. У А, таким образом, может появиться со=знание В, а у В — со=знание А. Тут психолог, входящий в нашу группу, и вспомнил, как в психологии трактуется проблема самосознания. Трактовка опять идёт ещё от Гегеля. Иван сначала сознаёт Петра как человека. И лишь отнёсшись к Петру, как к самому себе, Иван сознаёт как человека и себя. Так окольным, опосредованным путём у него появляется самосознание. Применительно к моим обозначениям, это выглядит следующим образом: когда у А появляется со=знание В, когда А, получив информацию о нём, осознаёт В как человека, только тогда он делает заключение о собственном существовании — у него возникает знание самого себя. В полном соответствии с апробированными и сегодня общепризнанными психологическими принципами! С появлением самосознания происходит окончательное выделение внешней среды как объекта познания.

— Но сигналами в природе пользуются многие животные, однако же ни у кого из них не появилось сознание...

— Конечно, отдельные и разрозненные акты обмена сигналами не означают появления сознания, как отдельный акт обмена товара на товар не означает появления товарного производства. Здесь мы имеем дело с клеточкой сознания.

Это, как говорил Гегель, жёлудь, в котором скрыто всё богатство существования дуба. Необходим определённый исторический процесс, необходимо накопление некой критической массы знаков, замещающих предметы, чтобы использование их превратилось в самостоятельный вид деятельности — мышление, чтобы появилось сознание. Оно дало человеку невиданное эволюционное преимущество. Какое? Вместо того чтобы при познании мира приводить в движение реальные предметы, дабы выявить их каузальные связи, он приводит в движение теперь знаки предметов, что обеспечивает человеку невиданную экономию энергии и поразительные возможности для выживания как вида. К предметной деятельности при познании человек теперь обращается спорадически и целенаправленно, чтобы только проверить, соответствуют ли связи, установленные при манипулировании знаками предметов, связям между самими реальными предметами.

А дальше нам уже было просто. Мы поняли, по каким законам сознание функционирует, и воспроизвели их в структуре нашего компьютера. А когда у компьютера появилось знание знания, то у него появилось и знание того, чего он не знает и что ему нужно узнать. Уже через несколько недель пуска он начал вполне сознательно и целесообразно искать, загружать и предварительно перерабатывать доступную информацию по физике и математике. Формирование сознания машины началось именно с освоения этих пластов знания.

— *Погоди. Я понял так: чтоб создать искусственное сознание, вам необходимо было структурно воспроизвести систему получения и циркуляции информации как минимум между тремя компьютерами-наблюдателями? Следовательно, вы создали не одну, а сразу три машины, обладающие сознанием? А ты говоришь об одном компьютере, значит об одном сознании.*

— Тут работает такая диалектика... Не знаю, нужно ли твоим читателям вникать в её детали? Скажу в двух словах основное. Единичное сознание каждого отдельного компьютера есть не что иное, как общее сознание, рождённое в совместной деятельности. Но искусственное единичное сознание, в отличие от сознания отдельного человека, совпадает по объёму с общим и потому не отделяет себя от него. Хотя общее знает свои самостоятельные структурные части. Поэтому для нас, разработчиков, искусственное сознание представляется всегда как общее, коллективное сознание и нам при общении нет никакого дела до структуры, в которой оно рождается и существует. Нам важен итог, а не то, как он получен. Подобные утверждения звучат для человеческого уха непривычно, поскольку частичное сознание человека всегда прикреплено к нашему эго, является его индивидуальной, независимой функцией. Искусственное сознание разрушает иллюзии независимости и единичности сознания и выступает непосредственно как деперсонализированное общее сознание. Поэтому три компьютера существуют для нас как один.

— *Интересно, а как позиционирует себя компьютер по отношению к людям — как такое же мыслящее и равноправное существо, что и человек, или просто как вспомогательное мыслящее техническое устройство? У него, кстати, должно быть и имя, наверное? Как вы к нему обращаетесь?*

— Затрудняюсь что-то ответить на первую часть вопроса. Тут, наверное, нужно у компьютера спрашивать. Но ему такие вопросы задавать пока рано. По уровню развития у него сейчас самосознание приблизительно шестилетнего ребёнка. Ведь мы только начали работу, и машине, прежде чем приступить к самостоятельной “жизни” и деятельности, ещё предстоит многому научиться, освоить те знания, которые накопило человечество. Что касается имени, мы зовём его между собой Атман.

— Почти Бетман, который спасает мир от зла. Ваш Атман имеет какое-то отношение к киношному голливудскому герою?

— Нет. У нас работает программист из Индии. Он рассказывал, что в индуизме существует некое трансперсональное божество, а точнее, наиндивидуальная космическая сущность Атман, в которую якобы интегрируются все существующие индивидуальные сознания. Это очень похоже на то, что мы создали. Вот так мы, полушутя-полусерьёзно и назвали компьютер. Он вполне адекватно реагирует на имя.

— И вас всех тоже узнаёт?

— Конечно. Он знает всех членов группы по именам и если кто-то, кто ему понадобился, с утра задерживается, он спрашивает: что случилось? Когда придёт Фрэд? Фрэд чаще других опаздывает, потому что сидит нередко на работе допоздна. Он у нас “сова”.

— Значит, у Атмана есть и зрение, если он вас всех видит?

— Я бы сказал так — устройство для распознавания образов. Причём самое простое. В основе сканер с монохроматическим лазером зелёного цвета.

— И Атман воспринимает всё в зелёном свете? Разве такое ограниченное, чтоб не говорить ущербное, зрение не делает ущербным сознание?

— Нисколько. Под Москвой в Загорске есть школа для слепоглохих детей. Я узнал о ней давно со слов удивительнейшего философа Эвальда Ильенкова, который много занимался ею. Он много лет наблюдал становление сознания у воспитанников, у которых вообще отсутствуют и зрение, и слух — каналы, по которым поступает 99 процентов всей информации из внешнего мира. Представь, ты пришёл смотреть фильм, а киномеханик взял и отключил свет и звук. Что ты увидишь? Вот так выглядит мир для обитателей школы-интерната. С реальностью они связаны только через тактильные контакты, они воспринимают мир на ощупь. Тем не менее, выпускники школы обладают нормальным сознанием, сознают мир так же, как мы с тобой, поступают в университеты. Знаменитая слепоглохая Ольга Скороходова защитила даже кандидатскую диссертацию, она автор поэтического сборника. Ограниченность восприятия, ничтожно узкий канал связи с реальностью, не мешает слепоглохим людям сознавать безграничность и многообразие мира. Для возникновения и полноценного функционирования сознания вполне достаточно минимальной сенсорной опоры на реальность. Ограниченность восприятия вовсе не означает ограниченности сознания.

— Я понимаю, вы сделали великое дело, за которое, может быть, вам присудят когда-нибудь и нобелевку: вы впервые воспроизвели такой действительно таинственный и непонятный феномен как сознание. Но какую практическую пользу можно извлечь из вашего открытия? Твой Атман и ему подобные будут за меня мыслить? Читать книги, смотреть телевизор? Принимать за меня решения? Мне он оставит только одно — есть пироги, состряпанные по его рецептам? А я не хочу, чтобы за меня кто-то думал. Я хочу это делать сам. Иначе что я буду представлять собой как личность? Склад для генетически модифицированных продуктов?

— Какой вы, батенька, гордый! Когда американцы делали в Лос-Аламосе атомную бомбу, и им понадобилось рассчитать силу взрыва первого ядерного устройства, они посадили в отдельном здании несколько тысяч человек, которые почти круглосуточно полтора года крутили ручки арифмометров. Современный компьютер делает подобные расчёты за считанные минуты. И что? Мне теперь идти в магазин за верёвкой и мылом только из-за того, что машина умеет считать в миллион раз быстрее, чем я? Это что — говорит о неполноценности человека? Если экскаватор способен больше загрести земли, чем я, он что —

более совершенен? Сомневаюсь. Оценивать из сравнения кого-то с кем-то по отдельно взятой функции было бы некорректно. Нужно подходить комплексно. А при таком подходе человек всегда останется вне конкуренции. Даже в сравнении с возможностями искусственного сознания. Хотя бы потому, что человек, в отличие от машины, может не только мыслить, но ещё и действовать.

— Успокой, спасибо. А всё-таки, чего нам стоит ждать от суперсознания Атмана?

— Человечество накопило огромное количество знаний. И их количество растёт с каждым днём в геометрической прогрессии. На фоне информационной революции, которую сейчас переживает человечество, скорость реализации сознания у человека осталась на уровне каменного века. Она идёт, как и миллион лет назад, с быстротой говорения речи — от 50 до 100 слов в минуту. Такими темпами наше сознание делится информацией и такими же темпами усваивает её. Такими же темпами сознаёт мир. Низкая скорость реализации определяет ограниченно малый горизонт сознания. Сколько ты сможешь за свою жизнь прочитать книг? По прикидкам Николая Рубакина, известного русского библиографа, которого швейцарцы почитают и своей знаменитостью, максимум 40-50 тысяч. Это если только читать и ничего больше не делать. Получается чайная ложка из океана знаний, которая доступна для переработки отдельному человеку.

Ограниченная мощность индивидуального сознания стала сегодня главным тормозом в познании мира. Мы удлинняем сроки обучения, создаём целую индустрию поисков талантливых голов, способных усвоить максимум накопленных человечеством знаний, изобретаем новые способы обучения, вдалбливания знаний, но проблема остаётся и становится с каждым днём острее. Чтобы не утонуть в океане знаний, человек разделил мир на отдельные делянки и стал изучать его по частям. Существуют сотни, тысячи научных дисциплин, на которые раскололась наука. Одна голова ещё способна усвоить по отдельности ботанику, оптику, квантовую механику, геометрию и т. д. Хотя объём знаний и в отдельных дисциплинах стремительно увеличивается, они сами в свою очередь начинают делиться на поддисциплины. Такая стратегия познания мира по частям на первых порах даёт неплохие результаты. Но рано или поздно встанет вопрос: как из отдельных фрагментов, кусочков знания об отдельных частях реальности составить цельную картину? Ведь мир един, и знание о нём должно быть единым. Тогда оно будет истинным. С помощью простого суммирования частей сложить целое невозможно. Потому что только целое определяет части. Нет сознания целого — нет частей. Значит, сама природа знания требует единого взгляда на мир, единого сознания, способного охватить мир как целое. Если человеческому сознанию такая задача не под силу, если сознание человека сегодня не может справиться с потоком знаний, который на него обрушился, то Атман способен вместить под одним «капотом» и осмыслить всю информацию о мире. У него реализация сознания идёт со скоростью, измеряющейся гигабайтами в секунду. Это в миллионы и миллионы раз быстрее, чем у человека. К тому же машинное суперсознание практически бессмертно и способно накапливать знания без сна и отдыха на обед неограниченно долгое время. Появление такого соратника и помощника в духовной деятельности сделает человека по силе мысли и практическим делам соизмеримым с силами, действующими во Вселенной. Можно сказать без преувеличения, что в истории человеческой цивилизации наступает новая эра. Нам сейчас трудно даже представить, какие изменения произойдут в обществе в ближайшее время. Поэтому я бы не советовал тебе противопоставлять своё сознание — искусственному. Мне даже кажется, что искусственное сознание является неизбежной формой существования человеческого

сознания в будущем. Биологическое сознание просто исчерпало свои ресурсы и создало ещё одну площадку для решения той же задачи — познания мира.

— *То есть, вы создали как бы продолжение, как бы филиал человеческого сознания?*

— Можно, наверное, и так сказать. Из таких соображений. Человек создаёт вторую действительность с помощью системы знаков, чтобы, манипулируя обозначениями предметов, с меньшими затратами познавать мир и приспосабливать его для удовлетворения своих нужд. А во имя чего будет удваивать мир в сознании машина? У неё собственных физиологических потребностей нет. Проблем выживания и поддержания равновесия со средой она не знает. Энергоснабжение ей гарантировано. Зачем ей создавать в знаках ещё одну Вселенную? Удваивать ради удвоения бессмысленно. А ответ простой. Поскольку машинное сознание является творением человеческого сознания, у машины никаких других целей познания, помимо человеческих, нет и быть не может. Поэтому искусственное сознание неизбежно является человеческим и по целям, и по назначению. Я бы даже так красиво выразился: искусственное сознание в основе есть сознание человеческое, перенесённое на железный носитель.

— *А теперь такой вопрос: судя по тому, что ты сказал, сознание реализуется и существует только через слово, оно по природе своей рационально. В логике слов выражается логика мира. Но ведь в сознании есть ещё такие иррациональные вещи, как интуиция, эмоции, догадки, прозрения. Вы их тоже воспроизвели? Как у Атмана обстоят дела с ними?*

— Никак. Ты неточно выразился. Сознание только рационально. Значит, в нём нет и не может быть иррациональных вещей. Это психика человека включает в себя кроме рационального сознания такие иррациональные вещи, как эмоции, интуицию, способность к догадкам, прозрению. Но рациональная и иррациональная части психики существуют отдельно, хотя между ними есть и взаимодействие. Человек живёт и умом, и сердцем. Но мы эмоциональную, иррациональную часть психики не воспроизводили. Для этого нам пришлось бы воспроизвести всё эволюционное прошлое человека. Слишком затратно.

— *А будет ли такое сознание без иррационального приложения полноценным?*

— Абсолютно. Сознание самодостаточно и полностью соответствует задачам, для решения которых оно было создано матушкой-природой. Логикой сознания является логика самого мира. И потому в мире не может быть ничего, что было бы недоступно сознанию. “Книга Природы написана математическими символами”, — говорил ещё великий Галилей. Вся история науки подтверждает эту истину. Через двести лет ту же мысль своего предшественника повторил почти дословно Эйнштейн: “Природа представляет собой реализацию простейших математически мыслимых элементов”.

— *Но широко распространено убеждение, что в мире есть много чего такого, что невозможно поверить алгеброй.*

— Такие утверждения звучат красиво, однако за ними кроются просто не совсем точные представления о структуре психики и взаимодействии составляющих её частей.

— *Но ведь иррациональное существует. А значит оно необходимо для чего-то. Природа ничего не создаёт просто так без необходимости.*

— Чтобы разобраться в этом, нам придётся поговорить немного и об иррациональном. Хотя бы для того, чтобы стало понятнее, какую роль играет сознание в нашей жизни. Чтоб меньше было кривотолков о неполноценности рационального без иррационального.

Итак. Мы с тобой уже знаем, что сознание является наиболее совершенным механизмом, обеспечивающим поддержание равновесия живого организма со средой. Но как решал живой организм эту же задачу, когда сознания ещё не было? Как, не имея знания о своём знании, живые существа всё-таки каким-то образом фиксировали его и адекватно реагировали на постоянно меняющиеся внешние условия? Они делали это с помощью эмоции. Она сразу давала оценку поступающей информации и обеспечивала адекватное поведение животного в ответ на внешние воздействия.

Появление эмоционального механизма приспособления к окружающей среде понял и объяснил гениальный российский физиолог П. Анохин. В Советском Союзе физиолога не особо жаловали и его исследования остались в тени трудов взятого в официальный номенклатурный оборот нобелевского лауреата И. Павлова. Но павловские условные рефлексy лишь частный случай более фундаментальной теории опережающего отражения, созданной П. Анохиным. Если схематично, в двух словах теория выглядит приблизительно так. Простейшие живые существа появились в воде — жизнь вышла из океана. Вначале они по плотности не очень отличались от водной среды и были открытыми системами. Как часть этой среды они были связаны с ней через ряд химических превращений, которые начинались на границе живой протоплазмы и продолжались в форме целой цепи отдельных реакций, заканчивавшихся либо вредным, либо полезным для жизни итогом. Естественно, что из общего потока реакций закреплялись в первую очередь строго повторяющиеся, связанные, например, с восходом солнца или наступлением ночи. Такая регулярность создала почву для появления ферментативных белков, под каталитическим действием которых реакции в протоплазме получили значительное ускорение. Теперь цепь химических преобразований в ней происходит в миллионы раз быстрее последовательного ряда внешних событий. Как только на границе протоплазмы начинается реакция, допустим, “зет”, живая клеточка мгновенно прокручивает её до конца и уже по первому звену, играющему роль безусловного сигнала, тут же узнаёт её итог. Если он благоприятен для жизни — он тут же помечается химическим элементом типа опиата, если вредный — другой химический элемент — адреналин тут же запускает негативную реакцию отторжения. Эмоции — сплошная химия. Всё живое взвешивает в эмоции мир на весах “полезно — вредно”. Этот универсальный и древний иррациональный механизм, дающий одновременно знание о внешнем мире и оценку его полезности, вполне эффективно обеспечивает живому организму выживание, помогает сохранить равновесие со средой. Иррациональный — значит не рациональный, выражающий логику объективного мира, а оценочный, выражающий значение явления объективного мира для сохранения жизни. Иррациональное познание существует не потому, что существуют какие-то предметы, постигаемые только таким иррациональным образом, а потому, что таким синкретичным иррациональным образом только что родившаяся жизнь реагировала на воздействия внешней среды.

А теперь вернёмся к человеку. У него есть новый механизм выживания — сознание. Но ведь и старый механизм никуда не делся и продолжает функционировать. Как он уживается в человеке с сознанием? Кто из них и чем управляет? Их взаимодействие никогда и никем ещё не исследовалось, поскольку не было чёткого понимания ни рациональной природы сознания, ни оценочной (а значит, иррациональной) природы эмоций. Отчасти отношениями двух механизмов приспособления впервые занялся З. Фрейд. У него они выглядели как проблема отношения сознательного и бессознательного. Он представлял сознание всадником, который оседлал дикое необъезженное подосознание и пытается управлять им. Иногда ему это удаётся, иногда — не очень. Иногда разум берёт

верх, иногда — необузданные страсти. Кое-что из реального взаимодействия двух механизмов выживания З. Фрейд, действительно, угадал, но ещё больше нагородил турусов на колёсах, особенно о либидо, сублимации, эдиповом комплексе, символике снов и т. д.

Сознание, как более высокая форма отношений с реальностью, существенно преобразует эмоциональный механизм взаимодействия со средой. Во-первых, сознание оттесняет эмоциональную реакцию на второй план. Эмоция опосредуется теперь сознанием. Причём происходит это само собой самым естественным образом. Если я собираю малину в лесу, и кто-то кричит: “Медведь!”, я реагирую на слово “медведь” как на самого медведя — выброс адреналина, чувство страха и в ту же секунду ноги в руки. Но если за словом “медведь” следуют другие слова, описывающие ситуацию, я повременю брать задние конечности в руки при слове “медведь” и приторможу выделение в кровь адреналина до тех пор, пока не переварю дополнительную информацию об опасном звере. Если я узнаю, что медведь находится на том берегу реки, моя эмоциональная оценка ситуации существенно изменится. Я доберу лукошко с ягодой и потихоньку пойду себе от берега.

Происходит ещё одно очень важное изменение в эмоциональном механизме у человека. Человек существо социальное. Он не может существовать вне общества. И потребности общества становятся потребностями отдельного человека. Он теперь в эмоциях взвешивает мир на весах “полезно — вредно” с точки зрения не только своих индивидуальных, биологических потребностей, но и потребностей общества, которые человек переживает как свои. Появляется совершенно новый класс ценностей, присущих только человеку, — эстетических и нравственных, а значит и совершенно новый человеческий класс эстетических и нравственных переживаний.

Поскольку человек сознаёт не только мир, но и своё эмоциональное отношение к нему, у него возникает потребность зафиксировать и передать эмоциональный опыт другому сознательному человеку. Так возникает такой род духовной деятельности, как искусство, которое занимается этим. Оно аксиологично, то есть оценочно по своей природе. Ввиду того, что эмоцию, в отличие от информации, передать по каналам связи невозможно (я могу её только сам пережить), сознание прибегает к хитрости: оно воспроизводит те предметы в природе, те ситуации в человеческой жизни, которые эти эмоции рождают — воспроизводит в рисунке, скульптуре, танце, на театральной сцене, на экране кино или телевизора, в литературных образах. Исключением, пожалуй, является лишь музыка, которая не указывает ни на что за её пределами, она сама есть интонация, эмоция в живом движении и развитии.

Таким образом, наука и искусство — это два совершенно разных вида духовной деятельности. Итогом деятельности научного сознания является истина. Знание предмета как он существует сам по себе. В искусстве — правда жизни. Искусство представляет нам мир в человеческом измерении через систему нравственных и эстетических оценок. Иррациональных по своей природе. Поэтому истина всегда одна, а правд может быть много. Потому что правда, помимо объективной информации о предмете, содержит интегрированно её отношение к интересам, потребностям человека. Простой пример. Мы с тобой играем в шахматы. Я говорю о сложившейся конфигурации фигур на доске: ужасная позиция! И я прав. Ты об этой же конфигурации заявляешь совершенно противоположное: прекрасная позиция! И ты тоже прав. Мы оба говорим правду. Потому что правда есть, в данной ситуации, определённое расположение фигур (объективная составляющая суждения) плюс мои интересы. И для них это ужасно. В твоём утверждении содержится то же

расположение фигур (та же объективная информация) плюс твои интересы. И ты определяешь позицию как прекрасную.

У искусства и науки, как у эмоции и сознания, совсем разные задачи. Они дополняют друг друга при решении человеком задач выживания, но каждый действует в пределах своей компетенции. К чему я подчёркиваю данный момент? Да потому, что, не понимая их отношений, требуют от науки, чтобы она решала задачи искусства, а искусство — задачи науки. От рационального сознания требуют иррациональности эмоций. А поскольку для сознания они недоступны, говорят об ограниченности, ущербности сознания. Как же! Материя искусства “недостижима для систематического анализа, недостижима для истины”! В кавычках я привёл слова великого Нильса Бора из его книги “Атомная физика и человеческое познание”, который так и не смог для себя разрешить проблему соотношения рационального и иррационального. Если искусство — царство правды, как в нём можно найти истину?

— Мне хотелось, чтобы ты высказался по ещё одной очень важной, мне кажется, проблеме, связанной с безопасностью. Творения человеческих рук имеют свойство восставать против своих хозяев. Вспомни мифического Голема, слепленного по рецептам каббалы, который расправился со своими создателями, когда набрал силу. На фоне искусственного суперсознания с его супервозможностями скромные способности человеческого сознания тоже выглядят уж очень хлипко. Не захочет ли наш помощник стать господином? А нас превратить в своих рабов? Есть гарантии, что прабиблейская история не повторится?

— Возможно, проблема такая действительно есть, и я думаю, она станет предметом обсуждения в обществе. Что касается моего мнения, я тебе расскажу на сей счёт другую, зороастрийскую легенду. Однажды вечером, когда все тени обычно становятся невероятно большими, тень человека сравнила себя с хозяином, удивилась его малости и решила, что сможет обойтись без него. Она восстала против всего светлого в человеке, и опьянённая своим мнимым величием, отрубила ему голову. В результате сама осталась без головы. Мораль: какой бы большой ни была тень, она остаётся всего лишь тенью, отбрасываемой человеком. И нанося вред человеку, она наносит вред себе. Соответственно, какими бы сверхвозможностями ни обладало искусственное сознание, оно всё равно является производным от человека, неотделимо от его сознания, от его интересов, от целей, которые он ставит. Противостояние искусственного сознания своему создателю, как я уже говорил, в принципе невозможно и опасаться его, на мой взгляд, не стоит.

Кроме того, процесс познания не исчерпывается процессом мышления, процессом манипулирования знаками (значениями) вещей. Чтобы проверить, насколько установленные в процессе мышления связи между обозначениями предметов соответствуют связям, существующим между предметами в реальности, необходимо обратиться к практике. Что в состоянии сделать только человек. Любое суперсознание тут беспомощно. И оно прекрасно осознаёт это. Такое положение вещей, если хочешь, можно рассматривать и как гарантию взаимовыгодного сотрудничества сознаний — человеческого и искусственного, а значит и как гарантию безопасности.

— Но у безопасности есть ещё один аспект, не учитывать который нельзя. Человек, как сознательное существо, конечно, заслуживает восхищения. Ещё бы! Какая-то козявка, возникшая на заурядной планете близ заурядной звезды, затерянной среди миллиардов и миллиардов галактик в бесконечном космосе, стала, как ты говоришь, равновеликой в мысли и действии безграничной Вселенной! Есть чем гордиться! Но с другой стороны, эти же люди,

так кичащиеся своим разумом, заслуживают не меньшего презрения. Любое достижение цивилизации — огонь, железо, атом, они тут же превращают в разрушительную силу, в средство уничтожения себе подобных. И мне становится не по себе от мысли, что и супервозможности суперсознания могут попасть в плохие руки. И тогда, даже при полной лояльности искусственного сознания человеку, суперсознание может превратиться в источник невероятных бедствий, если оно будет сотрудничать с теми, у кого, скажем так, не совсем добрые намерения. Его могут привлечь для создания новых видов оружия, допустим. Можно предотвратить такой ход событий?

— Я вообще-то не специалист по проблемам безопасности и опять-таки могу высказать только своё мнение на сей счёт. Я считаю, что проблема безопасности будет решена приблизительно в такой плоскости. До сих пор человечество развивалось в условиях острого и постоянного дефицита ресурсов, что рождало агрессивность, вечную конкурентную борьбу за источники существования. И сегодня миллиарды людей на земном шаре голодают, миллионы ежегодно умирают из-за отсутствия еды. Вопреки всем божественным заповедям. Вопреки приверженности высоким моральным принципам, во всяком случае, на словах, руководителей самых богатых государств мира. Все войны, которые беспрерывно шли в течение четырёх тысяч лет (а историки подсчитали, что только 292 года из них были мирными), в какие бы цивилизованные формы они ни рядились, шли за банальный кусок хлеба. Сегодня этот кусок выглядит как баррель нефти. Я думаю, что супервозможности искусственного сознания позволят человечеству в ближайшие годы снять проблему недостатка в энергии, в пище. А новые источники энергии избавят людей от вечной борьбы за существование. Тогда отпадёт сама собой причина постоянных потасовок за место у корыта с едой. Человек наконец-то перестанет быть угрозой для другого человека. Вооружаться до зубов для очередного похода за жизненным пространством станет бессмысленным занятием. Тогда на земле просто не останется людей с плохими руками, мне кажется. Во всяком случае, хочется надеяться на это.

— Когда состоится презентация вашего Атмана?

— Скоро. Мы не хотели бы превращать презентацию в цирковое представление с показом фокусов. Поэтому решили сначала дождаться выхода книги, где будет представлена информация об Атмане по всем вопросам. Тогда нам легче будет вести с общественностью конкретный и деловой разговор и не объяснять каждый раз на пальцах, что такое искусственное сознание и с чем его едят. Но последнее слово по срокам за теми, кто финансирует проект. Кроме чисто научных заморочек, на них давит масса проблем, связанных с конкурентами, менеджментом, надлежащим оформлением авторских прав. Всё требует времени...

— У простых людей будет возможность во время презентации поговорить с Атманом? Или задать хотя бы какой-то вопрос?

— Подготовкой к презентации занимается специальная группа. Я в их дела не вникал, но думаю, при всём дефиците времени, они выделяют час-другой для свободного общения Атмана с публикой. В том числе и через Интернет.

— Я представляю, сколько будет желающих перемолвиться хотя бы словом с господином Атманом. Поэтому, пользуясь возможностью, хочу попросить вот о чём: можно зарезервировать для наших читателей время хотя бы для одного-двух вопросов? Мы могли бы объявить что-то вроде конкурса, кто лучший вопрос придумает...

— Думаю, в принципе здесь ничего невозможного нет. Но конкретно говорить об этом лучше непосредственно накануне презентации.

— Что ж, будем ждать презентации.

г. Алматы.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

Досье для Первого, или По нотам волчьей дружбы

*Исторические параллели.
Из цикла “На плахе XX века”*

(Продолжение. Начало в № 7, 8 за 2009 год)

“Фронтвики, наденьте ордена!”

При Муссолини каждый итальянский школьник чётко знал происхождение таких основополагающих понятий, как *пролетарий* и *солдат*. С IV века до Рождества Христова римское общество делилось на пять имущественных разрядов (классов). Имущие классы составляли армию всадников и тяжеловооружённую пехоту — легионеров. Бедный — пятый — класс шёл в легковооружённую пехоту. Граждане, не входившие в пятый класс, назывались *пролетариями*. По крайней бедности их даже не обязывали к воинской службе. Но в случае большой войны их призывали в ополчение и содержали там за счёт государства. Однако воевали пролетарии всегда умело и самоотверженно.

В древнеримской армии немало было иностранных добровольцев, прежде всего германских. Для денежных расчётов с ними император Константин Первый отчеканил золотые монеты *солидус*, давшие затем миру немецкое слово *зольдат*, английское *солджер*, русское *солдат*. Жалованье профессионального солдата примерно равнялось заработку рабочего.

Муссолини, как и Гитлер, тоже не унижал армию, авиацию и флот безденежьем, хотя роскошеским финансовое и продовольственное содержание служивых можно было бы назвать разве что при самом большом воображении. Однако в любом случае при демобилизации у итальянского солдата не отбирали подчистую всё выданное ему в армии, вплоть до портянок и обмоток. А именно так поступали — и надо полагать, не без ведома великого вождя Страны Советов, в доблестной Красной Армии, когда в наркоматах обороны СССР состояли славные красные маршалы Ворошилов и сменивший его Тимошенко.

К фронтвикам Муссолини благоволил всегда. Он предрекал образование в Италии двух больших партий:

- 1) из тех, кто был на войне;
- 2) из тех, кто на войне не был.

И совершенно особую ставку ещё в конце 1918 года он делал на *ардитов*. Так назывались бывшие бойцы штурмовых армейских отрядов, настоящие сорвиголовы. Обращаясь к ним на митинге в Милане, Муссолини внушал фронтвым собратьям:

“Ардиты! Товарищи мои! Я защищал вас, когда гнусные филистеры пытались вас обесславить. Удары ваших кулаков и взрывы ваших бомб образуют мерзавцев, которые хотели бы помешать возрождению величия Италии!”.

Ардиты подарили Муссолини свой вымпел в знак дружбы и союза.

Однако весьма краткосрочное движение “народных ардитов” потом не желало слиться с чернорубашечниками дуче и вскоре сошло на нет. “Потерянному поколению” отчаянно храбрых фронтвиков, видимо, одинаково претили как бандитские выходы фашистской вольницы, так и тайные вечера итальянских коммунистов, выродившихся, по справедливому выражению Ильича Первого, в “сектантскую партию”.

С Лениным не по дороге

Муссолини всегда напористо выступал против любого иностранного влияния на Италию, будь оно британским, американским или русским. Своих недавних единомышленников по Социалистической партии он проводил по графе прямой агентуры Ленина, считая эту партию антиитальянским филиалом международного коммунизма, расценивая большевизм как — дословно — “мрачное и преступное явление регресса и контрреволюции”.

Кое-что из былых древнеримских владений дуче непрочь был вернуть любимой отчизне на веки вечные. Кое-что вернуть было нельзя. Он понимал — если начнёт, может подавиться.

Тем не менее возглашал:

“Стремление к *империи*, то есть к географическому распространению нации является жизненным проявлением фашизма. Обратное, то есть “сидение дома”, — это признак национального упадка”.

В первую очередь Муссолини хотелось “превратить Средиземное море в *Итальянское море*”.

“Расшириться или взорваться!” — любил повторять дуче.

Однако, повторяю, гегемонистского лозунга “Италия правит *всем миром!*” для него НИКОГДА не существовало. Более того, такую формулу полагал разновидностью опасного абсурда. Он не был из породы сумасбродных маньяков, заклиненных на идее геополитического верховенства. Не “товарищ Бенито”, а “товарищи Троцкий и Ленин” возмечтали о всесветной, мировой *пролетарской* революции и закатали *земной шар* целиком и полностью в государственный герб пусть громадной, однако же всего-навсего *одной* державы — СССР как совершенно конкретную и, по их первоначальному мнению, совершенно достижимую цель. Когда стало очевидно, что мировая революция откладывается, по меньшей мере на срок до Второго пришествия, а может быть, и куда больший, изображение *земшара* тем не менее советского герба не покинуло и оставалось его главным элементом до *конца*.

“Фашизм спас Италию от анархии и коммунизма”, — утверждал “товарищ Бенито”, всячески поддерживая лозунги здорового образа жизни в сочетании с доктриной своего движения: “Человек — это прежде всего тело, кровь, раса — основа расцвета духа и уверенности в жизни, спорт — это современное рыцарство”.

В большом спорте он не только активно меценатствовал, но и сам был не промах. Участвовал самолично, без каких-либо двойников, в грандиозных водных заплывах на море (позже его опыт повторял великий кормчий Мао на великой реке Янцзы). Любимым видом спорта считал лёгкую атлетику и вовсе не лёгкий бег с барьерами, причём публичный, под объективами фото- и кинокамер (этот опыт, кажется, никто из европейских и азиатских политиков так и не сумел повторить, если не считать незаурядного умения королей Скандинавии бегать на лыжах и даже устанавливать национальные рекорды).

При Муссолини был основан Институт фашистской культуры, насаждавший повсюду гордость духовным и военным наследием Древнего Рима, культ его действительно великих полководцев, приоритет веры над знаниями. Выдающийся коммунист Грамши, заточённый при Муссолини на долгие годы в тюрьму, много писал там о своём современнике и великом мыслителе Кроче, досконально пытаясь постичь его феномен. Но Грамши так и не понял, чем же мог Муссолини обаять и обаял Кроче.

Да не одного его из того мира, в котором нет людей с пустой душой и где не торгуют оптом и в розницу своими мировоззренческими принципами.

Немало интеллектуальных услуг оказал дуче неутомимый организатор науки и философ, деятельный муж фашистской государственности, неогегельянец Джованни Джентиле.

Что ему, создателю мировоззренческой системы т.н. актуализма, пожалуй, лучше многих удавалось — так это неустанно доказывать, будто бы именно движение фашизма абсорбировало “всё позитивное, чем обладали либерализм, демократия и социализм”.

Аргументировал Джентиле не только на словах и пальцах. По заданию дуче и под активным патронатом короля он и ещё 3265 подобранных им, далеко не худших авторов взялись за создание уникальной Итальянской Энциклопедии (т.н. Энциклопедии Треккани). С 1925 по 1938 год было издано 37 блистательных томов-фолиантов. По выражению историка-марксиста Джорджо Канделоро, эта значительнейшая акция стала “олицетворением компромисса, отчасти достигнутого между фашистами и католиками после примирения”.

Без устали и в самых различных вариантах Муссолини, охотно подхватывая тезисы и девизы своего литературного визиря Маринетти, обожествлял войну. Любая война, которую вела Италия, была для них обеих божественна и справедлива. Эту божественность сам Муссолини черпал из Прудона — его дуче при случае цитировал хорошо поставленным голосом. Отковал и собственный афоризм: “Война для мужчины то же, что материнство для женщины!”.

На военных парадах самолично демонстрировал, как следует выдерживать правильно так называемый “римский шаг”. Следил за тем, чтобы ВСЕ дети Италии от 6 до 8 лет входили в отряды “волчат”, а с 8 до 14 лет — в военизированные подразделения, из которых поступали непрерывные пополнения в отряды “авангардистов” (14-18 лет), после чего юноши становились членами “боевых групп” (там у каждого огнестрельное оружие + велосипед).

Для сравнения. Гитлер круто брался за молодёжь с 10-летнего возраста каждого ребёнка. Сначала мальчика обследовали на “чистоту расы” (чего у Муссолини никогда не было). Если тесты удавались благополучно, его зачисляли (а вот тут аналогия с итальянской — полная) в “молодые волки”. У Муссолини в “волчатах” пребывало 100 % детей. У Гитлера с его расовыми мерками — 60 %. Но спартанское воспитание “Гитлерюгенда” сводило к минимуму всё родительское влияние. К 18-ти годам германский юноша вступал в партию и до 21-го года готовил себя или же к госслужбе, или же к армейскому ремеслу. Параллельно “Гитлерюгенду” действовала Лига германских девушек. Её девизом были — Дружба, Дом, Материнство.

Любой выпускник средней школы в Италии обязан был сдать строгий экзамен на офицерский чин. С введением в 1934 году по всей стране самой короткой в Европе 40-часовой рабочей недели Муссолини объявил субботу днём военных занятий и патриотического воспитания молодёжи. Лозунгом её стал клич: “Верить, повиноваться, сражаться!”.

Это гордое слово — товарищ

Повсюду свято поддерживалась и соблюдалась этика фашизма, провозглашавшая примат братско-доверительных отношений между старшими и младшими, взаимного уважения, дружбы, товарищества. Слово *товарищ* и раньше было в чести, но с триумфом Муссолини оно стало первейшим в кругу партийных единомышленников, как и обращение только на *ты*.

Такая практика очень мало кому не импонировала.

О местоимениях “ты” и “вы”, о безусловно, на его взгляд, великой роли и определяющем значении *итальянского языка* “товарищ Бенито” провёл общегосударственные дискуссии, задолго предвосхитив “товарища Сталина” с его гениальными работами по языкознанию.

Но не очень-то Муссолини обогнал тут “партайгеноссе” Гитлера.

Тот тоже считал себя докой в проблемах лингвистики, хотя в отличие от Муссолини и Сталина общегосударственных языковых дискуссий не проводил. А вот в своём кругу порассуждать был горазд.

Так, например, главным гарниром к позднему завтраку 7 марта 1942 года фюрер предпослал свои компаративистские, не лишённые пристальности научных наблюдений, рассуждения о некоторых главных языках Западной Европы и всего тогдашнего мира.

Допускаю, что эти наблюдения были не им сделаны, а просто-напросто заимствованы из капитальных трудов соотечественников-языковедов и умело перелицованы. Однако в любом случае он, генетически человек еврейско-австрийских корней (в чём, право, нет ничего зазорного), солидаризовался с теми, кто возвышал свой якобы родной немецкий язык над остальными, но и не забывал окончательно об их несомненных достоинствах.

Примерно с такой же диалектикой славяно-лингвистического превосходства подходил к проблемам русского языка явно не-славянин по рождению Иосиф Джугашвили.

Но если Сталин был безапелляционен постоянно, то Гитлер — далеко не всегда ставил категоричность на первое место, облекая её в мантии доказательств жёстких, но не особо обидных для приверженцев и носителей других языков.

Более того, выступая за самобытность немецкого языка, он был против насильственного лингвистического онемечивания, обеднения и лишения языка даденной свыше его природной благозвучности, и без того не особенно богатой.

Вот некоторые из его основополагающих суждений:

“Если сравнить английский язык с немецким, а немецкий с итальянским, то можно увидеть: английский язык не способен выражать мысли, выходящие за пределы общепризнанных фактов и представлений. Напротив, посредством немецкого языка можно чётко и ясно сформулировать итоги научного познания, даже если они выходят за пределы доказанного. Немецкий народ — народ мыслителей, потому что наш язык позволяет осваивать неведомое.

У меня в Оберзальцберге однажды произнёс речь слепой итальянец, инвалид войны. Как он громыхал, как это всё красиво звучало, просто апофеоз! А когда перевели, оказалось, что он говорил и ничего не сказал, ни проблеска мысли! Итальянский язык — язык музыкантов. Нас не заставишь говорить только лишь ради самого языка. Мы не приходим в упоение от его звуков. Но в нашем языке мало гласных, и нужно следить за тем, чтобы он не обеднел... У нас теперь нет поэтов, и мы пытаемся восполнить этот пробел, работая над словом. Однако слово — это всего лишь средство, а не цель. Мысли — вот главное, а также умение правильно расставить слова. Если мы дадим тем, кто так усердно работает над словом, полную свободу, то со временем наш язык утратит всё своё благозвучие и красоту!

К сожалению, мы вынуждены сейчас ограничиться использованием только таких гласных, как А, Е, I. Из-за этого наш язык теряет свою музыкальность и беднеет! А ещё вот сюрприз! Если я говорю “Kurzschreiber” — то есть “Краткописец” — вместо “Стенограф”, то это звучит по-польски! Кроме того, само слово нелепое: изобретатель стенографии сам бы так называл своё изобретение, если бы это слово он считал подходящим. Краткописец — это человек, который пишет кратко! Люди, которые подобным образом онемечивают иностранные слова, смертельные враги немецкого языка.

Если всё пойдёт так, как они хотят, то мы не сможем больше точно и кратко выражать свои мысли, количество звуков уменьшится, они станут беднее, а наш язык станет похож на японский... Я не думаю, что на нём вообще можно будет петь...

Будем же рады тому, что у нас множество средств для выражения всех языковых нюансов. Будем благодарны за то, что иностранные термины звучат на

нашем языке весьма благозвучно. Если представить себе, что мы начнём изымать из нашего языка иностранные слова, то когда и на чём мы остановимся? Не говоря уже об опасности ошибиться в отношении языковых корней. Работа многих поколений наших предков окажется тогда ни к чему... И наконец, нам придётся отбросить всё, что некогда пришло к нам извне. Довольно безрассудства!

Логически рассуждая, нам пришлось бы дальше отказаться от любого института, который мы заимствовали из-за рубежа. Если уж быть до конца честным, то, отвергая слово “театр”, нужно отвергнуть и этот вид искусства. Было бы недостойно заимствовать какие-либо институты, а потом делать вид, будто мы их сами изобрели”.

Таким образом, Гитлер решительно выставлял себя противником языково-го империализма.

Он заявлял со всей ясностью и чёткостью — дословно:

“Вносить в язык изменения призваны только величайшие народные мыслители. В предшествующую эпоху на это был способен только один человек — Шопенгауэр. Насколько полёт мысли сообразуется с уже имеющимся словарным запасом языка, об этом может судить только гений!”.

И далее:

“Пока народ жив, он непрерывно поглощает всё новые и новые термины и понятия. Неразумно противостоять этому... Если заимствованный из иностранного языка термин укоренился у нас и хорошо звучит, то мы можем только радоваться пополнению нашего словарного запаса!”.

“Вот и занимался бы лингвистикой, — сказал Д. А. — А то ведь вон куда его понесло!”.

Сошлись мы тут с Д. А. на том, что в своих лингвистическо-филологических воззрениях применительно к их философской теории и социальной практике Гитлер где-то приблизился к не лишённым прагматической целесообразности максима “товарища Ленина”. Скорее всего, независимо от Ильича Первого. Самостоятельно. Однако, право, чем чёрт не шутит, пока Бог спит — возможно, и российский гения почитывал на досуге германский владыка.

Как знать?

И ещё никем не разгаданный вопрос: а не противостоял ли тут сознательно фюрер концепциям дуче?

А может быть, разгадка гораздо проще. И её удачно сформулировал сам Гитлер, если верить его летописцам, за трапезой в полдень 3 апреля 1942 года в своей Ставке “Волчье логово”. Там он рассказал несколько эпизодов из своей жизни, и, как засвидетельствовал министерский советник Генрих Гейм, “помимо прочего напомнил, что раньше очень хорошо ходил на лыжах, но с тех пор как оказался в центре внимания общества, бросил это занятие. Ибо у вождя есть право выступать только в тех сферах, где он твёрдо уверен в своих силах, иначе все недовольные используют его неудачу для того, чтобы распускать дискредитирующие его слухи”.

В принципе на слухи такого рода ни дуче, ни фюрер официально не реагировали. Тут они уверенно держались в фарватере западных демократий. Трудно, да и невозможно представить себе, скажем, Рузвельта или Черчилля оправдывающимися публично за какие-то существующие или несуществующие прегрешения. Например, Черчиллю за карикатуры в английских газетах, уличавшие его в изрядном пристрастии к народным напиткам повышенной крепости. Или Шарлю де Голлю за свой крупный нос, который постоянно фигурировал в разного рода сюжетах карикатуристов.

Иначе всё было в Советском Союзе, особенно при Сталине. Не то что газетных карикатур — дружеских шаржей вождь не жаловал.

Ленин с Троцким к ним относились вполне терпимо.

Хлеб всему голова?

Не шибко богатая Италия даже в пору своего колониально-милитаристского могущества и величия от своих викторий в Ливии, Абиссинии, в Испании, на Балканах не получала высоких дивидендов, на каковые рассчитывала. Но тем не менее тратила невероятные деньги на военные расходы. Тогда как в США, Британии, Франции эти расходы соответственно составляли 18,3 %, 24 % и 28,5 %, в Италии они превышали *половину* всего бюджета государства (53,7 %).

Среди многочисленных социально-пропагандистских кампаний и всеитальянских *битв*, проводимых имперской политикой, видные места занимали Битва за Большой Хлеб и компания за высокую рождаемость, снабжённая чётким эпиграфом из самого Муссолини: “Больше населения — больше солдат — больше могущества. Право на создание Империи есть только у плодородных народов”. Итальянская молодёжь пачками телеграмм оповещала дорогих дуче о своих обязательствах “через год подарить новых солдат любимой родине”. Лидировали в этом демографическом состязании южные области Италии.

А вот с Битвой за Большой Хлеб там и в других местах страны вытанцовывалось похуже — скуповатые на высокие урожаи зерна итальянские земли не поддавались патриотическим призывам и уговорам. В 1936 году средние сборы зерна не превышали по Италии 12,6 центнеров с гектара, тогда как в других европейских странах они были намного выше. Например, в Германии — 22,1; в Бельгии — 27,2; в Дании — 29,5.

(В СССР урожай зерновых культур в 1938-1940 годах составлял 7,7 центнеров с гектара. В царской России перед Первой мировой войной — в 1913 году — 8,2 центнера).

В иные периоды Второй мировой войны хлебный рацион итальянцев доходил до 150 граммов на душу.

Хуже не придумать.

Правда, идеологические ниспровергатели дуче умалчивали о макаронах, которые в войну итальянцы не ели от пуза, но по-прежнему уминали в приличных количествах. Однако уж таковы вечные правила вечной игры в политическую порядочность — объявить непорядочным оппонента. Даже если на то не хватает увесистых доказательств. Тогда, пожалуй (и примеров тому тьма-тьмущая), сойдут любые.

Весной 1931 года, когда в крупных регионах СССР, особенно в Казахстане, свирепствовал страшный голод, именно в Риме представители 46-ти государств ломали голову над тем, куда девать гигантские излишки пшеницы. Было предложено скормливать их после переработки скоту. Европейские коровы ели пшеницу элитных сортов. Коров изводили на кормовые лепёшки для свиней. Но трудовой народ по-прежнему оставался без еды — вздутые цены поддерживались системно.

В Италии неважно обстояло не только с хлебом, а и с мясом. В год средне-статистический итальянец его потреблял всего 16 килограммов, тогда как француз — 38, а датчанин, американец и англичанин — по 64 кило каждый.

К тому же великий мировой кризис конца 20-х — начала 30-х годов подкинул Италии *миллион* безработных.

Любой другой правитель и управитель в такой ситуации опустил бы руки и сдал свои государственные дела кому-нибудь с огромной радостью. Но не таким был “товарищ Бенито”, однажды в обстоятельном споре со своими оппонентами обронивший фразу, которая вскоре стала девизом для всей Итальянской империи и всех итальянцев:

“LE DUCE HA SEMPRE RAGIONE!” —

“ДУЧЕ ВСЕГДА ПРАВИ!”.

Все стены от Турина до Неаполя были в повторах этого главного его постулата. Портреты дуче — поясные и во весь рост — сосчитать по всей метрополии тоже было невозможно. В колониях жаркие ветры надували паруса этих изображений, поднятые в самых неожиданных местах.

В гостях у психов. И ещё раз об истории с великолепной тростью Фридриха Ницше

Газеты усердно фиксировали едва ли не каждый шаг Муссолини, заполняя страницы восторженными отчётами о его бесконечных и разнообразных общениях с итальянским народом. Что ж, североамериканская пресса или советские газеты о своих руководителях писали не меньше. Однако, применительно к дуче, повторяю, был тут и явный перебор. Причём похлеще, чем в случае с укрощением вулкана Этна.

Однажды уж совсем чересчур перестаралась римская газета “Мессаджеро”. 17 июля 1937 года она опубликовала довольно пространственный отчёт своего репортёра о посещении Муссолини специальной лечебницы для не вполне умственно здоровых.

С бурным восторгом описывалось, как тамошние эпилептики горячо приветствовали появление всенародного и горячо любимого вождя в их среде, который с подобающими ему заботой и милосердием пылливо интересовался условиями быта и лечения больных, а также материальным обеспечением обслуживающего их персонала.

Действительно, в отличие от Гитлера, Муссолини постоянно заботился об убогих и сирых — в то самое время, когда Гитлер вынашивал секретный план тотальной физической ликвидации в самой Германии ВСЕХ сильно увечных инвалидов, уродов, умственно неполноценных. Сам Муссолини никогда не был сумасшедшим и вроде бы никогда не метил в таковые. Он мог обуздывать вождение даже самых горячих сумасбродов (собственные — тоже) и даже по-своему очень любил это занятие. Но к настоящим сумасшедшим приглядывался.

Больше всего на свете дуче боялся сойти с ума. Как его и Гитлера духовный кумир и создатель “философии бытия” и мифа о сверхчеловеке Фридрих Ницше, от чьих идей испуганно отпрянула философская элита социалистического мира. Не говоря уже про обычных его граждан, напрямую отождествлявших интеллектуальный мир Ницше с исчадием вселенского зла лишь на том основании, что творчество знаменитого германца чтит (и высоко оценивал) Гитлер.

Да, Ницше боялся сумасшествия (панически страшился безУМИЯ и Пушкин). Но в конце концов великий германец тронулся умом и последнее десятилетие своей жизни провёл в полном сумасшествии, так и не сумев вернуть себе не искажённое страшным недугом сознание.

Однако до самой кончины Ницше не расставался с великолепной тростью, которую при посещении Гитлером родных пенат покойного философа в Веймаре услужливо преподнесли ему на память.

Подарок не принёс Гитлеру счастья и удач.

Тогда находчивый фюрер быстро переподарил трость своему лучшему итальянскому Другу.

Муссолини трость Ницше тоже не осыпала каскадом желательных чудес.

Скорее, наоборот.

Но так ли уж изначально природа удач была заложена в обладании или необладании этой тростью?

История с тростью Ницше ещё раз (и отнюдь не лишней) высвечивает некие грани двух “сверхчеловеков” — *мистическую* у Гитлера и *фаталистскую* у Муссолини.

Короче, не в меру усердной газете “Мессаджеро” крепко нагорело. Однако, кажется, на том инцидент был исчерпан.

Ибо отношения у дуче с прессой были совсем иными, чем, скажем, у Гитлера и Сталина.

У тех рептильная журналистика покорно приплясывала перед ними, а когда было им надо, лезла из кожи вон, дабы доказать свою верноподданность.

А Муссолини, как Ленин с Троцким, никогда не забывал о своей главной профессии — журналиста и знал, что никакое наказание не может стимулировать нелёгкого труда “подручных партии” — так позже назвал журналистов их лучший друг и родственник Никита Сергеевич Хрущёв (у того в журналистике были зять и дочь).

... Телефоны в огромном кабинете Кунаева, кроме аппарата ВЧ-связи, крупно украшенного золочёным гербом СССР, были отключены.

Москва, как правило, до полудня молчала — благодатно и успокоительно сказывалась трёхчасовая разница во времени.

Зато потом роздых летел кувыркком и начинался бешеный “колокольный перезвон” — у каждого аппарата был свой голос.

“Интересно, а вот к Муссолини так часто названивали?” — спросил Д. А., всё ещё надеясь продлить наш очередной *италийский* сеанс.

Я ответил: “Едва ли”.

“А это ещё почему?” — похоже, обиделся Д. А. за Муссолини.

“Уже хотя бы по той простой причине, что такой ВЧ-связи, какая у нас в СССР, никогда не было и пока ещё нет нигде в мире”.

“А-а, ты говоришь о блат-связях! — не дослышал сквозь перезвон или же понял по-своему моё разъяснение Кунаев. — Действительно, блат выше Совнаркома. Страшное дело! Это мне ещё Бабкин говорил”.

Фюрер считал, что Христос был арийцем, а дева Мария родила сына божьего не от Духа Святого, а от римского легионера

Воистину прав был Д. А., утверждая, что сам чёрт не разберёт, когда Гитлер, этот “Адольф Алоисович” (папашу звали Алоисом), говорил правду, а когда нет. Так у него, “Адольфа Алоисовича”, получалось и с философско-религиозными воззрениями.

С одной стороны, полное отрицание всемогущества Господа Бога. С другой — незаурядные познания Ветхого и Нового Завета.

С одной стороны (от солдатского живота) на алюминиевых пряжках поясных ремней вермахта выпукло значилось “Мит унц Гот!” — “С нами Бог!”. С другой — самые жгучие проклятия христианству и его добролюбивым слугам.

С одной стороны ежегодные субсидии рейха церквям, доходившие почти до миллиарда рейхсмарок.

С другой — раздражённые филиппики вождя на тот счёт, что “попы преимущественно заняты тем, что подрывают основы национал-социализма”, втайне и явно мечтают о том, чтобы “захватить властные позиции”.

По записям Генриха Гейма, 22 октября 1941 года вождь германского народа заявил:

“Партия хорошо делает, не вступая ни в какие отношения с церковью. У нас никогда не устраивались молебны в войсках. Пусть уж лучше меня *на какое-то время* отлучат от церкви или предадут проклятию. Дружба с церковью может обойтись очень дорого. Ибо, если я достиг чего-либо, мне придётся во всеуслышание объявить: я добился этого только с благословения церкви. Так я лучше сделаю это без её благословения, и мне никто не предъявит счёт”.

Далее фюрер подчеркнул:

“Второго такого ханжеского государства, как Россия, не найти. Там всё построено на церковных обрядах... Попы опасны, когда рушится государство. Тогда они собирают вокруг себя тёмные силы и вносят смуту — какие только трудности не создавали римские папы германским императорам! Я бы с удовольствием выстроил всех священнослужителей в одну шеренгу и заставил побеспокоиться о том, чтобы в небе не появились английские или русские самолёты. В данный момент больше государству даёт тот, кто делает противотанковые орудия, чем тот, кто машет кропилом...”.

Но высказав здравую мысль, германский вождь не выстроил своих попов в одну шеренгу.

Выстроил их, разумеется, не в буквальном смысле, другой вождь — советский.

С благословения великого Сталина и выткалась — поначалу у иерархов российского православия — самоценная патриотическая идея подкрепления молитв о Победе денежными и прочими взносами в Фонд обороны.

Её активно, причём без каких-либо подсказок и понуканий партийно-советских властей, единодушно поддержали отцы других религиозных конфессий — в мечетях, синагогах, молельных домах.

Миллионы кровных рублей богомольцев, многие пуды церковных драгоценностей были обращены в самолётные эскадрильи и танковые колонны для Красной Армии.

Гитлер же не мог действовать так. Он даже полагал урезать государственные субсидии церкви в 20 раз, утверждая, что “за эту сумму князья церкви будут ему сапоги лизать”.

Примечательны мировоззренческие сентенции фюрера, подаренные им его слушателям днём 27 февраля 1942 года в Ставке “Волчье логово”:

“Провидение всегда одаривает победой того, кто умеет правильно распорядиться умом, которым наделила его Природа... Иной раз уже *прошлое даёт ответ на вопрос, как прожить в этом мире*, которым правят законы, данные нам свыше: помогай себе сам, тогда поможет тебе Бог! Это сознание того, что Человек сам кузнец своего счастья или, наоборот, своего несчастья...

Ложь недолговечна. Я не верю, что Истину можно утаивать долго. Она одержит победу! Я полагаю, в этом вопросе ещё наступит век терпимости. И потому могу только сказать: пусть каждый будет счастлив на свой манер! В античную эпоху царил терпимость — никто не пытался обратить другого в свою веру...

Я иду в церковь не для того, чтобы слушать службу. Я только люблю красоту здания... Я рад, что у меня нет внутренней связи с верующими. Я себя превосходно чувствую в обществе великих исторических героев, к которым сам принадлежу. На том Олимпе, куда я восхожу, — блистательные умы всех времён...”.

Ну что тут сказать?

А после победоносной войны — это уже засвидетельствовал не Генрих Гейм, а Генри Пикер, 7 апреля 1942 года — германский вождь собирался принять меры, которые “очень сильно помешают католической церкви привлечь на свою сторону молодое поколение”.

Что же это за меры?

Во-первых, не допускать, чтобы дети в возрасте 10-ти лет становились членами монашеских орденов.

Во-вторых, духовным лицом может стать только тот, кто отбыл трудовую повинность и службу в армии.

В-третьих, не сразу, но постепенно он прикроет монастыри, как католические, так и все прочие.

Женские — в последнюю очередь.

“Крестьянке я не хотел бы навязывать свою философию. Учение церкви — тоже своего рода философия. Но философия бессилия и покорности. А это просто замечательно, когда человек безропотно чтит законы”, — говорил Фюрер.

И всё-таки он обещал вообще ликвидировать церковь. Но не одним махом и не двумя-тремя, а, просвещая умы, — *постепенно и безболезненно*.

При этом многозначительно оговаривался:

“Если нам удастся”.

А покамест распоряжался, чтобы представителям евангелической церкви выделили за государственный счёт приличную одежду. Дабы их грязные воротнички и засаленные сюртуки не портили в Берлине общую картину ежегодного дипломатического приёма.

Телескоп предпочтительнее креста и причастия

Проектируя заселение немцами новых пространств на Востоке, Гитлер оставлял однако места для церквей. Но в каждом поселении, по его настоянию, непременно должна была быть оборудована для всех его жителей астрономическая обсерватория.

С хорошим телескопом.

Для регулярного обозрения Неба. Ибо только в этом можно как-то приобщиться к Бесконечности Всего Сущего, в котором и человеку находится своё место.

Из громадного труда русско-немецкого академика Якова Грота о великом Гавриле Державине все мы, должно быть, помним, что телескоп был непременной принадлежностью одухотворённого бытия поэта и сановника. Он держал его на высокой террасе своего имения в Званке и не было такого вечера или такой ночи, чтобы Поэт не пообщался бы с Небом.

Открылась бездна, звёзд полна.

Звездам числа нет.

Бездне — дна.

Фюрер вряд ли много знал о Державине и, конечно же, не цитировал этих ломоносовских стихов. Но, он, как и его великий соплеменник Кант, вполне разделял космогоничность их творца — не менее великого мужа российской науки Михайлы Ломоносова, который, как известно, немало полезного почерпнул на учёбе в Германии.

“Человек превосходит животное, и чудеснейшим доказательством этого превосходства служит тот факт, что Человек понял — существуют высшие силы!” — восторженно восклицал Гитлер.

Но вот кого он считал Человеком, а кого — недо-человеком, сие, по-моему, давно общеизвестно. Однако и тут его закоснелым догматиком не назовёшь. Его представления о полноценности той или иной расы или её разновидности не были окаменело-застывшими.

Например, самолично побывав летом 1941 года вместе с Муссолини на Украине, он, хотя и хлётко говорил об увиденных там лентяях и лежебоках, но тем не менее уже больше никогда не относил тамошнее коренное население к недочеловекам. Более того — великодушно интегрировал украинцев, и в особенности украинок из явно, по его убеждению, неполноценной славянской расы в расу наивысшую — *арийскую*. Об этой примечательной поездке я ещё скажу.

А чистопородных арийцев, повторю, он обнаруживал в самых неожиданных для нас местах:

“Мы потеряли германцев, которых в Северной Африке называли берберами, а в Малой Азии — курдами”.

Ладно ещё, что Норвегию с её преимущественно светловолосым и голубоглазым населением он относил к арийской зоне, а жителей Швейцарии считал “выродившимся ответвлением германского народа”.

Я бывал и там и там. Могу подтвердить, что меня — по рождению “восточного человека” — принимали за немца и в Скандинавии, и в Швейцарии. Но вот разве не удивительно, что, повторяю, ещё с 20-х годов Гитлер чистокровного арийца увидел в Кемале Ататюрке и находил в нём, как и в Муссолини, эталон для всяческого подражания.

Пять месяцев спустя после совместной с Муссолини поездки на Украину он, твёрдо убеждённый, что война близится к победоносному для Германии, Японии, Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии и других его союзников завершению, вновь объявил в кругу своих единомышленников о последней великой задаче своей эпохи — решить проблему церкви.

“Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за своё будущее!” — подчеркнул ещё один новоявленный Архитектор Века.

На решение *национальной проблемы* он отмеривал двести лет — “при последовательном руководстве”.

И в отношении религиозных конфессий он тоже не предлагал имперскому министру по делам церкви немедленных кардинальных действий в духе тех, которые были предприняты в СССР после кончины Ленина и в то время, когда Троцкий был в изгнании.

Гитлер рекомендовал, размышляя, и размышлял, рекомендуя:

“Нужно подождать, пока церковь сгниёт до конца, подобно заражённому гангреной органу.

Нужно довести до того, чтобы с амвона вещали одни дураки, а слушали бы их одни старухи.

Здоровая, крепкая молодёжь уйдёт к нам...

Я не против государственной церкви, как у англичан. Но мир просто не может так долго держаться на лжи...

Христос был арийцем.

Однако (апостол) Павел использовал его учение, чтобы мобилизовать преступные элементы и заложить фундамент предбольшевизма.

С его победой античный мир утратил красоту и ясность. Что это за Бог, которому нравятся, как люди перед его ликом умерщвляють свою плоть?..

Ислам, пожалуй, ещё мог бы побудить меня вперить восторженный взор в небо.

Но когда я представляю, как пресно и скучно на христианских небесах!

В этом мире есть Рихард Вагнер, а там только “Аллилуйя”, пальмовые ветви, младенцы, старики и старухи.

Дикарь поклоняется хотя бы силам Природы.

Христианство же стремится заставить уверовать в “чудо преображения”.

Ничего более нелепого человеческого мозг в своём безумии и выдумать не мог...

Да негр с его фетишем в тысячу раз выше того, кто верит в чудесное преображение!

Подчас теряешь всякое уважение к человечеству. Не к массе — её ничему другому никогда и не учили. Но когда министры — члены нашей партии и генералы убеждены, что нам не победить без благословения церкви!..

Наша религиозность — это вообще позор.

У японцев-христиан религия преобразована применительно к их миру. Но им легче. Религия японцев возвращает их к Природе. А христианский тезис о загробном мире — он совершенно не состоятелен...

Провидение создало каждого человека с неотъемлемыми расовыми признаками, и это уже само по себе отрадно. Как же нам не радоваться тому, что нам кажется прекрасным!

Я стремлюсь к такому порядку вещей, когда каждый твёрдо знал бы о себе — он живёт и умирает во имя сохранения своей расы...

Очень хорошо, что я не пустил попов в партию... Я завоевал государство, не испугавшись проклятий обеих конфессий.

Если бы я тогда, в самом начале, прибег к услугам церкви, то сегодня меня постигла бы судьба дуче.

САМ ПО СЕБЕ ОН ВОЛЬНОДУМЕЦ.

Но он пошёл на уступки церкви, хотя ему, подобно мне, следовало бы совершить революционный акт.

Я бы на его месте вторгся в Ватикан и вышвырнул бы оттуда всю компанию. Потом сказал бы: "Извините, ошибся!". Но зато её уже там не было бы".

Коротко и ясно.

Не правда ли?

Кое-какие из наиважнейших заповедей партайгеноссе Гитлера и как он их выполнял

*Задача в том, чтобы освободить
Немецкий СОЦИАЛИЗМ от Маркса.*

*Освальд Шпенглер "Пруссачество и социализм".
Петроград, 1922, с.6.*

*Рецепт Гитлера — сперва говорить
только о мире, чтобы вооружаться до зубов.*

*Из письма коммуниста № 1
Германской Демократической Республики
Вальтера Ульбрихта канцлеру
Федеративной Республики Германии
Конраду Аденауэру. 1957.*

Итак, заповедь первая. ФЮРЕР ВСЕГДА ПРАВ! Ибо фюрер — высший выразитель национального и расового духа, народной судьбы.

Заповедь вторая. Ты — представитель партии. Равный на это своё поведение и свои действия. Национал-социалист — во всём и для всех образец!

Заповедь третья. Верность и самоотверженность!

Заповедь четвёртая. Право — это всё, что полезно Движению, тем самым — Германии, а значит твоему народу!

Выполнять эти заповеди Движению национал-социализма в расчёте на буржуазию, бюргерство, интеллигенцию никак не приходилось.

Но и они, не раз повторял Гитлер, бывают героическими в том случае, если кто-то уверенно посягает на интересы их кошелька. С учётом этого обстоятельства сам Гитлер и посягнул.

Однако без АРМИИ и, в особенности, без РАБОЧИХ завоевать высшую власть в стране было просто-напросто невозможно.

И он — завоевал.

Причём — ЛЕГИТИМНО!

Каким видел Гитлер систему государственного управления в Германии?

Тут шесть главных условий.

Первое. Третий рейх должен быть РЕСПУБЛИКОЙ. Если угодно, империей, но без императора. Наделённого же всей полнотой власти фюрера следует избирать.

Второе. Коллективным органом обязано быть НАРОДНОЕ правительство с его безусловной поддержкой фюрера.

Третье. Выбирает фюрера Сенат, который должен знать, что фюрером не может быть слабая и ничтожная личность. Им должен быть самый лучший из сенаторов.

Четвёртое. Фюрер избирается за закрытыми дверями.

Пятое. В течение 3-х часов после выборов вся партия, военные и государственные чиновники приводятся к присяге на верность фюреру.

Шестое. Фюрер обязан чётко разделять законодательную власть от исполнительной. Исполнительная власть — вне политики. Она надёжный инструмент законодательной власти.

“Пусть даже такая форма государственного устройства и не продержится вечно, но 200-300 лет она точно просуществует. Ибо зиждется она на разумных началах, тогда как в основе тысячелетней организации католической церкви лежит Ложь и Чушь”, — считал этот Архитектор и Перестройщик 30-х-40-х годов XX века.

Что обещал Германии Гитлер?

Первое. Безработным рабочим — работу и освобождение от ярма капиталистов.

Второе. Безработным служащим — трудоустройство и конец засилья еврейско-марксистских пролетариев.

Третье. Среднему сословию — ликвидацию крупных магазинов и устранение банковского капитала.

Четвёртое. Крестьянству — освобождение их государством от всех долгов, выгодный сбыт излишков продукции.

Всем вместе — новый рабочий класс — союз ума, рук и силы.

Интеллигенции — уверенный подъём, ускоренное развитие науки, техники и народной культуры, государственную поддержку всех творчески здоровых начал, поощрение разумной инициативы.

Молодёжи — новое, молодое государство вместо дряхлой “старой Системы”.

Тем, кто считал республику “Красным Ужасом”, — обновление империи, возможно, с Гогенцоллернами во главе.

Униженная итогами Первой мировой войны Германия рукоплескала Гитлеру.

8 апреля 1942 года германский вожь раскрыл девять главных своих секретов из арсенала конкретных действий Движения национал-социализма.

Секрет первый. Заимствовал у социал-демократов и коммунистов огненно-красный цвет для политических плакатов.

Секрет второй. Использовал для пропаганды грузовики, сплошь обклеенные такими плакатами и увешанные красными знамёнами.

Секрет третий. Заботился о том, чтобы его сторонники участвовали в митингах без галстуков и воротничков — так было больше доверия со стороны простых рабочих.

Секрет четвёртый. Тех буржуа, которые ради собственной выгоды хотели втесаться к нему в ряды, отпугивал громкими выкриками и неопрятной одеждой митинговавших, чтобы не было в Движении национал-социализма никаких трусов.

Не забывал напоминать: “Нам не нужны миллионы равнодушных людей! Нам нужны 100000 мужей, 100000 упрямец!”.

Секрет пятый. Политических противников выставлял из зала без всяких церемоний — так, что вражеская пресса, которая обычно замалчивала о таких собраниях, была вынуждена писать о них, тем самым привлекая внимание к митингам NSDAP.

Секрет шестой. Его ораторы прилежно посещали курсы ораторского искусства других партий, чтобы хорошо знать противника.

Сам он старался копировать сразу Цезаря, Наполеона, Вильгельма Второго, Муссолини.

Выступая на митингах, говорил не менее двух часов, обладая, как подчёркивали его слушатели, звучным голосом, выдающейся техникой, гармонией ораторского пафоса и внутренних идей.

Секрет седьмой. Выступать где бы то ни было без шпаргалок, говорить всегда свободно и уверенно, в тон заранее приготовленным репликам из зала.

Секрет восьмой. При разгоне митинга полицией женщины его партии указывали полицейским на совершенно посторонних, случайных людей, после чего блюстители порядка набрасывались на тех, как спущенные с цепи волкодавы.

Секрет девятый и — далеко не последний. Митинги конкурирующих партий он разгонял спровоцированными там потасовками и драками.

Чтобы привлечь на свою сторону избирателей, перед приходом к власти он провёл — это число астрономично! — не менее 180 тысяч предвыборных собраний и митингов.

Деньги откуда на все эти акции, на аренду помещений, на плакаты, на знамёна, на грузовики и листовки, причём немалые деньги?

О! Это, пожалуй, самый большой секрет..

Правда, теперь — секрет Полишинеля.

Была ещё одна у фюрера заповедь, взлелеянная совместно с Гессом в комфортном “заточении” крепости Ландберг, где в тюремном меню не выводились ни пиво с вином, ни изысканные к ним закуски:

“Приведение *жизненного пространства* в соответствие с численностью народа. Никакое чрезмерное умничанье тут не поможет — решает только меч”.

Вообще-то говоря, по трезвянке до таких постулатов дойти весьма затруднительно.

Но как бы то ни было, дошли же!

Долго свет горел по ночам

В 32-томной Энциклопедии “Britanica”, издаваемой задолго до появления на свет Божий Гитлера и Муссолини — с 1768 года, обнаружили ссылки на трёх- и даже четырёхтомные труды биографов Муссолини Феличи и Рини, а также на капитальную работу Ричарда Кольера “Дуче. Взлёт и падение Бенито Муссолини”. Но понятное дело, как сами творения Муссолини, в том числе и его коронная “Доктрина фашизма”, созданная в полутайном соавторстве с философом Джованни Джентиле (отнюдь не итальянский вариант гитлеровской “Майн кампф”), так и книги его биографов, оставались тогда для меня недостижимы. И тем не менее книжная гора получилась внушительной. Но она не пугала. Уверенности придавало опять же и энциклопедическое многопудье Британии, Франции, Германии, США, оказавшееся в Иностранном отделе нынешней Национальной библиотеки — тогда республиканской библиотеки имени Пушкина.

Кажется, на второй или на третий день моих итальянских бдений заглянул в мою “келью” с дымящей сигаретой Олжас Сулейменов, чем-то заметно озабоченный. В том, что он действительно поэт и учёный незаурядный, лично у меня и в то время никаких сомнений не было. Об этом я открыто и, полагаю, доказательно писал в чуть ли не в пяти из каждых десяти тогдашних статей. Причём не только на страницах казахстанских газет и журналов, но и в Москве, Ленинграде, Киеве, Каунасе, в своих книгах, в периодических заграничных выпусках тогда вездесущего Агентства Печати Новости. Заголовки были весьма духоподъёмны и, кажется, понятны и чабану и академику: “Поэзия — символ жизни”, “Право быть первым”, “Бороться и не уставать”, “Ещё раз о “Глиняной книге”. И т. д.

Не упускал случая вставить имя Олжаса в статьи и выступления Кунаева. Далеко не всем это было по нутру. Но ни от одной своей строчки об Олжасе я и сейчас не отрекаюсь и дорожу нашим с ним давним-предавним дружеством. А

тогда сам он крепко поигрывал в волейбол, и меня удивляло необычное сочетание его пристрастий — к спорту и курению.

Увидев передо мною книжную гору, поэт расхохотался и сразу же вычислил причину моего пристального внимания к ней. Я не стал отнекиваться, но и подтверждать его догадку тоже.

Никто из нас тогда, естественно, не предполагал, что пройдёт время, грянут крутые перемены, и Олжас Омарович станет Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Казахстан в Италии.

А тогда мы оба с Олжасом разом сошлись во мнении о том, что полуостровное очертание страны на географической карте очень напоминает большой дамский сапог с заострённым носом и высоким каблуком, а острова Сицилия и Сардиния — первый — некий треугольный пирожок, а второй — надкушенную с обоих концов грушу.

Ещё до прихода ко мне Олжаса Сулейменова я по совету Д. А. перво-наперво снова открыл краснообложечный сороковой том Большой Советской Энциклопедии первого издания. Того самого, который при случае нахваливал Кунаев, не без резону утверждая, что в этом издании желанной Правды гораздо больше, чем во всех остальных. Год выпуска тома — 1938. А обратился я к его страницам для того, чтобы опять узреть, как при жизни Муссолини писали у нас о нём. Расстрелянный НКВД после громкого судебного процесса Бухарин в редакционной коллегии Большой Советской Энциклопедии уже не значился. Повылетали оттуда и некоторые другие “враги народа”. Главным редактором состоял легендарный академик Отто Юльевич Шмидт, обладатель дивной чёрной бороды по самый пояс, уже Герой Советского Союза (1937), уже без пяти минут вице-президент Академии наук СССР (1939).

Краснообложечный том трактовал идеологию Муссолини как воззрения “взбесившегося мелкого буржуа” — “беспорядочную смесь бланкизма, сорелизма, прудонизма, иррендентизма”, а самого Муссолини (“сына кузнеца, по профессии учителя”) причислял к “лагерю ренегатов, платных агентов Антанты”.

Там же говорилось, что “Муссолини является самым верной слугой наиболее реакционных, наиболее шовинистических слоёв итальянского капитала и злейшим врагом рабочего класса” (с. 646).

Фигуры французского коммуниста-утописта, члена Парижской Коммуны, активного поборника тайных заговоров Луи Огюста Бланки и его соотечественника социалиста-анархиста, сторонника экономического сотрудничества классов и теории ликвидации государства Пьера Жозефа Прудона, которого Карл Маркс разнёс в клочья в “Нищете философии”, не нуждались в расшифровке.

А вот французский философ Жорж Сорель, хотя и приветствовавший Ленина с Троцким и всю Октябрьскую революцию, был надёжно забыт, поскольку его воззрениями охотно воспользовался Муссолини, а любой знак позитивного внимания к Троцкому в СССР расценивался отрицательно.

Заодно никто не помнил об *иррендентизме* — итальянском общественно-политическом движении конца XIX — начала XX веков за присоединение к Италии пограничных земель Австро-Венгрии с итальянским населением — Триеста, Трентино и других.

И родовая сущность человека и человечества вовсе не в состоятельности, как уверял нас Карл Маркс, а в бессмертном для всех поколений свойстве надёжно и бесповоротно-намертво забывать, казалось бы, никогда и ни за что незабываемое.

Зато сам Муссолини, никогда не претендовавший на *мировое* господство Италии, об упомянутых мною землях не забывал. Как, впрочем, и о многих других в Евразии и Африке. Без них для него была бы совершенно не мыслима сама Итальянская империя.

Но до озвученных Гитлером глобальных вождедений Карла Хаусхофера — виднейшего из творцов нацистской геополитики — “товарищу Бенито” было далековато. И тем не менее с приходом к вседержавной власти Муссолини, талантливо, как и Сталин, изображавший могущественного покровителя архитектуры, кинематографии, музыки, авиации и воздухоплавания, физкультуры и спорта, даже Северный полюс держал под своим прицелом.

Конечно же, не для аннексии полюса королевской Италией, но для того, чтобы и там, на самой макушке Земли, гордо красовались итальянские герб и флаг, воочию напоминая всей планете о величии и могуществе первого в мире государства — нет, не рабочих и крестьян, а полюбовно-братского нерушимого союза всех классов и сословий под славной эгидой всевластного монарха — “короля и императора” — и мудрым руководством единой партии и её непогрешимого вождя — дуче.

Долго горел свет по ночам и в окнах римского офиса Муссолини, когда самого дуче, понятно, там не было. По ночам любил бодрствовать в своей неустанной работе на благо советского народа и всего прогрессивного человечества великий Сталин.

Масштабную чистку в своей партии Муссолини провёл годом позже Сталина — в 1938-м.

Но в отличие от кремлёвского горца — без особых репрессий и физических экзекуций.

Однако дисциплина в партии стала ещё суровее. Ещё в своей октябрьской речи в Турине (1932) дуче невольно или сознательно обратился к лексике Сталина, указав, что “фашистская партия — это войско, если угодно — *орден*”.

Добавил важное пояснение и от себя: “В неё вступают, чтобы служить и повиноваться”.

Генеральный секретарь фашистской партии назначался Муссолини и утверждался королём. Генсек автоматически входил в состав Совета Министров.

Партия же у Муссолини с королём-императором, на манер ленинско-сталинской ВКП(б) или гитлеровской НДСАП, была всеохватной.

А ведь с малого начинали!

На первый (и, разумеется, нелегальный) съезд РСДРП — предтечи РКП(б)/ВКП(б) / КПСС в Минск съехалось всего 9 делегатов. В Немецкой рабочей партии слесаря Антона Дрекслера, куда Гитлер был внедрён армейцами за доглядом её деятельности, будущему фюреру вручили членский билет за номером 7.

К 1938 году мужские организации партии Муссолини в городах страны составляли 2 миллиона 634 тысячи человек.

Женские — 774 тысячи.

Бывших фронтовиков — 802 тысячи.

Спортсменов — 616 тысяч.

Офицеров запаса — 260 тысяч.

Сельских хозяев — 1 миллион 481 тысяча.

Студентов — 106 тысяч...

Такая структура (и её статистика) вполне устраивала “товарища Бенито”. Итальянская специфика отличалась от советской и нацистской.

Кроме того, фашистские профсоюзы (дуче: “профсоюзы — школа итальянского социализма”) объединяли более 7,5 миллионов королевских подданных, а юношеские фашистские организации — 8 миллионов. И это-то при общем населении около 50-ти миллионов человек.

Триумфальный марш на Рим

Итак, по БСЭ первого издания, а также по множеству вчерашних и позавчерашних отечественных и не-отечественных источников, возлагающих и поныне в самых различных местах не востребуемыми, Бенито Муссолини:

- а) сын кузнеца,
- б) ренегат,
- в) платный агент, верный слуга капитала,
- г) злейший враг рабочего класса.

И так далее и тому подобное.

Как видите, набор явно не джентльменский.

Надо ли оспаривать эти уничижительные эпитеты?

Наверяд ли.

Или, быть может, пора взять сторону моего дрезденского собеседника — итальянского экс-торпедиста и полусмертника Папы Карло, изведавшего на войне в России многие из её ужасов, и, видимо, всё-таки ему сочувствующего профессора Сандро Лоттенели?

Эту сторону взять мне и моим друзьям-единомышленникам никак нельзя.

Не так мы воспитаны — сначала в пионерах, потом комсомолом и партией, а затем и самой демократичной в подлунном мире демократией.

Однако негоже и нам заклиниваться на своём “исконно-суконном”. Давненько пора не щурить глаза на свет истины, далеко не всегда для нас приятственный.

В самом деле, мало кто сейчас может представить, что “злейший враг рабочего класса”, а стало быть, и всех честных людей труда, ещё в своей первой — “мартовской” — *программе* (а она восходит к *незабываемому* 1919 году — программу опубликовали 28 августа) первейшими практическими задачами фашизма после *законного* прихода его к власти определил:

- равноправие всех наций;
- внешнюю политику, основанную на солидарности народов, их независимости в рамках федеративного государства;
- уничтожение тайной дипломатии;
- реорганизацию промышленности на основе кооперации и участие рабочих в прибылях;
- ликвидацию акционерных обществ;
- свободу совести, печати, ассоциаций;
- установление 8-часового рабочего дня ;
- защиту детского труда;
- обеспечение инвалидности и старости с 55 лет;
- развитие социального страхования;
- созыв Учредительного собрания;
- упразднение Сената;
- предоставление избирательного права для женщин;
- гарантированный минимум заработной платы;
- национализацию предприятий военной промышленности;
- конфискацию 85 % военных прибылей;
- конфискацию церковных владений;
- создание народной милиции;
- выборность чиновников;
- возврат Италии земель и прочих территорий, отнятых “неблагодарными союзниками”;
- в аграрном секторе: “землю тем, кто её обрабатывает”.

Почти полгода утрясалась эта программа — ведь Первая ассамблея *фаши* состоялась в зале особняка на площади Сан-Сеполькоро ещё 23 марта 1919 года.

Нетрудно было увидеть, откуда “товарищ Бенито” позаимствовал большинство убедительных позиций своего первого плана грандиозных преобразований на фашистских — в его понимании — принципах. И в созданных им “Боевых

союзах”, объединявших вчерашних фронтовиков по всем правилам нерасторжимого ратного братства, — “Фаши ди комбаттименто” отвратное ныне для многих людей на Земле слово *фашист* означало только лишь участник движения “Боевых союзов”.

Не более.

Это сейчас, быть может, уместно сказать о Муссолини словами Троцкого о Ленине из письма “демона революции” Ольминскому (1913) как о “профессиональном эксплуататоре всякой отсталости в рабочем движении”.

См.: Роберт Такер. “Сталин. Путь к власти. История и личность”. Перевод с английского. М., 1991, с.320.

Но в пору первой социально-политической программы Муссолини (1919) его таковым эксплуататором никто не считал ни из единомышленников, ни из оппонентов.

А далее социально-политическая практика Муссолини подтвердила, что программных обещаний своих он на ветер не бросал. За малым “арифметическим” исключением (таковым, к примеру, стала неосуществлённая “конфискация церковных владений”) они с приходом его к власти были выполнены. Лозунги Муссолини о готовности улучшать инвестиционный климат необычными дотоле способами ничуть не мешали магнатам итальянской индустрии, заправилам крупнейших банков страны и прочим представителям эксплуататорского отродья, под корень истреблённого в Советской России. Более того, в фашистской Италии вплоть до 1933 года на всех предприятиях их владельцы уплачивали государству за своих служащих подоходный налог в размере 8 % от заработной платы.

Не потому ли, что Муссолини стремился сразу же после Первой мировой войны и Гражданской войны в Советской России ни при каких обстоятельствах не девальвировать своих обещаний, — тёмная полугодная МАССА простонародья валом повалила за “товарищем Бенито”, а эрудированный король-император увидел в нём Спасителя нации, государства, раздираемых классовыми смутами, и самой монархии, готовой пасть под ударами волн небывалого революционного шторма? Точнее — Спасителя сначала просвещённой монархии и государства, а потом уже и малограмотной нации. Италия с Германией (вспомнить хотя бы точные свидетельства Ильи Эренбурга) стояли на пороге собственных гражданских войн.

В октябре 1922 года, когда вся Италия уподобилась бурлящему Везувииу, готовому к апокалипсическому извержению, ни королю-императору, ни Муссолини не хотелось итальянских вариантов России Февраля и Октября 1917-го, обративших в пух и прах российскую монархию и её последних монархов — Николая Второго и его брата Михаила, пробывшего на царском престоле целый рабочий день — ровно восемь часов. Так лучше было уж эти самые ВОСЕМЬ часов даровать СВЕРХУ, чтобы не ждать, пока разгневанная ЧЕРНЬ сама СНИЗУ не заберёт их для себя, а заодно прихватит ещё много другого. Тогдашний премьер Иваноэ Бономи, возглавивший правительство 4 июня 1921 года (второй раз он займёт этот пост в 1944-1945 годах), не владел обстановкой. С июня 1919 года до прихода Муссолини к власти в Италии сменилось ВОСЕМЬ правительств, тогда как, например, во Франции всего три.

Король-император сумел предугадать, что последствия могут оказаться хуже причин. Своеобразный аналитик и незаурядный человек, он давно заметил: как только какое-либо общество — российское или же другое — становилось на путь революционных перемен жизни якобы к лучшему, эта жизнь тотчас же становилась хуже. Так и в Италии. Тут ситуация час за часом неудержимо и грозно сползала к роковой черте. Страну трепала бешеная инфляция. Криминал расплодился безбрежно. Дом не считался домом, если у его хозяина не было винтовки или ружья, пистолета “Беретта” или револьвера, шашки динамита или ящичка захудалых пехотных гранат.

А вооружаться до зубов было с чего. И надеяться можно было только на самого себя и больше ни на кого другого. Про любого из уважаемых монархов и по сей день есть масса легенд о “собственноножном” хождении в народ. Были таковые и о Викторе-Эммануиле Третьем. Якобы он, переодевшись в костюм обычного клерка или приняв обличье крестьянина среднего достатка, навещался в общедоступные места и, прежде всего, такие, как таверны, рынки, вокзалы.

Что видел инкогнито Его Величество?

Повсеместное недовольство, брожение умов, патологическую озлобленность, отъявленный цинизм и полное безверие, утрату элементарной нравственности, ядовитый расцвет наркомании и алкашества, ярую коррупцию снизу доверху, безудержное казнокрадство, разномастное шулерство и проституцию всех видов и оттенков.

Страну сотрясали забастовки и лихорадили стачки. Никто не хотел платить налоги. Зарплату людям не выдавали месяцами. Что в школах и на судоверфях, что на шахтах и автозаводах. Что у сталеваров, химиков и строителей, что у добытчиков руты и калийных солей.

Беспризорных детей и подростков, взрослых нищих и бродяг расплодилось видимо-невидимо. Редко кто из них добывал себе на скудное пропитание пиликаньем на скрипке или губной гармошке в подземных переходах или у дверей в булочную.

Большинство деклассированных — отъявленно жульничало и ловко воровало, а кто так не мог, становился грабителем. И не обязательно на большой дороге. Не было от бандитов и грабителей проходу и на самых малых путях-дорожках.

Полиция смотрела на всё это сквозь пальцы и сама воровала.

Квартирная плата повсюду взлетела до небес. Холодная вода ценою стала дороже приличного вина. Чтобы домовладельцы не могли вышвырнуть жильцов на улицу, объединялись семьями, платили вскладчину.

Жили в долг, одним днём. Под одной крышей чаще всего скопом ютилось по несколько семейств, где легко путали не только ложки-поварёшки, а и сожителей и сожительниц, законных мужей и жён. Получался сущий вертеп, коммунальный ад с бурными скандалами и драками, бытовой поножовщиной.

Участились самоубийства.

Людей перестали интересовать театры, кино, библиотеки, картинные галереи, которые влачили жалкое существование.

Позакрывались многие газеты и журналы.

Поутру и днём люди всласть драли глотки на собраниях, митингах и манифестациях, вечерами озверело колотили витрины в лавках и магазинах. А ночами — стреляли. Да и средь бела дня людей нередко забивали палками. Фашисты — коммунистов. И наоборот.

От разнузданного насилия никто спастись не мог.

Церковь была бессильна что-либо изменить в лучшую сторону.

Стороны с таким названием в Италии 1922 года просто-напросто не существовало.

Гражданская война в стране по сути была уже не каким-то зыбким призраком, а совсем близкой и страшной реальностью.

На Юге и Севере Италии она уже клокотала вовсю.

Любое промедление становилось смертельным для почти пятидесятиmillionного государства и королевского трона, полным и ничем, никем не управляемым сумасшествием.

И вот тогда-то, дабы не дать пролиться новым рекам человеческой крови, и было дадено грандиозное политическое *действие*, которое вошло во всемирную историю под названием “Марша на Рим” (“Поход на Рим”).

Его закулисная режиссура и по сей день весьма туманна. Однако совершенно ясно, что и король-император, и дуче учили главные неопровержимые реалии тогдашнего положения — роковой раскол в рядах итальянского пролетариата, полное отсутствие единства разномастных политических либерально-буржуазных партий, недолимый авторитет движения фашизма, укрепившего своё влияние по всей Италии.

Где магической силой обещаний, а где и дубинками с касторкой — как это было, например, в главных городах Южной Ломбардии, Эмилии, Венеции, а также на родине Муссолини — в провинции Северной Италии Форли.

27 сентября 1922 года, выступая в городе Удино перед своими единомышленниками, Муссолини сформулировал свою цель с дивной лаконичностью:

“Наша программа проста. С нас хватит бардака и хаоса! Мы хотим и станем управлять Италией!”.

И вот в октябре якобы совершенно спонтанно возникла весьма конструктивная идея Марша на Рим. Надо было показать всем неодолимую мощь этого *мы*, то есть — *фашизма*. Был срочно организован главный штаб предстоящего невиданного похода — *квадрумвират* из четырёх ближайших соратников Муссолини: де Векки, Бальбо, Бианки, генерала де Боно.

Штаб разработал всё до самых крохотных мелочей, чтобы никому не дать повода скомпрометировать благородное движение, дабы не случилось никаких осечек и сбоев ни в графике Марша, ни в обеспечении его участников калорийной пищей, чистым питьём и умеренным питиём, хорошим куревом, спокойным ночлегом, достаточной медицинской поддержкой, объективным фотокиногазетным обеспечением, охраной от всевозможных провокаций.

Нельзя было позволить, чтобы в чёткие ряды марширующих затесались истерики и психи из анархистского охвостья и, что тоже не сбрасывалось со счетов, демагоги из других рьяно конкурирующих с Муссолини партий. Прежде всего социалистов и коммунистов.

Квадрумвират с одобрения “товарища Бенито” решил начать Марш на устраниение реальных и возможных оппонентов от административного центра провинции Перуджа в 150-ти километрах от Рима составом из 40 тысяч — в советской историографии писали — “головорезов”, в итальянской, западноевропейской и североамериканской — “человек”.

Сказано — сделано.

Во главе гигантской колонны, чья численность достигла на заключительном этапе похода 100 тысяч, неумоимо вышагивал сам “товарищ Бенито”. На нём, как и на остальных, не было чёрной униформы. Муссолини предпочёл ей сшитую с иголочки “тройку” из дорогой костюмной шерсти, белоснежную манишку с крахмаленным стоячим воротником и тёмный галстук — ладную экипировку, в какой его привыкли видеть почти всегда многочисленные слушатели и читатели. Манишку он всякий раз менял на новую, когда требовалось остановиться, чуть-чуть отдохнуть, подбодрить манифестантов короткой речью и уверенно следовать дальше. В многокилометровых колоннах марш густо пах газетной краской, по обочинам шоссе — человеческой мочой и калом.

Вышагивал Муссолини вместе со всеми уверенно ещё и потому, что в полном его распоряжении добровольно оказался сам герцог Аостский — дядя короля-императора, очень претендовавший на престол.

Таким образом “товарищ Бенито” окольцовывал монарха двойной железной хваткой — вёл с собой реальную ему замену в том случае, если король-император вдруг раздумает поддержать Муссолини в стремлении войти во Власть и навести, наконец-то, в обессиленном государстве твёрдый порядок.

Герцог же в обоих случаях ничего не терял, хотя уступка ему трона виделась, разумеется, наиболее желанным вариантом.

Белую манишку на чёрную рубашку Муссолини сноровисто сменил лишь в Риме. Перед самой встречей с королём-императором. Монарх нетерпеливо поджидал своего Спасителя. Их душевная беседа продолжалась ровно час. Много было говорено исторического за это точно отхронометрированное время.

Лишь много позже судьбоносного диалога с Его Величеством Муссолини донесли, что в узком кругу своих единомышленников храбрый генерал, будущий маршал и герцог Бадольо внятно выказал твёрдое желание остановить, а потом и рассеять весь этот 100-тысячный Марш.

“Дайте мне только *четыре* пулемётных расчёта, и я за час полностью очищу весь Рим от фашистов!” — негромко потребовал известный герой войн — Первой Абиссинской и Первой мировой.

Не дали.

“А что случилось бы, если бы дали? — спросил Д. А. — Ты как полагаешь, святой Владислав?”.

Он встал из-за стола и медленно прошагал к книжному стеллажу, где за стёклами поверху отсвечивали позолотой корешки великих творений Ленина, Маркса с Энгельсом, а самый нижний ряд занимали всевозможные книги о Китае (включая “Овощеводство в Китае”) и несколько томов “Жизни животных” великого германского зоолога Альфреда Брема.

Причём половина из бремовых фолиантов была перевернута вверх тор-машками.

Я об этом не говорил ни Кунаеву, ни Абдрашитову, ни Зинаиде Петровне Жуковой, терпеливо дожидаясь, когда же эти тома встанут нормально без моей помощи и подсказки. (Да и по молодости было как-то неловко обращать на это внимание хозяина кабинета и, стало быть, книжного стеллажа).

Так и не дождался.

Я проследил за взглядом Кунаева, полагая, что он снимет с полки какой-то ведомый только ему ленинский том и вычитает мне вслух нечто очень важное и созвучное той “древнеримской” ситуации, о которой сам же и спрашивал.

Но никакого ленинского тома Кунаев не снял.

Он в упор глянул на перевернутого Брема, опять отошёл от книжного стеллажа к своему креслу, но не сел в него, а медленно проговорил:

“Если бы тогда в Риме Бадольо или ещё кто разогнал фашистов, то, по моему, вышло бы на манер, как после пивного путча Гитлера в Баварии. Этот путч, как сам знаешь, был годом позже Римского Марша Муссолини.

Он слегка поднапряг свою мысль:

“Ну так и что, как ты думаешь?”.

Я не хотел опережать его в предположениях и молчал.

“А я вот полагаю — наверное, сначала упрятали бы дуче на несколько месяцев в тюрьму. Как в санаторий. Но для отмашки общественному мнению. Ну написал бы он там ещё одну книгу. А потом бы его непременно выпустили. И он всё равно обязательно пришёл бы к власти! Такие, как Муссолини, под ногами не валяются. Если угодно, хотели мы того или не хотели, а это у матушки-Истории — поштучное изделие”.

Таким вот и вывел свой диагноз Димаш Ахмедович.

И с ним нельзя было не согласиться.

“Беспорный наследник Цезаря”

В королевской семье обожали Бадольо, но Муссолини ей приглянулся пуще. Опять же королём-императором и его умной матушкой учитывался и такой козырь на руках у Муссолини, как королевский дядюшка-герцог. Его истинно патристическим желанием взгромоздиться на престол “говариц Бенито” мог запросто покрыть любую королевскую и чью угодно карту.

Поэтому затем всё двинулось плавно, без каких-либо спотыкачей, как по хорошо отработанному сценарию.

Королю-императору Муссолини, ослабив ворот чёрной рубашки, сказал, и сказанное было слово в слово застенографировано:

“Ваше Величество! Я возвращаю Вам Италию времён Виторо Венето, вновь возвеличенную победой. Остаюсь верным Вашим слугой!”.

О родном дяде короля-императора всякая надобность говорить хотя бы полсловечка отпала уже в самом начале исторической аудиенции. Ровно через час монарх и дуче вышли на балкон. Очевидцы запомнили глаза дуче. Они горели ясным, напористым и радостным блеском.

Начался грандиознейший парад.

На следующий день — 31 октября 1922 года король-император объявил о формировании нового правительства. Назван был и новый премьер — Муссолини. Его предшественнику Иваноэ Бономи, тоже экс-социалисту (из Социалистической партии Бономи вышибли на три года раньше Муссолини — ещё в 1912-м вместе с известным в ту пору политиком Биссолати) пришлось уступить этот почти что главный в стране государственный пост дуче более чем на 20 лет.

Да, вот ещё какая штука.

Недрузи Муссолини злоязычно определяли Поход на Рим — дословно — “Революцией, привезённой в спальном вагоне”.

Супруга бывшего корреспондента ТАСС в Италии Виктора Павловича Кина (СуровиКина) Цецилия Исааковна Кин в своих трудах подтверждает это как “неоспоримый факт”. Она пишет (точнее, писала):

“... Муссолини приехал из Милана в Рим комфортабельнейшим поездом и явился в Квиринал — королевский дворец, — где растроганный монарх вручил ему портфель премьер-министра”.

Оставляю это категорическое утверждение на совести Цецилии Исааковны.

Наверное, её сгубленный пресловутой ежовщиной в 1937 году муж, прослуживший по линии ТАСС в Италии 28 календарных месяцев, останься бы он вдруг жив до нашего времени, навряд ли стал так утверждать.

Есть свидетельства: на следствии (Сурови)Кин никого не оговорил.

Всё-таки были у него в большом и малом полные лады с такой немаловажной субстанцией, как человеческая совесть, а значит, и с правдой.

Итак, последний день октября 1922 года стал для “товарища Бенито” его Октябрьской революцией, таким же днём, каким было для “товарищей Ленина, Троцкого, Сталина” в далёком от Рима Петрограде 25 октября 1917 года.

Как по мановению невидимой, но властной дирижёрской палочки, взревели по Италии и всему миру дифирамбические оркестры. Муссолини сравнивали то с Цезарем, то с Кромвелем, то с Наполеоном. Американский кардинал О’Коннэл из Бостона прочувствованно заявил: “Муссолини — это гений, посланный Италии самим Господом!”.

Когда некая ирландка, срочно объявленная официальными властями “неуравновешенной особой”, по известному всему миру образцу и подобию правой эсерки Фанни Ройдман (Каплан) решительно попыталась при громадном стечении народа лишить дуче его драгоценной жизни и ей это не удалось (у дуче оказался лишь слегка оцарапан нос), обомлевшей от неожиданности толпе было громогласно разъяснено:

“Итальянцы! Смотрите! Разве не сам Бог указал своим перстом на дуче! Да он самый великий сын — бесспорный наследник Цезаря!”.

С лёгкой руки безвестного нам крестника за дуче прочно закрепилось не только наследство Цезаря, но и внешнее сходство с ним. Это сходство потом неединожды отмечал Гитлер и его приближённые.

Летописец германского вождя министерский советник Генрих Гейм отфигсировал себе и Истории на память: “В “Бергхофе” несколько раз видел Муссолини.

Голова у него действительно, как у Цезаря, и всё же он гораздо более спортивен и гибок, чем его зять Чиано, и, похоже, и впрямь привязан к фюреру, судя по тому, с какой теплотой и симпатией фюрер к нему относится”.

Что же касается перста Божьего, то Господь, разумеется, по своей всеосведомлённости в трагикомическом сюжете с ирландкой тоже всё видел и слышал.

Но, скорее всего, даже Он, Отец наш Небесный, так и доньне пребывает в немалом затруднении — была ли рискованная акция с покушением настоящей попыткой, или же правдоподобной инсценировкой.

В другой раз жертвой зорко-предусмотрительных бравых молодцев из личной охраны Муссолини оказался совсем молодой итальянец, лет 15-16-ти. Он был сражён ею насмерть на месте такой попытки.

31 октября 1926 года на великом Октябрьском празднике в Риме на Муссолини было совершено ещё одно покушение — *четвёртое* по счёту за тот год.

Кто стрелял — опять же только Всевышний ведаёт тут всю правду. Но, очевидно, не скоро её скажет.

А злоумышленника след простыл.

(Гитлер, дабы накачать себе цену, учинял с помощью своих спецслужб подобные действия в отношении самого же себя пять или шесть раз задолго до действительно несфальсифицированного заговора против него 20 июля 1944 года).

После октябрьского на него покушения Муссолини охотно принял отставку тогдашнего министра внутренних дел Федерцони — человека, честно ставившего служебные интересы выше любых клановых и партийных.

Муссолини и сам не раз звучно прокламировал это правило, но неуклонно следовать ему не поспешал.

Однако с разнузданной фашистской вольницей он покончил сразу же, как у него оказалась премьерская власть.

К слову, подручный теоретик Муссолини велеречивый Франческо Эрколе отмечал полную легитимность прихода дуче к власти:

“Главные столпы государства — Монархия, Церковь, Армия, Статут. Муссолини привил Революцию к стволу старой легальной власти, ускорив тем самым вхождение фашизма в орбиту Конституции”.

В пику Альфреду Розенбергу

Уинстон Черчилль отметил, что не считает себя чернорубашечником, но, слушая Муссолини, ощущает себя вполне *итальянцем*. В 1927 году, прибыв во Флоренцию, Черчилль признавался журналистам: “Именно Италия дала нам средство против русского яда. Будь я итальянцем, я стал бы фашистом”. Повторяю, восхищался дуче и никому тогда неведомый Гитлер. По своей врождённой скромности “товарищ Бенито” не оспаривал этих эпитетов.

Более того. Дабы отнюдь не лишний раз подчеркнуть свою полную самостоятельность, он уже после прихода Гитлера к всегерманской власти не возражал, чтобы в Италии нет-нет да и звучала нелицеприятная критика нацистских идей и постулатов.

Особенно сильна она была в католической печати.

Примером тому может служить статья Барджеллини, опубликованная в ноябрьском номере журнала “Фронтеспидио” за 1934 год (журнал издавался с 1929-го).

Статья называлась — “Розенберг и миф расы”.

Сын торговца средней руки, Альфред Розенберг, как известно, считался в Германии большим знатоком России. Уроженец Ревеля (Таллина), он учился в Риге. С войной тамошний политехнический институт эвакуировался в Москву. Там в 1918 году 25-летний Розенберг и получил диплом инженера-архитектора. На этой-то созидательной планиде он и *стакнулся* потом с Гитлером, и сразу же с головой погрузился в глубины теории превосходства *арийской* расы. Главным

результатом этого погружения стали его публикации и особенно книга “Der Mythos des 20 Jahrhundert” — “Миф XX столетия”(1930).

Лейтмотив фолианта объёмом свыше 500 страниц весьма симптоматичен: только немцы — прямые наследники *арийской* расы, давшей миру всё великое и прогрессивное.

Доказательно разобрав всю научную и онтологическую (бытовую) несостоятельность расово-этнических построений яркого обер-теоретика нацистского расизма (к тому же ещё и главного редактора гитлеровского официоза “Народный наблюдатель”), итальянский автор пришёл к однозначному выводу.

Вот его чёткий диагноз, в котором ощущается глухая тревога за судьбы не одной лишь Германии:

“Это не только личная трагедия Розенберга. Это трагедия *многих* германских умов”.

Ну а далее читалось уже само по себе: “... и всего человечества”.

Рукоплескал ли книге Розенберга Гитлер? Нет. Он сразу же объявил “Миф XX века” *частным* произведением, а в 1942-м сказал:

“Не следует расценивать эту книгу как произведение, выражающее точку зрения партии”.

Дело в том, что к тому времени ареал наследников *арийской* расы фюрер уже успел значительно расширить, включив в него среди прочих достойных этого бесценного наследия многих соотечественников Муссолини и японского императора Хирохито. До лучших представителей Чёрной Африки очередь тогда ещё не дошла.

Однако скандальная книга Розенберга, его пристрастия к “Протоколам сионских мудрецов”, частые доклады по германскому радио, собственный фолиант под названием “О тёмных силах нашего Времени”, оставшая трибунно-пропагандистская активность подвигли проницательного Сталина на XVII-м съезде ВКП(б) объявить бывшего москвича (чей родной брат погиб под Верденом на стороне французов) *руководителем* внешней политики Германии. Ни больше, ни меньше. Тогда как Розенберга уже к тому времени уверенно отгеснял его одноклассник (оба с 1893-го), сын полковника прусской армии, поднаторевший в торговле французским шампанским, Иоахим Риббентроп, умевший поражать за границу отменным знанием европейских языков и нравов, блистательным лоском суперэлегантного и ультракультурного негодяя. Правда, верно было замечено, что в своих действиях и тот не ушёл от старого русского охотничьего правила “Не обманешь — не продашь”.

Ну а дуче?

А дуче считал, что щёлкнуть по носу чересчур увлечёвшегося друга-недруга козырной картой (да ещё и зажатой в чужой руке) никогда не вредно для упрочения собственного реноме независимого и здравомыслящего политика.

Довольно скептически относился Муссолини и к критике своего режима сторонниками Папства — так называемыми гвельфами и неогвельфами. Действовали они среди 100-процентно верующих *масс* Италии под девизом “Христос — царь небесный и народа”. Подсчитано: с весны 1931 по 1 мая 1933 года гвельфы и неогвельфы растиражировали и распространили более 100000 антифашистских листовок.

Итальянскому “ЧК/НКВД”, который назывался ОВРА, особого труда не составило вычислить и арестовать главных вдохновителей этой перманентной акции, а затем передать их в Особый трибунал.

Обвиняемые получили по 5 лет — каждый.

Король-император великодушно скостил им сроки.

Неогвельфы вышли на свободу героями.

И — охотно, с утроенным усердием, принялись за прежнее.

Сам Муссолини же на это поглядывал сквозь пальцы, однако его главная спецслужба глаз с них не спускала.

ОВРА в отличие от ЧК и НКВД — не аббревиатура, а слово. Обозначает оно — *спрут*. Дуче считал: “Чем гуще таинственность, тем больше итальянцы станут осмотрительней”.

Знаток итальянской тайной полиции Мартинелли так писал об одном из своих “ежовых”:

“Неаполитанец Артуро — этот любитель хорошо поесть и рассказать непристойный анекдот, был готов продать душу дьяволу, лишь бы добиться власти. А чтобы удержать её, он готов был на самую большую хитрость. Именно за это и ценил его Муссолини”.

Как правило разок в неделю итальянский “Ягода-Ежов” являлся с неофициальным, однако весьма пространном докладом к графу Чиано.

Итальянский журнал со статьёй в пику Розенбергу вышел уже после “ночи длинных ножей”, učinённой Гитлером 30 июня 1934 года. Фюрер понапрасну не чесал язык, не теоретизировал, а действовал. И действовал наверняка, без никаких промедлений.

Престарелый рейхспрезидент Гинденбург был недалёк от смертного одра, хотя временами ему удавалось бодриться. Он обладал чудесным солдатским басом и не забывал о том напоминать всем, кто его мог слышать. Гитлеру важно было устранить любого мало-мальски возможного кандидата на верховный государственный пост. Позже фюрер рейхспрезидентом быть раздумал — слил этот пост с должностью рейхсканцлера. Всего за сутки по его велению было уничтожено почти 200 важных “персон нон грата”. В том числе и главный соперник Гитлера внутри нацистской партии — Грегор (Георг) Штрассер.

Кажется, это Штрассеру принадлежит суждение:

“Если спросить у всех 32-х руководителей NDSAP, что такое национал-социализм, — получим 32 совершенно различных ответа”.

Свой социализм исповедовал и Штрассер. Выходец из среды государственных служащих, химик по образованию, он был владельцем аптеки, но мировую и германскую историю досконально усвоил в Первую всесветную войну лейтенантом артиллерийского полка. Автор забористой книги “Молот и мечи” (1928), не стыковавшейся с “Майн кампф” Гитлера, державший в предвыборную кампанию 1932 года более 1500 речей, к тому же не атеист, как фюрер, а ревностный католик, Штрассер выступал ещё и апологетом всяческого сближения Германии с СССР. Причём не по тайным каналам, а — открытого и тесного сотрудничества.

Руками Геринга Гитлер убрал опасного претендента на главное место в партии и государстве.

В Штадэльгеймской тюрьме был физически ликвидирован и другой конкурент, всегдашний благодетель Гитлера, обер-штурмовик Эрнст Рем, у которого тоже не вовремя вдруг прорезались и заточились и без того острые клыки.

По телефонному распоряжению Гитлера об этой экстренной кадровой зачистке Гинденбургу (вящего порядка ради) сообщил будущий имперский министр экономики Функ, охотившийся в Шорфхейде.

“Что ж, — отозвался знаменитым басом старый фельдмаршал на услышанную новость. — Тот, кто хочет творить Историю, должен не бояться проливать кровь”.

1 августа 1934 года обладатель сочного баса отдал Богу душу. Генерал Рейхенау срочно написал новую армейскую присягу. Её текст был лапидарен, но весьма выразителен.

Без Бога не обошлось.

Вот этот текст:

“Клянусь перед Господом Богом, что буду безропотно подчиняться фюреру германского государства и народа Адольфу Гитлеру — Верховному Главнокомандующему Вооружёнными Силами и как храбрый солдат буду готов пожертвовать своей жизнью во имя этой присяги”.

Опять — коротко, ясно, понятно.

Ничто не ново под луной

Комментарии в СССР на происходящее в Италии и Германии к середине 30-х годов были сдержанными. А в начале 20-х и подавно. Собственно, это были краткие пересказы услышанного на Западе. В своём желании не оставаться в изоляции от остального мира Кремль воздерживался от чересчур резких движений, хотя к ним иной раз его и понуждала хамская разнузданность противоположного лагеря.

В таком случае и Москва не отставала. Хорошо помню читанную ещё в университетские годы в одном из архивов коротенькую информацию, распространённую Российским телеграфным Агентством (РОСТА) в 1924 году для советских газет о кончине главы Американской Федерации Труда, состоявшую буквально из одной фразы: “Умер председатель АФТ Самуэл Гомперс, злейший враг СССР” и заголовок к этой фразе: “Одним меньше”.

К несказанному возвышению Муссолини Москва отнеслась вполне лояльно. Для установления “семейных отношений” пошло в ход изобразительное искусство. Лучшие советские художники выставили свои работы на специально устроенной выставке в Венеции. Затем Италия и СССР профигурировали на Международной выставке декоративного искусства. Задним числом — через 40 лет! — итальянскую экспозицию громко обличил в своих мемуарах “Люди, годы, жизнь” Эренбург: “Итальянские фашисты показали своё чванство и тупость”. Расшифровывать, в чём именно заключались эти пороки, маститый писатель, по благосклонности к нему Сталина половину творческой жизни комфортно проживший на Западе, почему-то не стал.

Так или иначе, а уже к 1925 году дипломатические отношения СССР и Италии были вполне устойчивыми, а следом за ними постепенно пооткрывались шлюзы обоюдовыгодных связей по самым различным направлениям.

В марте 1925 года в Болонье Муссолини провёл “Конгресс во имя фашистской культуры”. Украшением этого форума стало активное участие в нём 250-ти далеко не самых худших философов, писателей, историков, художников, поэтов. Подводя итоги конгресса, “товарищ Бенито” с удовлетворением отмечал:

“Наш конгресс полностью опровергает нелепые басни о том, что интеллигентность и фашизм — понятия не совместимые”.

Дуче усиленно поддерживал культ народного героя Италии, сторонника Первого Интернационала и Парижской Коммуны, ярого австрофоба и противника Папства, краснорубашечника Джузеппе Гарибальди. Когда было надо, тотчас же вспоминали, как великий русский хирург Пирогов спас ногу Гарибальди от ампутации и мастерски извлёк из её голеностопного сустава застрявшую там вражескую пулю, безо всякого рентгена (его тогда ещё не было) точно определив её местонахождение. Ни один из европейских магов медицины не решался на такую операцию, а Пирогов смог!

В своё время в СССР писали, будто бы под категорический запрет Муссолини угодили Овидий, Теренций, Рабле, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой. Так вот — опять-таки, как говорится, информация к размышлению — не было таких запретов.

Да и в обличениях в слитный адрес Гитлера — Геббельса по жуткому факту Майского костра (1933) в Берлине из опасных для национал-социализма книг сталинская пропаганда одномоментно обрушилась не туда. Книжки (в основном старые учебники для школ) сжигались не по приказу Гитлера и Геббельса, а по своему волеизъявлению германского министра народного просвещения Бернгарда Руста, которому крепко нагорело за излишнее усердие. Голову ему не снесли, но общественное мнение прочно укрепили в том, что эта голова сильно пострадала от фронтальной контузии — доблестного лейтенанта Руста в Первую мировую войну сильно оглушил артиллерийский снаряд. Вот, мол, и поехал “чердак” у несчастного. С кем из фронтовиков не бывает.

1 августа 1926 года произошло ещё одно довольно-таки значительное событие в интеллектуальной жизни муссолинской Италии. Потом оно не раз и не два, но, разумеется, несколько в ином ключе, повторится в СССР.

В 30-е годы.

Но особенно в 60-е.

Великолепный и бесстрашный лев советской публицистики, автор романов “Падение Парижа” и “Оттепель”, Илья Григорьевич Эренбург доживёт до этого времени, многим памятного своими великими надеждами и чаяниями. Он целиком и полностью одобрит период, названный у нас позже “хрущёвской оттепелью”. По имени её творца — незабвенного Никиты Сергеевича Хрущёва.

(Светлой памяти Николай Николаевич Гусев, в прошлом корреспондент ТАСС в Афинах и друг великого грека Никоса Белоянниса, однажды поведал мне, как обратился к Эренбургу из Греции женщины с мольбой подать открытый голос в защиту приговорённого к расстрелу Белоянниса. Бесстрашный лев отпрянул в ужасе перед раскрывшейся перспективой: “Да вы что, дорогие мои, в своём уме? Вы хотите, чтобы меня арестовали?”).

Однако действительным творцом “оттепели” был его главный идеолог — академик Леонид Фёдорович Ильичёв. Он умело водил мыслью, рукой, а также изречённым словом Никиты Сергеевича. “За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа!” — с жаром призывал на своих встречах с писателями и другими деятелями культуры “наш дорогой Никита Сергеевич”.

Именно так и назывался прижизненный фильм о нём. Ещё раз замечу, что Ильичёв был очень большой и верный друг Кунаеву. А поскольку эта дружба совпала со временем моей работы с Д. А., то я тоже невольно оказался в её орбите, о чём, разумеется, никогда не пожалею.

И даже сейчас, много лет спустя, с некоей светлой грустью разглядывая иногда подаренные мне им, Ильичёвым, его капитальные философические, трогательные автографы на них. И опять думаю о многоликости, противоречивости и скоротечности Времени.

Ну это к слову.

Кто скажет: есть ли цивилизация без искусства?

Муссолини сказал: нет! Как и почему

доктор Геббельс перестал быть Иосифом

А тогда, в 1926-м, профсоюз писательской организации Италии официально переезжал из Милана в Рим. По этому неординарному случаю дуче держал развёрнутую речь. Главной её темой — задолго до безразмерных выступлений Хрущёва было дальнейшее укрепление тесной связи литературы и искусства с жизнью народа. В этой по-своему блестящей по форме и ёмкой по содержанию речи Муссолини призывал своих коллег — мастеров пера — “глубоко проникнуть в души миллионов людей, глубоко затронуть чувства народа, помочь строить им и полюбить новую Италию”.

“Вы, писатели, обязаны выполнить этот долг”, — весомо заключил своё выступление дуче.

“Без искусства нет цивилизации!” — заявил Муссолини в очередной публичной речи — на этот раз в Перузе.

У нас до сих пор безоговорочно принято считать, что Гитлер подобных речей публично не держал, а рейхсминистр пропаганды, главный идеолог Третьего рейха, доктор Йозеф Геббельс (так утверждают якобы с его же слов) при слове *культура* хватался за пистолет. Вполне допускаю, что это — быть может, по-своему оправданные в условиях войны преувеличения в духе незабвенного Ильи Григорьевича Эренбурга.

Но Геббельс при слове *культура* за пистолет никогда не хватался. Просто-напросто ему приписали чересчур вольно переиначенную фразу одного из персонажей драмы популярного при Гитлере и после германского драматурга Йоста “Альберт Шлагеттер” (1933), безоговорочно утверждавшего примат солдатского надо всем остальным в прошлом, настоящем, будущем: “Сначала солдаты! Солдаты создают факты... Законы жизни не духовны, а кровавы!”. Вот этот-то персонаж у Йоста (Фридрих Тиман) изволил изречь: “Когда я слышу слово *культура*, я спускаю курок”. А заглавный персонаж — “вечный германский солдат” Шлагеттер ничего подобного не изрекал. Расстрелянный в Руре французами в 1923 году за диверсионный взрыв железнодорожного моста, он вместе с погибшим в кабацкой разборке сутенёром-песнеслагателем и начальником отряда штурмовиков Хорстом Весселем пополнил пантеон героев национал-социализма. По всей Германии и вне её гитлеровцы охотно горланили его песню: “Настаёт время надежды и хлеба!”.

Сам же Геббельс, полагавший национал-социализм оплотом истинной духовности, считал: никакая политическая идея не продержится долго без убедительной её интерпретации в *культуре*. Но против формулы Йоста — Тимана не возражал. Напротив, не без его ведома Йост стал президентом Имперской литературной палаты.

(Одно время до войны с Гитлером не возбранялось в книгах советских германоведов упоминать, что Гитлер любит называть себя *народным* канцлером, Геринг — *народным* героем-пилотом, а Геббельс успешно постигал глубины наук в *шести* университетах — Боннском, Фрейбургском, Вюрцбургском, Гейдельбергском, Кёльнском, Берлинском, что он преклоняется перед гением Достоевского и сам, подобно ленинско-сталинскому наркомму Луначарскому, создал несколько драм. Даже больше того — романов, в том числе чтимый и поныне западными знатоками литературы психологический роман “Микаэль”. В ту короткую пору немецкий драматург Йост в советской печати назывался Иоостом, Фейхтвангер был Фейхтвенгером, а доктор Йозеф Геббельс — Иосифом Геббельсом. Сталин быстро тут упорядочил факты, тон и ономастику).

Была ещё в Германии палата — Имперская палата культуры. Один из её сенаторов — переведённый на множество языков, бывший офицер в армии Колчака Эдвин Эрлих Двингер, автор книг “Между белыми и красными”, “Сибирский дневник” (1930-1931) и многих других, уже после Второй мировой войны написал роман-трагедию “Генерал Власов” (1951). Ныне эта трагедия вдохновляет и многих российских власовопевцев).

Когда в 1934 году в Германии началась кампания ниспровержения Лессинга, Шекспира, Гёте и Шиллера, Геббельс решительно осадил партийных коллег, заявив: “Стремление покончить с Шиллером и Гёте одним движением руки, потому что они нам будто бы не подходят, не исторично и свидетельствует о совершенном отсутствии исторического уважения”.

Срочно появились на свет труды типа книги Фабрициуса “Шиллер — соратник Гитлера. Национал-социализм в драмах Шиллера”.

Много стараний приложил Геббельс, чтобы перетянуть на сторону нацизма виднейших деятелей германской и мировой культуры. В какой-то степени ему это удалось. Но на Гитлера мало кто работал из видных отечественных мыслителей — уже с первого взгляда слишком отвратными были его воззрения и устремления. Если и кто с ним сотрудничал, то, как говорится, на приличной дистанции. Как это вышло, например, у нобелевского лауреата (1920) Кнута Гамсуна. Он отошёл в мир иной в 1950-м. За недюжинное дарование прозаика и драматурга ему прощали непрощаемое. Уже в конце 60-х XX столетия мне доводилось быть свидетелем, как в Норвегии (и не только в ней) его коллаборационизм оправдывали довольно приличные люди.

Дважды вступал в нацистскую партию великий дирижёр и композитор XX века Герберт фон Кароян.

Скульптор Брекер был удостоен Золотого почётного значка NSDAP и укрепил свою дружбу с Гитлером.

Исправно служили нацистскому кинематографу многие одарённые сценаристы и режиссёры (сам Гитлер и его приближённые взяли при этом за правило аккуратно просматривать североамериканские, британские и советские фильмы, особенно в годы войны — кинохронику).

Классическая музыка и театр всегда были объектами самой пристальной заботы национал-социализма.

В 1938 году на Театральной неделе в Вене Геббельс патетически восклицал: «Германия была и есть родина мирового театра вообще, и наша культурно-историческая задача заключается в том, чтобы сохранить эту великую театрально-историческую миссию!».

Все бонзы Третьего рейха (из-за истового пристрастия фюрера к драматической сцене) стали завзятыми театралами. Но дальше всех, пожалуй, пошёл Геринг, женившийся на небесталанной актрисе Берлинского государственного театра Зонеман. Притчей во языцех стали тайные (в один прекрасный день для жены его Магды ставшие явными) похождения самого Геббельса по германским балеринам.

Если Геббельс в своих речах и публикациях отстаивал право национал-социализма быть наследником мировой культуры, то эстетствующий Геринг осуществлял это право не на словах. С помощью государственных денег он скупал для Германии по всей Европе (и зачастую за чисто символическую плату) бесценные шедевры мирового искусства. Лично себя ими рейхсмаршал тоже не обделял. Только за один год войны он постарался навестить в Лувр и во дворец французских королей Тюильри 14 раз и возвратиться оттуда, разумеется, не с пустыми руками.

В изданной при Кунаеве в Казахстане (так и не пробившейся в Москве, но потом вкратце отмеченной в «Правде» за 27 мая 1979 года) книге М. Н. Филатова «Нацистские мифы вчера и сегодня» говорилось, что фрагменты «из речей Гитлера по культуре читались актёрами на торжественных празднествах как художественные произведения» (с. 89).

Нет, не был тут германский вождь (как и кремлёвский) профаном и дилетантом. Однако в сравнении с Муссолини явно проигрывал. Дуче, подобно великому китайцу Мао, не заключал творческий процесс в жёсткие идеологические рамки (Мао: «Пусть расцветают сто цветов!»).

Гитлер с Геббельсом не возражали против такого (количественного) цветения, но считали предпочтительным, чтобы общий колер был всё-таки *партийным*.

Будто оба дружно усвоили постулаты известной программной статьи Ильича Первого «Партийная организация и партийная литература» (1905), приспособленной ждановско-сусловской пропагандой к литературе художественной — тогда как у Ильича речь шла о литературе сугубо партийной.

Исключительно негативно относился Гитлер (как позже Хрущёв) к искусству художников-абстракционистов, даже упаковывал их миропонимание в термин «культурбольшевизм».

Но если Хрущёв разгромил в пух и прах выставку «абстракционистов» в Москве, то при Гитлере по Германии одно время кочевала экспозиция, где произведения видных мастеров авангардизма были перемешаны с творениями душевнобольных людей. Она так и называлась — «Дегенеративное искусство». Однако это не помешало нацистам выгодно продать представленные на ней полотна за границу.

И всё же, к чести Гитлера (если она только была у него, эта честь), свои суждения об искусстве он полагал принадлежащими только ему. Об этом он и заявил однажды Борману, заверив того, что он сам ими распорядится, когда после победоносной войны обнарудут свои мемуары.

(Вроде бы Гитлер их действительно писал, но они сгорели 21 апреля 1945 года вместе со сбитым самолётом.

Опубликованные же на пороге XXI века в Германии “дневники” фюрера оказались грандиозной фальшивкой).

Да, интеллектуально дуче был на несколько голов выше своего германского обожателя. Подобно другому всенародному вождю — Ленину, Муссолини довольно точно прорицал, что вслед за многовековым периодом силовых агрессий у человечества если не наступит эра, то мощно проклонется неодолимая тяга к утверждению эпохи интеллекта и знания.

Короче, “товарищ Бенито”, истово уверовав в своё историческое предназначение, старался и сам как словом, так и делом помогать миллионам “строить и любить новую Италию”. Его пример был по-своему живым и зажигательным. В Европе снова и снова с немалым интересом вглядывались в необычайный социально-политический эксперимент.

Лишь демократическая печать Франции никак не принимала всерьёз исполинскую фигуру дуче, вдруг выросшую по соседству. Парижские и провинциальные газеты страны свободных галлов иронически вопрошали: “Муссолини — Цезарь карнавала?”.

Триумф Муссолини так называемые прогрессивные журналисты и писатели находили торжеством механической глупости, автоматического фанфаронства. Многие демократы и коммунисты откровенно пересмеивались — опять калиф на час. Балаганный кривляка и демагог. Оказалось — куда как посущественней.

Карнавал растянулся на двадцать лет и три года.

Поначалу в новом правительстве Италии из его 13 министров только трое были фашистами. В парламенте фашистов тоже было не густо — всего лишь 7 %.

Слёзы и клятвы дуче

Но Муссолини не был бы виртуозным мастером политики, если бы не устранил все эти *семипроцентные* мелочи.

Правда, за минусом досаднейшего для него трагического исчезновения молодого социалистического депутата Джакомо Маттеоти.

10 июня 1924 года тот был похищен и убит.

Маттеоти упорно и смело разоблачал Муссолини как взяточника, принявшего солиднейший куш от одной североамериканской фирмы. Дуче со всей силой убеждённости, на какую был способен, доказывал, что этого никогда не было и не могло быть.

24 июня 1924 года в прочувствованном выступлении перед сенаторами Муссолини оплакал трагическую гибель Маттеоти и поклялся заставить всех строго соблюдать законы государства и короля-императора.

Были ли наигранно-искусными слёзы и клятвы дуче? На этот вопрос честно и со всей аргументированностью, по-моему, не сможет ответить никто из серьёзных историков.

Но так или иначе, а эти слёзы и клятвы убедили великого мыслителя и философа Кроче в искренности премьера. Как только сенатор Кроче проголосовал за полное доверие Муссолини, ещё 224 сенатора присоединились к Кроче.

Против голосовал 21.

Воздержались — 6.

Такой получился благоприятнейший для дуче расклад.

И он вздохнул облегчённо.

Угроза отставки миновала.

Дуче тогда и потом благоразумно и дальновидно старался не ломать ситуацию через колено, однако действовал без промедления, с оборотистой и напористой уверенностью в своей правоте.

Министр *народного* просвещения нового правительства Муссолини, уже упомянутый мною известный итальянский философ Джованни Джентиле (“Дубинка не менее моральна, чем проповедь” — его сентенция) по прямому поручению дуче сразу же взялся за решительное искоренение неграмотности в стране. Три миллиарда лир это правительство ассигновало на реконструкцию церквей, пострадавших в Первую мировую войну.

Стопроцентный результат обозначился 3 января 1925 года. К этому дню правительство *полностью* стало фашистским. Поначалу сам Муссолини занимал в нём сразу же посты премьер-министра, министра внутренних дел и министра иностранных дел.

Потом главным лицом в МИДе он сделал своего ненавистно-обожяемого зятя Чиано. Так было для Муссолини надёжнее, потому что Чиано являлся не только мужем родной и любимой дочери дуче, но и одним из самых тонких и проницательных политиков.

А крайним в СССР оказался тов. Дёготь

В экономической жизни Муссолини выступал с позиций т. н. *фритредерства*, т. е. невмешательства государства в хозяйственные сферы. По Муссолини, государство “стало теперь гипертрофично, сланообразно, всеохватывающе, а поэтому внешне уязвимо. Оно захватило чересчур много функций, которые следовало бы предоставить свободной игре частной собственности. Государство же теперь играет роль табачного и кофейного торговца, почтальона, железнодорожника, страхового агента, корабельного капитана, банкомёта, содержателя бань и т. д. Мы — за возвращение государству присущих ему функций — политико-юридических”, — писал он в газете “Аванти”.

С пристальным вниманием с 1926 года следил за эволюционно-революционными пируэтами его политико-экономических воззрений полномочный представитель СССР в Италии Лев Борисович Каменев (Розенфельд). Виднейший партийно-государственный деятель, предложивший в апреле 1922 года Сталина на пост генсека ЦК РКП(б), был после смерти Ленина сослан подальше от Кремля поначалу в Рим — как безнадежно проигравший Сталину в борьбе партийную и государственную власть. Но недолго ходил Каменев в полпредах. Впереди перед ним уже маячила новая ссылка — в Калугу, а за нею полный унижений трагический путь на эшафот “врагов народа”.

В 1937 году ежовский НКВД нашёл *крайнего* среди агентов Коминтерна. Это якобы из-за его политической близорукости Муссолини пришёл к власти. Это якобы он не поставил в известность тогда ещё живого Ленина и всё Политбюро о нештучной угрозе фашизма. И т. п. Крайним оказался опытный партийный функционер по фамилии Дёготь. В 1939 году итальянская печать сообщила, что ему дали десять лет.

Десять лет без права переписки в СССР конца 30-х означало только одно — *расстрел*.

Продолжение следует.

Руслана ЛЯШЕВА

Евразийские МОТИВЫ СТЕПНЯКОВ

Ещё недавно — в конце позапрошлого года я писала в статье “Корешки и вершки” (газета “День литературы”, 2007, № 11) о двух современных традициях в поэзии — строгой, классической от Бунина и метафорической, символистской от Пастернака, но, поразмыслив, добавила третью — евразийскую, рождённую уже в XX столетии и потому неведомую ни Золотому, ни Серебряному веку русской литературы. Натолкнула меня на размышления книга Владимира Шестерикова “Мгновения” (Стихи. Петропавловск, издательство “Северный Казахстан”, 2007). И это не случайно. Пока я судила о “степной” поэзии по предыдущей книге лирики разных лет “Благодарю за всё, что было” (г. Петропавловск, 2000 год), вполне обходилась двумя могучими руслами изящной словесности; Юрий Кузнецов тянул одновременно от Бунина и от Владимира Соловьёва. Ведь сейчас все пишущие в рифму словно помешались на Серебряном веке, а Владимир Соловьёв был признанным “отцом”, лидером и главой символистской поэзии. Вот одно из поздних стихотворений мэтра символизма, в котором Соловьёву наш материальный мир представляется дымкой над вечностью:

*Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?*

*Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искажённый
Торжествующих созвучий?*

*Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?*

1892

“Поэзия Серебряного века. О любви” (М. Эксмо, 2008), в этом коллективном сборнике вместе с Владимиром Соловьёвым представлено 33 поэта: одно имя громче другого: Блок, Белый, Мережковский, Ахматова, Цветаева, Черубина де Габриаки и другие. Поэзия начала XX века очень долго оставалась в тени; соцреализм стеснялся модерна, как преуспевающие родственники избегают своих бедных родичей; академическое литературоведение сквозь зубы упоминало о развязных модернистах, но особо-то вниманием не баловало. Зато теперь модернизм, вырвавшись из подполья, перестал быть неблагоприятным андеграундом и в одно мгновение превратился из гадкого утенка в прекрасного лебедя. Лебедь этот легко взмыл ввысь! Кстати, нынешние постмодернисты в подмётки не годятся

модернистам прошлого века, хотя вроде бы — наследники, незадачливые наследнички, прямо скажем. Современные постмодернисты (Сергей Гандлевский, например, и другие поэты журнала “Знамя”) — эклектики и стилизаторы, им не хватает духовной мощи, которая была у Владимира Соловьёва; постмодернисты клюют по зёрнышку, а, спохватившись, и вовсе отрекаются от постмодерна; дескать, это уже повальная мода! Любопытно, что мода на постмодернизм проходит, а вот модернизм начала XX века наоборот всё заметнее входит в обиход современной литературы.

Так вот, Юрий Кузнецов, по признанию литературоведов и критиков, — современный последователь Серебряного века. И это верно. Юрий Кузнецов заведовал отделом поэзии в “Нашем современнике” и, казалось бы, при таком раскладе сам Бог велел ему быть реалистом и последователем Пушкина, классики и т. п. Ан нет! Реалист Кузнецов своими последними христианскими, но очень сложными, поэмами тянулся к символистам.

Зато другой поэт либерального журнала “Знамя” — екатеринбуржец Борис Рыжий, к сожалению, рано ушедший из жизни из-за необъяснимого суицида, как и московские постмодернисты, ориентировался на акмеиста Осипа Мандельштама и метафориста Пастернака. Кстати, сам Борис Пастернак начинал с подражания Маяковскому, вот откуда его неизменная приязнь к метафорам. Пастернак и Маяковский — оба крупные поэты, но из одного “кузовка” — Бурлюков и Бриков, то есть акмеистов и футуристов в поэзии и живописи.

Таким образом, закругляясь с предисловием к стихам Шестерикова, обобщаю. Журналы “Наш современник” (почвеннический и патриотический) и “Знамя” (знамя либеральной литературы) разрабатывали в конце XX века и в начале XXI-го общую традицию — модернизма Серебряного века, но разные его течения. Если во времена Блока и Горького был отчётлив разлом между реалистами и модернистами, то в наше время всё переплелось; реалисты (“новые реалисты” — Вера Галактионова в прозе, Роман Сенчин в прозе и в стихах, Марина Котова в стихах и др.) не гнушаются приёмами постмодернистов, а те, в свою очередь, свободно владеют приёмами реализма (Павел Крусанов в прозе, Виталий Пуханов в поэзии и др.).

Так нынче выглядит карта литературной России (такой же точно она отображается в газете “Литературная Россия”). Русские литературные деятели в СНГ вписываются в контуры этой карты легко и естественно, поскольку работают в одном направлении — то есть традиций Золотого и Серебряного веков русской классики. С одним добавлением! Евразийство! Оно у одних проявляется под воздействием теории (три этапа евразийства: Николай Трубецкой — 20-е годы, Лев Гумилёв — 70-е годы, Александр Дугин — начало XXI века), у других — стихийный всплеск жизненных впечатлений. Ко вторым относится и Владимир Шестериков. Член СП с 1979 года, он успешно работает в поэзии, в прозе, в публицистике, кроме того — журналист и издатель. Но сейчас речь идёт о его стихах; беру навскидку, как говорится, стихотворение и комментирую.

*Ничего мне больше и не надо,
Лишь на землю древнюю ступить,
Лишь бы затеряться в неоглядных
Островах берёзовых в степи.*

*Лишь уйти за дальние просторы
Да поводя ветра сжать в руках,
Лишь глотнуть чуть горький дым истории
С сизовой дымкой кизяка.*

*Приподняться над полями мирными,
Где незримо зреет урожай,
Где холмы, как дерзкие батыры,
Тишину степную сторожат.*

*Мне б войти в преданья да былины,
В душу века зорко заглянуть,
Скачет-скачет всадник на равнине,
Устремляя к горизонту путь.*

*Там, где шли, подобно урагану,
В небыль кочевые племена,
В изголовье положив курганы,
Степи пробуждаются от сна.*

*Слившись вместе с поднебесной ширью,
Тихо дремлет гладь Ишим-реки,
И мечами воинов-батыров
По степи блестят солончаки.*

*И кругом, где облака кочуют,
Из расщелин треснутой земли
Ржавые, как древние кольчуги,
Буйные колосья проросли!*

Когда-то крепость Петра и Павла выросла вместе с казачьей пограничной линией между Русью и Азией. Предки Владимира Шестерикова пришли сюда из Подмосковья с первыми казаками; тогда они охраняли Русь от кочевников-тюрков. Броня, курганы, дым кизяка — эти слова словно попали в стихотворение Шестерикова из книг Мурада Аджи о Великом переселении народов в 11-12 веках новой эры, так он описывает быт кипчаков (половцев). Различие же в том, что стихотворение современного поэта уже не разделяет народы, как в ту далёкую эпоху, а наоборот соединяет, и бывшая казачья линия ("Горькая линия") стала евразийской линией дружбы казахстанцев и россиян. Поэт воссоздаёт в стихотворении неподвижный степной пейзаж знойного летнего дня, однако он передаёт движение времени-истории. От былых сражений к союзу и евразийству!

Конечно, если бы Мурад Аджи прочёл это стихотворение, он бы, пожалуй, не удержался и от критических реплик, почему, мол, племена уходят в небыль? Кипчаки не ушли, дескать, в небыль, а заселили Европу (такова его концепция). Но в целом, пожалуй бы, одобрил, оценив знание поэтом исторических реалий.

Эта же тема — евразийства — в другом стихотворении ещё более отчётливо выражена Шестериковым. Если Мурада Аджу, потомка кипчаков, проживающего нынче в России, интересуют следы былого величия и мощи предков, заселивших Великую степь (и Европу), то Владимира Шестерикова, потомка славян, проживающего в Казахстане, интересует переключка двух слов: слава и славяне!

*За косогором колосится рожь,
Поляны разбегаются лесные,
Ты выйдешь на опушку и вздохнёшь,
И выдохнешь душою всей: "Россия".*

*Там, за степной рекою, кони ржут,
Клин журавлиный в синем небе тает...
Я к племени славян принадлежу,
А родом я из Казахстана!*

*И полоснут, как трели соловья,
Не потускнев в веках и не увянув,
Родившиеся в древности слова,
Чтоб жить навеки, славы и славяне!*

*Но отчего же дробный зов подков,
Который на равнинах раздаётся,
Вошёл тревожным зовом в мою кровь
С лучом раскосым кочевого солнца?*

*И я сажусь с тобой за круглый стол,
Струной домбры звенит в ауле утро.
И мне милы речей крестьянских соль
И аксакалов сдержанная мудрость.*

Прекрасное стихотворение! И не надо разбираться, кто прав? Казахские учёные, утверждающие существование в прошлом кочевой цивилизации, или Мурад Аджи, оспаривающий такое заявление доводами о том, что кипчаки не были "дикими кочевниками", они были, дескать, металлургами, строителями, земледельцами и воинами-конниками. Они, мол, построили в степи города?! Так ли, нет ли? Ни доказать, ни опровергнуть невозможно! Русский поэт Владимир Шестериков принимает в свою душу общее наследие степняков и славян; он, я полагаю, совершенно прав. Помните, Александр Блок восклицал: "Да, азиаты мы, с раскосыми и жадными очами..."

Современный поэт вторит ему и развивает тему единения народов Евразии дальше! Много история нам не даёт! Да иного и не надо.

г. Москва.

Елена ДАЙЛИДКО

Всё только начинается

Вот уже пятнадцать лет, как Вероника вышла замуж за Олега. Она выглядела моложе своих сорока, хотя в последнее время стала немного сдавать: шутка ли, столько событий! Олег уже два года живёт на две семьи. Как только узнала об этом, вопрос: “Уйти или жить по-прежнему?” — не давал ей покоя. Настя, дочь, совсем стала взрослой, знала всё и обо всём и, между прочим, обещала матери, что до девятнадцати лет останется чистым невинным ребёнком. А тут вдруг Вероника стала беспокоиться за дочь. Появился у неё молодой человек, постоянно приезжал на машине, дарил разные мелочи, водил в ресторан. Мать навела о нём справки и немного успокоилась. Ванечка был вторым ребёнком в обеспеченной семье, скромным, умным и уже имел СТО, открытую, конечно, не без помощи родителей.

— Мама, мы с Ваней были в магазине, я взяла себе серебряный набор: цепочку, серьги, кольцо. И ещё — французские духи. Перенюхала флаконов десять! В конце концов выбрала наборчик “два в одном”: духи дневные и ночные, запах просто обалденный, можешь, если хочешь, пользоваться.

— Настя, может, не следует принимать такие дорогие подарки? Я начинаю беспокоиться.

— Мамуля, я у тебя девочка разумная.

“Может, и в самом деле ничего страшного. Время сейчас такое... Пусть всё идёт своим чередом”, — попыталась успокоить себя Вероника.

Был уже поздний вечер, а Олега всё ещё нет. За целый день не удосужился даже позвонить. Посмотрев вечерние “Новости” и наложив на лицо косметическую маску, она пошла спать: завтра дежурство.

День начинался как обычно. Проснувшись, Вероника не обнаружила рядом Олега, он спал на диване в зале. Завтракали молча, никто не сказал ни слова, как будто все были в сговоре. За Олегом приехал водитель на служебной “Волге”, как это часто бывало, они подвезли Веронику к больнице, где она работала кардиологом.

А вечером следующего дня Олег сообщил, что переезжает к той, другой, окончательно. Не было никаких истерик, скандалов. Наверное, она свыклась с мыслью, что когда-нибудь это случится, хотя надежда на примирение оставалась. “Пройдет время, и всё утрясётся”, — говорил Олег. Как это понимать? Вероника понимала его слова по-своему: муж устанет от этой раздвоенности, всех тяготившей, и вернется к ней, верной и преданной.

Свою преданность потом, когда по выходным он навещал Настю, она доказывала, как могла: угощала обедом, давала деньги взаймы. “В той семье я чувствую себя личностью!” — говорил муж. Но о разводе и слышать не хотел. Иногда он звонил, по поводу и без повода. К чему эти разговоры —

Вероника никак не могла понять. Сидела и всё анализировала, думала: “Что он имел в виду?..”. Звонила подруге: “Лор, что он хотел сказать? Хочет вернуться назад?”. “Знаешь, подруга, — отвечала та, — издевается он над тобой, а ты до старости будешь разгадывать его “кроссворды” и в конце концов останешься ни с чем!”.

Веронике эта откровенность и резкие слова несколько не обижали, наоборот, возвращали к реальности. Она не могла вспомнить ни одного разговора с Олегом, который дал бы ей надежду. Он ни разу даже за руку её не подержал с тех пор, как ушёл...

Вероника решила порвать с ним окончательно и начать новую жизнь. Она перестала привечать мужа с прежним радушием. “Хочет видеться с дочерью, помогать ей материально — всегда пожалуйста”. Она пошла в суд и подала документы на развод, Настя её полностью поддержала — видела ведь, как страдала мать весь последний год.

Однажды Лорка пригласила Веронику в ресторан — это было накануне Нового года. Звучала лёгкая музыка, танцевали пары. К столику подошёл мужчина и пригласил Веронику на танго. Он был элегантный, высокий и довольно симпатичный. Вечер прошёл превосходно: они танцевали, шутили, пили шампанское. Егор — так его звали — был ко всему ещё и очень эрудированным, интересным человеком. Провожая Веронику домой, предложил встречаться. Видя человека в первый раз и думая, что в последний, можно быть вполне откровенным. Так и поступила Вероника:

— Знаете, Егор, я привыкла с детства к достатку, люблю красиво одеваться, ни в чём себе не отказывать. И вообще, у меня взрослая дочь. Вас должно испугать...

Он, как ни странно, не испугался: “За вечер, проведённый с Вами, я понял: вы женщина, которая мне нужна и с которой я буду счастлив. Я могу вам гарантировать жизнь королевы. Вы согласны?”. И ответ был: “Да!”.

Что принесёт ей этот новый год? Она откроет новую страницу в своей жизни? Настя её точно поддержит. Вероника приняла решение, которое уже не хочет менять, и ощущает при этом огромное облегчение.

В сорок лет жизнь только начинается — так ведь, кажется, говорят?..

“Полосатая” жизнь

Анна Сергеевна Полякова всё своё время отдавала детям. Чужим детям. Она работала в детском доме учителем химии. А своих детей не имела. Только ближе к сорока что-то у неё наметилось с мужчиной...

Был дождливый осенний вечер, когда зазвонил мобильный телефон. Было уже довольно поздно, и Анна с недоумением подумала: Кто бы это мог быть так поздно? Странно... Нажав на зелёную кнопку, она услышала мужской голос, который спросил Женю. Она ответила, что это её номер и что Жени здесь нет и быть не может. Незнакомец извинился, и связь прервалась. Анна стала готовиться ко сну, но звонок повторился, и тот же голос начал “дико извиняться” за ошибку с номером и говорить, что у неё очень приятный голос.

Вот так Анна Сергеевна с Николаем и познакомились.

Николай Зосько отбывал наказание в местах не столь отдалённых. За убийство. В той, прежней жизни он занимался каратэ и имел чёрный пояс. Шагая однажды вечером с тренировки, он увидел, что парни

пристают к девушке, и вступился, не рассчитав удар, и в итоге один из парней скончался, а он отправился на девять лет в лагерь строгого режима.

Николай стал ей часто звонить и присылать SMS-сообщения. Анна отвечала и принимала всё за игру, но игра мало-помалу переросла в реальное увлечение. Он называл её солнышком, зайкой, милой и любимой, признавался в любви и в том, что тоскует. Спустя год Анна поехала к Николаю на свидание.

— Здравствуй, Аня! Вот мы и встретились. Мы будем вместе 43 часа здесь, в этом “люксе” с зарешеченным окном. Извини, другого пока что нет.

У него было совсем юное лицо, говорил негромко, а самое удивительное — в нём проглядывала интеллигентность, что ли. Он был младше Анны почти на десять лет. Они наговорились досыта уже лицом к лицу, и казалось, что она знает Николая всю жизнь, и разница в возрасте как будто стёрлась. Сорок три часа пролетели как сорок три минуты. Контролёр напомнил, что время прощаться.

— Я буду тебя ждать, — уходя, сказала Анна.

Дома, сидя на кухне с соседкой и лучшей подругой, она и не пыталась прятать своих эмоций.

— Вика, теперь я потеряла покой. Я хочу быть рядом с ним. Я верю, что он — невольная жертва, он не похож на убийцу. И мне всё больше и больше кажется, что я смогу наполнить своей любовью свою и его жизнь и наконец-то стать счастливой!

— Какая же ты, Анька, глупая. Взрослый человек, а ведёшь себя... Я со своим прожила почти полжизни, и всё равно его толком не знаю.

Прошёл ещё год. И вот — наконец-то, именно сегодня должен приехать Николай. Она приготовила праздничный ужин, сделала причёску и надела свой лучший наряд. В дверь звонили. На пороге стоял он с букетом цветов. Они застыли на пороге квартиры и смотрели друг на друга. У Анны так сильно стучало сердце, что ей показалось, что и Николай слышит этот стук. Страхнув с себя оцепенение, Анна бросилась обнимать его, у неё текли слёзы.

— Ну что ты, родная, я вернулся...

Однажды забежала, сияющая, к подруге: “Мне с ним легко и интересно. Я ещё тогда, на свидании в зоне, почувствовала, что встретила родным человеком. Сегодня он предложил соединить наши судьбы. Официально. Знаешь, Вика, мне радостно и совсем не страшно”.

— Мне тоже кажется, что Коля хороший парень. Я рада за тебя, подруга, — не находя других слов, поддержала Вика.

Шикарного торжества устраивать не стали. Поставили свои подписи в загсе и обвенчались в костёле.

Пролетели пять счастливых лет. Всё бы хорошо, вот только не могла Анна родить ребёнка. Николай стал уговаривать: давай усыновим малыша! В детском доме, где Анна работала, была четырёхлетняя девочка с голубыми глазами, похожая на ангелочка. Анна с первых дней привязалась к ней больше, чем к другим детям. И супруги решили Снежану удочерить — мол, нашего счастья на троих хватит. Но рядом со счастьем, оказалось, ходит горе...

Николай погиб нелепо, на пешеходном переходе его сбила машина. Подбежавшие к месту аварии услышали: “Аня!” — это были последние его слова.

Со смертью Николая стала угасать и Анна Сергеевна. Что-то в ней умерло вместе с ним.

— Аня, не хорони себя, не мучай. Таков закон жизни — одни умирают, другие рождаются и живут, — говорила Вика.

— Ты же знаешь, Коля был для меня всем: и сыном, и отцом, и мужем, моей надеждой и опорой. Только с ним я и стала жить по-настоящему.

В трауре прошли два года. Анна накрывала стол всегда на двоих — для себя и для Николая. В ванной комнате стояли его бритвенные принадлежности, на вешалке в прихожей висел его плащ.

— Слушай, подруга, так не долго и в психушку загреметь, никуда, кроме работы, не ходишь, ни с кем не общаешься, — внушала ей Вика. — Вот мы завтра с мужем идём на свадьбу, и ты, я приказываю тебе, пойдёшь с нами. И никаких отговорок.

Приведя себя в порядок, надев красивое платье, Анна появилась на свадьбе. Стараясь не выделяться среди прочих гостей, танцевала весь вечер и даже участвовала в каких-то играх и конкурсах, и Вика стала узнавать прежнюю подругу. Её несколько раз приглашал на танец молодой мужчина по имени Руслан, а после банкета он вызвался проводить Анну до дома. Она ответила отказом — провожатые — подруга с мужем — у неё были...

Спустя месяц Анна, как всегда, возвращалась с работы на автобусе. В какой-то момент она почувствовала на себе пристальный взгляд, повернула голову и увидела знакомое лицо — это был Руслан. Слово за слово и прощались в тот день почти друзьями. Постепенно эта дружба перетекла в близкие отношения. Длившиеся чуть меньше года, они вызвали всплеск сил и оживили жизнь заскучавшей было женщины. Они проводили много времени вместе. Руслан разделял её увлечения и заботы, не скупился на дорогие подарки, вплоть до золота и бриллиантов.

— Аня, у меня в Петербурге бизнес, поедешь со мной? Не могу же я ездить туда-сюда бесконечно...

— Я бы согласилась, если бы... хочу удочерить Снежану, собиралась сделать это ещё три года назад, да обстоятельства помешали.

— Это не проблема, начинай собирать документы, заберём дочку с собой.

Руслан уехал в Петербург, а дня через три раздался телефонный звонок и Руслан стал говорить о проблемах с бизнесом, о том, что ищет крупную сумму, чтобы поправить дела. Анна обещала помочь.

Целую неделю она бегала по знакомым, занимала деньги, сняла со счёта свои сбережения.

Вика стала беспокоиться:

— Аня, тебе, конечно, самой решать, но мне как-то тревожно. Сейчас столько аферистов! Разводят на деньги таких дурёх, как мы с тобой.

— А я ему верю, — отвечала Анна.

Через неделю приехал Руслан, измученный проблемами. Анна не стала вдаваться в подробности, поняла только, что проблема с поставщиками и деньги вернут максимум через пару месяцев. Взяв деньги, уехал. Первую неделю он часто звонил по мобильному, потом звонки стали реже, говорил, что звонит из телефона-автомата, а его мобильный оказался вне зоны действия.

Подходил срок возврата денег. Анна была в отчаянии. Руслан не появлялся и не давал о себе знать. Анна выставила свою квартиру и квартиру

матери на продажу. Нервы, наконец, не выдержали всего происходящего, и, буквально разбитая, она угодила в клинику.

Выйдя из клиники, Анна вернулась к работе, жила она теперь, лишившись квартиры, в детском доме. Она стала присматриваться к своему окружению, старалась понять, кто чего стоит, кто из друзей настоящий, а кто фальшивый.

Но она не ожесточилась. “Это мне урок, — повторяла Анна. — Сейчас уже невозможно удочерить Снежану. У меня нет жилья, нет сбережений, но я, чтобы жить, обязана надеяться на хорошее”.

В один из дней гуляя с детьми по парку детского дома, Анну Сергеевну вызвал к себе директор. Кроме хозяина, там были мужчина лет пятидесяти и девушка. Тут же выяснилось, что это американский адвокат с переводчицей.

— Миссис Полякова, я представляю интересы миссис Катерины Ченинг. Миссис Ченинг скончалась два года назад. Детей у неё нет, всё своё состояние она оставила вам, своей племяннице, дочери её сестры, которую не видела с 1944 года. Я прошу вас ознакомиться с бумагами и в нашем посольстве в присутствии нотариуса выполнить кое-какие формальности.

Покойная мать Анны Сергеевны действительно рассказывала, что у неё есть сестра в Америке. Во время войны немцы забирали молодёжь и увозили в Германию. Так Катерина попала за границу. Через двадцать лет после войны они стали переписываться, но увидеться им так и не довелось.

Перебирая протянутые ей листочки, Анна не верила своим глазам. Это что же получается? Оставленного тёткой наследства хватит не только ей до конца жизни, но ещё и Снежане, которую теперь она уж точно сможет удочерить?.. Неужели всё это — не сон?

... Прошёл год. За это время Анна Сергеевна крепко встала на ноги. Вернула свою квартиру, как память о Николае, ведь именно там она была по-настоящему счастливой. Выкупила квартиру матери, оставив её как память о ней и своей молодости. Удочерила Снежану, открыла свой собственный салон красоты и стала называться — бизнес-леди!

В канун очередного Нового года Анна и Снежана объезжали магазины — сами себе делали подарки. Поставив машину на стоянке, они шли к супермаркету, держась за руки и радуясь падавшему снегу. Вдруг внимание Анны привлёк мужчина. Бомжеватый на вид, в старой помятой одежде, на протянутую руку была надета нитяная заштопанная перчатка. Анна, ощутив прилив жалости к этому несчастному, достала из сумочки стодолларовую купюру и вложила в руку незнакомца. Он поднял голову, глаза его слезились, и она, невольно отшатнувшись, узнала в этом человеке Руслана.

— Спасибо тебе, Аннушка, я виноват перед тобой и прошу прощения, — сказал Руслан и вдруг бухнулся перед Анной на колени.

— Бог тебя простит, — сказала она и, взяв крепче дочку за руку, вошла в магазин.

Мужчина всё ещё стоял на коленях и, похоже, плакал. Ничего не понимавшие прохожие старались не смотреть в его сторону — так он был жалок и неуместен, особенно сейчас, накануне самого красивого семейного праздника...

г. Кокшетау.

Александр СМИРНОВ

Камень

Пропылённый “уазик” остановился у кромки леса.

— Приехали, — сказал водитель. — Дальше вы уж своим ходом. А лучше бы плюнули да назад повернули. Мало ли чего может случиться, в Зоне-то.

— Не думаю, что мне что-то грозит, — ответил я.

— Ну, как знать... Недаром же два КПП на дороге поставили. Живы-то вы, положим, останетесь, а вот за остальное я бы ручаться не стал. Много я вас, ходелок, уже перевозил, и всегда одно и то же: в Зону уходит один человек, а возвращается другой. Смурной, будто вынули из него что-то...

То, что Зона меняет людей, было известно уже давно. Десять лет назад в этом районе упал метеорит. Для его изучения отправили несколько научных экспедиций, но, в общем-то, особого внимания метеорит к себе не привлёк. Однако вскоре после возвращения все участники этих экспедиций поспешно уволились из своих институтов, и это было замечено СМИ. Большинство учёных избегало давать интервью, остальные же отвечали на вопросы журналистов уклончиво и витиевато. Тем не менее, становилось понятно, что исследователи обнаружили нечто необычное и пытаются скрыть это от прессы.

К метеориту стали стекаться любопытные, и с каждым днём таких людей становилось всё больше. В ту же пору в районе падения метеорита произошло несколько лесных пожаров, опустошивших достаточно большую территорию вокруг метеорита. С чьей-то лёгкой руки выжженную землю окрестили Зоной.

Пожары не напугали людей, и поток паломников к метеориту не иссякал. Людей словно магнитом тянуло сюда. Однако, вернувшись домой, паломники все до единого становились апатичными и малоразговорчивыми, увольнялись с работы, иногда даже уходили из дома в неизвестном направлении, в общем, с ними происходило то же самое, что и с учёными, первыми посетившими Зону.

Как бы то ни было, к концу третьего года из-за массовых увольнений ситуация в экономике стала угрожающей, и на Зону наконец-то обратило внимание государство. Оно наложило запрет на посещение Зоны — чтобы попасть туда, теперь надо было выхлопотать себе спецпропуск. Зона была обнесена двумя рядами колючей проволоки и охранялась силами армии. Хотя некоторым ловкачам всё же удавалось обойти охрану, паломничество к метеориту уже не носило массового характера.

**Александр
Валерьевич
СМИРНОВ**

родился в 1986 году в Ярославле. Студент 5-го курса математического факультета ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Печатается с 2007 года. Миниатюры и фантастические рассказы публиковались в журналах “На любителя” (Атланта), “Техника — молодёжи” (Москва), “Золотой век” (Киев), “Супертриллер” (Москва), “Порог” (Кировоград), в DVD-приложении к журналу “Мир фантастики” (Москва), в сборнике “Новая волна. Созерцание бесконечности...” (Санкт-Петербург).

В 2008 г. в “Ниве” (№ 10) были опубликованы “Миниатюры” А. Смирнова.

Я давно хотел попасть в Зону, но поначалу меня отпугивало то, что происходило с побывавшими там, впоследствии же никак не удавалось получить пропуск. Так что теперь, достав за большие деньги разрешение на посещение Зоны, я не намерен был отступать.

— Идите прямо по дороге, — сказал шофёр, видя, что я не собираюсь возвращаться. — Когда дойдёте до Змеевки, поищите там деда Семёна. Он вам покажет путь, а если будет в настроении, то и доведёт до метеорита.

— Разве в Зоне кто-то живёт? — удивился я.

— Дед Семён — последний. Когда началась эвакуация, он не захотел покинуть родную деревню, так там и остался.

Я вылез из машины, и она, урча мотором, скрылась в лесу. От долгого сидения затекли ноги и ломило спину — сказались три часа пути по тряской, ухабистой дороге и ночной переезд до Нижнего Новгорода в холодном поезде с хронически незакрывающимися окнами.

Потянувшись, я надел на плечи свой рюкзак и пошёл по дороге через поле. Хотя июльское солнце, сиявшее в почти безоблачном небе, уже начало припекать, путь не был в тягость. Свежий ветерок пробегал по полю, ласково причёсывая зелёную равнину.

Однако поле скоро кончилось, и дорога пошла по сгоревшему лесу. Лес этот представлял собой весьма удручающее зрелище: выжженная земля, чёрные, обуглившиеся стволы деревьев, многие из которых попадали тут и там, перегораживая порой дорогу. Тяжёлую, давящую атмосферу не могла скрасить даже молодая поросль, старательно пробивающая себе путь к жизни. Над пепелищем витал застоявшийся запах гари, он сопровождал меня неотступно всё то время, что я шёл через пожарище, и накрепко въелся в одежду.

К трём часам лес, наконец-то, кончился. Вскоре я увидел покосившуюся ржавую табличку, на которой было написано “Змеевка”.

В деревне не осталось практически ни одного целого дома — одни облизал пожар, другие разрушились сами, оставшись без присмотра.

Пройдя в другой конец деревни, я увидел жилище деда Семёна. Старая изба вросла в землю по самые окна. Крыша прохудилась во многих местах и была залатана дощечками разной формы и цвета. Дом и огород окружали покосившийся забор и неглубокая канава, наверняка выкопанная для защиты от пожара. Через канаву был перекинут дощатый мостик.

Сам дед Семён работал в огороде. Увидев меня, он оторвался от своего занятия и подошёл, поглаживая окладистую белую бороду, в которой застряли частички земли.

Расспросив, кто я таков и зачем пожаловал, он обещал отвести меня к метеориту на следующий день.

— А сегодня нельзя? — спросил я.

— Сегодня никак. Гроза будет, не дойдём.

Я не стал его уговаривать, хотя в грозу верилось с трудом — на небе не было ни облачка. Однако, как оказалось, старик был прав: через какой-нибудь час подул порывистый ветер, нагоняющий духоту, и на горизонте появилась чёрная кайма — край грозовой тучи. Вскоре она закрыла полнеба. Под её громадным брюхом сверкали частые вспышки молний, и гром рокотал, не останавливаясь ни на мгновение. Прошло несколько минут, и стало темно, как ночью — туча безраздельно завладела небом.

И тут, словно прорвавшись сквозь преграду, с неба хлынули холодные водяные потоки. Они яростно стегали крышу дома и землю, будто стараясь пробить её насквозь. Вспышки молний выхватывали из темноты сжавшуюся под ударами ливня деревню.

Стихия бушевала больше часа, а потом гроза резко, так же, как и началась, сошла на нет, и в чисто вымытом небе радостно засверкало солнце.

Дотоле сухая земля раскисла и превратилась в по-осеннему неприятную грязь, а канава вокруг дома до краёв наполнилась водой и напоминала средневековый ров. По улице теперь нельзя было пройти без резиновых сапог.

Я пережил грозу на крыльце, дед Семён же ушёл в дом. Когда дождь кончился, он выбрался наружу.

— И часто у вас здесь такая непогода? — поинтересовался я.

— Да почитай, что каждую неделю. Как снег тает, так и начнётся, только к сентябрю и распогодится более-менее. Раньше-то такого не бывало, пока каменюга твоя с неба не грохнулась. А потом как пойдёт... И всё то сосну зажжёт, то ёлку. Так лес и поперевёлся, и деревни не стало...

На следующее утро мы рано вышли из деревни, и к полудню были у метеорита. Падая, он пропахал в земле глубокую борозду, которая теперь уже заросла травой и вписалась в окружающий ландшафт. Сам камень наполовину ушёл в мягкий грунт, но даже так он внушал уважение. Тёмно-серый космический странник почти правильной сферической формы, десяти метров в поперечнике нашёл свой последний приют на Земле.

Подойдя поближе, я увидел, что вокруг метеорита раскидано множество плоских овальных камешков размером чуть меньше ладони. Я подобрал один из них. Сверху (или снизу?) на камне был изображён диковинный рисунок — причудливая вязь тончайших линий. Я взял ещё несколько камней, и на каждом обнаружил подобный рисунок. Я сравнил с десятком камней — несмотря на похожесть, все рисунки были индивидуальны, ни один не повторялся. В это время ко мне подошёл дед Семён.

— Что это? — спросил я у него, показывая один из камней.

— Камень.

— Я вижу, что не гриб. Что это за камень?

— Просто камень. Их вон та штука делает, — он показал на метеорит. — Только эти уже выброшенные, холодные. Да ты чем глаза таращить, зайди с той стороны, там подкоп есть под днище. Залезь туда, да руку-то и приложи — и тебе сделает.

До крайности удивлённый, я поступил так, как велел старик. Обойдя метеорит, я обнаружил довольно широкий лаз. Выпавшая вчера влага ещё не до конца впиталась, и в лазе слякотно хлюпало, но я всё-таки дополз до дна.

Метеорит теперь был прямо надо мной. Перевернувшись на спину, я дотронулся до его шершавой поверхности и тут же уловил едва ощутимую вибрацию. Прошло секунд десять, и вдруг я почувствовал тяжесть в ладони. Поднеся её к глазам, я рассмотрел камешек, который “выдал” мне метеорит. Он идеально ложился в мою ладонь, а рисунок отчётливо выделялся на поверхности, несмотря на темноту лаза. Я сжал руку, и в этот момент всё моё тело словно пронизало теплом, и душу окатила волна радости.

Я вылез из лаза грязный, но довольный. Дед Семён посмотрел на меня понимающим взглядом и ничего не спросил. Вскоре мы тронулись в обратный путь.

Спустя сутки я был дома, и уже на следующий день пошёл на работу. Хотя, сидя в поезде, я то и дело сжимал лежавший в кармане камень, чтобы вновь испытать то радостное ощущение, на этот раз я решил не брать его с собой.

С момента прихода на работу и до самого вечера меня сверлило беспокойное чувство утраты. Я понял, что мне недостаёт камня. Я трудился в полузабытьи, невпопад отвечал на расспросы коллег о Зоне, а то и вовсе отмалчивался, и, конечно же, ни словом не обмолвился о камне. В конце концов, я отпросился с работы на час раньше и опрометью кинулся домой. Только сжав в руке камень, я смог восстановить душевное равновесие.

На следующий день, уходя на работу, я положил камень в карман. Просидев два часа на своём месте, я, повинувшись безотчётному порыву, написал заявление об уходе и навсегда покинул контору.

Прошла неделя с момента увольнения. Я стал меньше есть и спать — камень заменяет мне пищу и сон. Теперь я кладу его под подушку, чтобы, очнувшись после очередного кошмара, незамедлительно найти успокоение.

За неделю моё зрение обострилось. На улице или в транспорте я всё чаще замечаю людей так же, как и я, украдкой сжимающих свои камни. Простые люди этого не видят, мы кажемся им чудиками, городскими сумасшедшими, жертвами Зоны, кому как...

Минул месяц с тех пор, как я вернулся из Зоны. Это событие можно было бы отметить, если бы я мог встать с постели.

Я чувствую себя совершенно разбитым, голова трещит, меня ломает, кидает то в жар, то в холод, температура постоянно скачет от тридцати пяти до сорока и обратно, я то мечусь в бреду, то забываюсь тяжёлым беспокойным сном. И так уже неделю! Я вызвал бы врача, если б не боялся, что он найдёт и отберёт камень. Да и камень не советует мне этого делать. Сегодня ночью мне показалось, что он разговаривает со мной, и руны на его поверхности светятся слабым ласковым светом.

Второй день трясёт меня в тяжёлой лихорадке. Вдобавок к тому, проснувшись ночью, я не нашёл под подушкой камня, и до утра стучал зубами в ознобе. Наутро же камень обнаружился на тумбочке — не иначе, я сам его туда отбросил в беспомощности.

Когда же всё это кончится?

Я проснулся в восемь. Голова не болела и лихорадка прошла. После вчерашнего пика это было неожиданно. К тому же я впервые за последние недели выспался. Умывшись, я почувствовал себя обновлённым, словно скинул какие-то невидимые оковы.

Позавтракав, я вспомнил о камне — оказывается, я ни разу не воспользовался им за всю ночь и утро. Я пошёл в комнату, но не нашёл его ни под подушкой, ни на тумбочке. Я удивлённо сел на кровать. В этот миг на кухне жалобно зазвенело разбитое стекло. Я сорвался с места и бросился туда.

Окно было разбито. На полу среди осколков барахтался камень. Почувствовав моё приближение, он вскочил на невесть откуда взявшиеся тонкие ножки и встряхнулся, блеснув знакомым мне рисунком.

Когда я сделал шаг ему навстречу, камень расправил за спиной крылья, взлетел и выскользнул в им же самим разбитое окно. Он стремительно уносился прочь в ослепительную лазурь, где уже весело резвились тысячи его собратьев.

Пять шагов

1

За окном забрезжил тусклый рассвет. С трудом пробивая утренний туман, солнечные лучи оставляли зеленоватые следы на металлическом полу комнаты. На этой планете зелёным было всё: рассветы и закаты, буйство джунглей и заросшие вековой тиной озёра. Временами казалось, будто сам воздух начинал отливать зеленью. Единственное, что выделялось из равномерного, однотонного пейзажа — это земная база — серо-стальная полусфера, установленная на расчищенной площадке посреди джунглей под защитой силового поля.

Сейчас база только начинала просыпаться. Первым, как всегда, был Николай — командир экспедиции, — пятнадцатилетний опыт космолётчика приучил его затрачивать минимум времени на сон. К тому же текущие дела не позволяли расслабиться ни на минуту.

Умывшись, Николай отправился в пищеблок, перешагнув через солнечные блики на полу — он до сих пор не смог привыкнуть к их неестественной зелени, и ему было неприятно наступать на эти пятна.

После завтрака на Николая сразу же навалилась куча дел, каждое из которых требовало неотложных решений, так что только к полудню он сумел в очередной раз встретиться с пленным инопланетянином.

Инопланетянин стоял посреди комнаты и не мигая смотрел на Николая. За всё время нахождения на базе — а прошло уже около месяца — инопланетянин не промолвил ни слова. Более того, он ни разу не притронулся к еде, отказывался и от воды, и было непонятно, откуда он черпает энергию для своей жизнедеятельности — по заверениям биологов, в течение всего периода наблюдения вес аборигена оставался неизменным.

Инопланетянин был невысокого, около метра двадцати роста, гуманоидом. Всё его тело покрывала гладкая зелёная кожа, представлявшая собой что-то вроде защитной оболочки. Она не была кожей в строгом смысле этого слова, скорее это было нечто среднее между кожей и одеждой, способной согревать тело и предотвращать повреждение органов гуманоида. Кроме того, её цвет позволял легко укрываться в джунглях от преследования. Исследователям не удалось найти на планете каких-либо крупных хищников, так что, по-видимому, способность к мимикрии носила атавистический характер. Помимо прочего, должен был существовать механизм, позволяющий инопланетянину на время “выходить” из защитного кокона хотя бы для удовлетворения естественных потребностей организма, но определить его пока не удалось — сам абориген демонстрировать подобное умение, похоже, не собирался, а проводить над ним эксперименты

биологам не позволяли морально-этические нормы, поскольку инопланетянин явно был разумным существом.

Поймать аборигена удалось совершенно случайно. На второй неделе экспедиции сенсоры базы зафиксировали крупный движущийся объект вблизи защитного поля, и автоматика заблокировала дальнейшее его продвижение при помощи силового кокона. Поднятая по тревоге группа быстрого реагирования нашла внутри кокона этого гуманоида. Тот не стал сопротивляться пленению, и был препровождён на базу. С тех пор большинство разведывательных групп отправлялись в джунгли с единственной целью, однако ни одной из них не удалось обнаружить и следа собратьев арестованного аборигена.

В то же время не прекращались попытки установить контакт с пленным инопланетянином. Попеременно это пытались сделать едва ли не все члены экспедиции, однако все их старания пропадали втуне.

Теперь инопланетянин неизвестно в какой по счёту раз стоял перед Николаем. За время их одностороннего общения командир экспедиции перепробовал, казалось, всё, но гуманоид одинаково реагировал на любые попытки добиться его ответной реакции — он просто тупо смотрел на Николая, не мигая и не двигаясь с места, пока его снова не уводили в камеру. Порою Николаю казалось, что инопланетянин не столь уж и разумен, однако заключения биологов, наблюдавших за ним двадцать четыре часа в сутки, убеждали его в обратном.

Тем не менее контакт нужно было устанавливать, причём на это осталось дней пять, от силы неделя — с Земли вот-вот должен прибыть второй корабль. Если до этого времени общение с аборигеном не начнёт налаживаться, его заберут на Землю, и уже другим людям достанется честь быть первыми, кто установит контакт с внеземной цивилизацией.

— Ну как, так и будем молчать? — поинтересовался Николай у инопланетянина. Тот продолжал смотреть на него, не отрываясь. — Ну чего ты уставился на меня, как баран на новые ворота? Нет бы лучше пролопотал что-нибудь по-своему? Ведь несложно, а?

Лопотать по-своему в планы инопланетянина, похоже, не входило. Николай вздохнул.

— И что же мне с тобой делать? Может, ты путешественник в душе, на Землю хочешь съездить? Смотри, погулять-то тебе там особо не дадут. Запрут в лаборатории, и баста. А... ладно, — Николай махнул рукой. — На, хоть музыку послушай, может, приймёт... Станцуй чего-нибудь, танец дождя, или что вы там танцуете? Ты хоть танцевать-то умеешь? — Николай показал, как надо танцевать.

Танцевать инопланетянин тоже не пожелал. Играла музыка, а он всё так же неподвижно стоял и смотрел на Николая. Николай же откинулся в кресле и разглядывал джунгли за окном.

Ему вдруг вспомнился выпускной экзамен пятнадцать лет назад. Тогда межзвёздные перелёты уже не были в диковинку, что, впрочем, не уменьшало притягательности профессии космолётчика для многих миллионов людей. На пути их мечтаний мог встать не только огромный конкурс в Космическое училище, но даже самый рядовой экзамен в процессе обучения там. Вытягивать неудачников никто не собирался. Исключением не был и выпускной экзамен. Он состоял из порядка пятидесяти вопросов, причём не только по профильным дисциплинам, таким как космонавигация. Например, там содержались вопросы по созданию благоприятной психологической обстановки в экипаже и даже по правилам

установления контакта с внеземной цивилизацией (это при том, что к тому времени не удалось встретить ни одной). Экзамен проводился в письменной форме, и результат должен был стать известным через два дня после сдачи.

Однако уже на следующий день после написания экзамена Николая вызвал к себе пожилой профессор, декан факультета. Войдя в его кабинет, Николай увидел свою работу на столе. Подтвердились его самые худшие ожидания — всё дело было в ней.

— Я хотел поговорить с вами насчёт вашей работы, — сказал профессор, надевая очки. — В целом она производит хорошее впечатление, ответы чётки и ясны. В общем, работа подтверждает ваши оценки в предыдущие годы учёбы. И всё-таки поставить за неё “отлично” я не могу.

— Но почему? Если всё правильно? — невольно вырвалось у Николая.

— Всё-то, да не всё, — парировал профессор. — Что касается профильных дисциплин, то тут претензий нет. Да и с практическими занятиями вы всегда справлялись успешно, так что это неудивительно... Но вот в вопросе “перечислите основные правила поведения при первом контакте с инопланетным разумным существом” у вас ошибка. А на этот случай мне даны достаточно жёсткие инструкции. Вот вы перечисляете: “не показывать оружие, говорить спокойным голосом, попытаться определить какие-то общие понятия доступным для инопланетянина способом”. И так далее, и так далее...

— Ну да...

— Но вы забыли самое главное! Надо дать ему понять, что мы пришли с благими намерениями!

2

Рабочий день закончился, и толпы людей, уставших от дневной суеты, выплеснулись из дверей разнообразных фирм и фирмочек. Людская река растеклась по асфальту деловой части города, разделяясь на широкие — к метро и остановкам общественного транспорта — и более узкие потоки.

Николай всегда ощущал себя потерянным и одиноким в этой толпе. Вокруг мелькали сотни одинаковых равнодушно-безразличных лиц, внезапно появляясь и мгновенно растворяясь в мельтешении часа пик. Нити судеб на мгновение перекрещивались и тут же разъединялись, не оставляя друг на друге и следа.

Николай двигался в своём потоке по направлению к метро. С самого раннего детства метро внушало ему какой-то смутный, суеверный страх, и сейчас, в двадцать три года, он так до конца и не избавился от этого ощущения. Метро представлялось ему чем-то вроде живого существа, флегматично пережёвывающего свою пищу. С механическим клацаньем турникетов оно проглатывало очередную порцию людей, проталкивало её по пищеводу эскалатора туда, к поездам, которые уносили свои жертвы в глубь огромного тела этого подземного монстра.

Привычно работая локтями, Николаю удалось пробраться в середину вагона и занять относительно удобное место в вечерней давке.

По мере удаления от центра вагон пустел — насытившись, метро выплёвывало наружу, на свежий воздух недопереваренных, помятых в сутолоке людей. За несколько станций до дома вагон освободился настолько, что Николай смог найти себе сидячее место. До конца пути оставалось ещё минут пятнадцать, и он раскрыл книгу, чтобы скоротать время. “Мы пришли с благими намерениями”, — начал читать он.

3

Разговор с профессором затянулся тогда надолго, но, в конце концов, тот позволил Николаю дописать строчку о благих намерениях, тем более, место на стандартном экзаменационном бланке ещё оставалось.

Когда Николай вышел из здания, был уже полдень, и летняя жара плавила город. Листья на деревьях, казалось, пожухли и свернулись от зноя, но Николай не чувствовал жары, а только лишь невероятную усталость, как следствие нервного напряжения. Близость провала после пяти лет безупречной учёбы высосала все силы Николая.

Эти самые благие намерения запомнились ему на всю жизнь, вот и сейчас он вспомнил о них. По инструкции требовалось внушить аборигену, что он находится в безопасности, но как это сделать, если он не желает идти на контакт? Да даже если бы и шёл, попробуй-ка убеди его! Только сейчас осознал Николай всю глупость ситуации. Гулял себе абориген по джунглям, никого не трогал, вдруг его схватили и приволокли на базу, а потом ещё пытаются объяснить, что это для его же пользы. Какие уж тут благие намерения! Контакт в таких условиях невозможен, понял Николай. Мы сами себя загнали в пат.

Инопланетянина увели в его камеру, а Николай отправился в обход по базе. Он прошёл по этажам, заходя в многочисленные лаборатории, интересуясь ходом исследований. За этим занятием как-то незаметно подкрался вечер, болотными сумерками накрывший планету. Вскоре стемнело окончательно. Наступила ночь.

Выспаться Николаю, однако, в эту ночь было не суждено. Едва он закрыл глаза, как его разбудил пронзительный сигнал интеркома. Звонок шёл из биологического сектора. В это время все лаборатории уже закрыты, следовательно, произошло что-то чрезвычайное. Николай нажал кнопку приёма. На экране появилось лицо Аманды — главного биолога. В этот неурочный час она была в белом лабораторном халате с вышитым значком биологической службы, и только часто моргающие глаза выдавали то, что она была так же недавно разбужена. Не тратя времени на приветствия, оно коротко сказала: «Гуманоид исчез».

— Как исчез? — опешил Николай. Сонливость с него словно рукой сняло. — Куда?

— Неизвестно. Пятнадцать минут назад датчики зафиксировали его исчезновение. Камера показывает пустую комнату.

— Понял. Через пять минут буду, — сказал Николай и выключил интерком. Он вышел из комнаты и повернул красный рычаг у двери, объявляя общую тревогу. Тоскливо завывла сирена.

Когда Николай прибыл в биологический сектор, все учёные уже были в сборе. Связавшись с мобильными группами и направив их на поиски аборигена по базе, он отменил общую тревогу, сам же, прихватив с собой Аманду и ещё нескольких биологов, отправился к камере инопланетянина. По пути он выяснял подробности произошедшего.

Инопланетянин исчез в половине первого по времени базы. Камера зафиксировала, что до этого он, как и обычно, сидел неподвижно на стуле

у стены. Затем на пять секунд наступило затемнение, будто бы внезапно вырубился свет. Когда картинка проявилась, комната была уже пуста. Примечательно, что в записях показаний всех датчиков, следящих за узником, также обнаружили лакуны. Иначе говоря, исчезновение инопланетянина стало в буквальном смысле тайной, покрытой мраком.

Осмотр камеры гуманоида также ничего не дал — дверь комнаты, спешно переоборудованной в тюрьму, была заперта, замки нетронуты, а внутри — никаких следов инопланетянина.

Взбудораженная база успокоилась только к утру, когда поисковые группы прочесали всё здание и ближайшие его окрестности.

На следующие несколько дней жизнь на базе замерла — все земляне ломали голову над загадочным исчезновением инопланетянина, подозрительные взгляды ощупывали зелень зарослей за окном, а обычная работа шла по боку.

Ситуация изменилась только после прибытия земного корабля, чьё появление отвлекло внимание людей от бегства аборигена. К тому же с момента происшествия прошла уже почти неделя, и эта загадка успела всем наскучить, так что она с лёгкостью была переведена в разряд неразрешимых.

4

Николай жил на окраине города, к тому же довольно далеко от метро, поэтому домой он пришёл в восьмом часу, когда на улице начало смеркаться и зажглись редкие фонари, которым повезло остаться неразбитыми. Николай вошёл в подъезд параллелепипеда-многоэтажки, в которой обитал, и проверил свой почтовый ящик со смятой, незакрывающейся дверцей. Ящик был доверху набит газетным спамом, рекламирующим всё и вся. Среди рекламной пестроты с трудом обнаружались затесавшиеся туда счета за квартиру и телефон. Вытащив их из общей кучи, Николай оставил газетный мусор сверху на ящиках и направился к себе.

Пока разогревался ужин, Николай ещё раз просмотрел счета. Без рекламы не обошлось и здесь — под неё была отведена обратная сторона обеих квитанций. Причём и там, и здесь всё место занимало объявление одной фирмы. “ООО “Спите с нами”, — гласили крупные буквы. — Любой сон по желанию заказчика. Вам надоели серые будни? Жизнь потеряла для Вас смысл? Мы поможем Вам! ООО “Спите с нами” — мы сделаем Ваши мечты реальностью!”. Ниже был указан адрес и телефон.

Своевременно ребята подсуетились, подумал Николай. Сейчас, когда люди замкнулись в ритме муравейника-мегаполиса, как в колесе сансары, возрождаясь каждое утро для очередного прохода по циклу и забываясь на ночь во сне без сновидений, сейчас услуги этой фирмы, по-видимому, будут иметь спрос. Николай саркастически усмехнулся и отложил счета в сторону. В это время сковородка, еда на которой уже успела пригореть, решила напомнить о себе недовольным шипением, и Николай бросился на кухню к плите.

5

В тишине раздался резкий противный звук сигнала к пробуждению. В тот же момент комнату залил тусклый, мертвенный свет.

— Доброе утро, Николай, — произнёс до боли знакомый, лишённый всяких эмоций металлический голос.

— Уже утро?

— Шесть часов. Завтрак через пятнадцать минут.

Николай сел на кровати. Вокруг была привычная обстановка его комнаты-ячейки, квадратного помещения размером три на три метра с однотонными стенами неопределённо-серого цвета, без окон, зато с двумя дверями друг напротив друга. Одна дверь вела в санузел, другая — наружу. Также в комнате имелся крохотный деревянный стол с единственным стулом, которые занимали всё место между узкой койкой и входной дверью, а также серая металлическая конструкция у свободной стены.

Это был божок, своего рода искусственный интеллект, единственный собеседник Николая на протяжении вот уже многих лет. Сконструирован он был весьма необычно: две массивные стойки в форме спрямлённой буквы “С” соединялись горизонтальными балками на верхнем и нижнем концах. К верхней балке крепился шарообразный блок памяти. Между вертикальными частями стоек был установлен “мозг” божка — прямоугольный чёрный блок, снабжённый микрофоном и динамиком. Возле правой стойки располагался жёлоб с двумя старыми, архивными блоками памяти. Каждый из них был рассчитан на четыре года, в течение которых он накапливал информацию. По истечении этого срока появлялся робот-ремонтник с новым блоком. После замены божок мог использовать архивы только для чтения информации, интерпретировать же он был способен только данные из активного блока.

Кто и зачем придумал такую машину, Николай не знал, сам же божок также не смог дать ему ответа на этот вопрос. Тем не менее разговоры с божком составляли единственное занятие Николая — больше в тесной комнате делать было просто нечего.

Бесшумно отворилась дверь, и робот-разносчик принёс завтрак — какую-то пресную, но питательную баланду и напиток яркого оранжевого цвета со странным вкусом. Насытившись, Николай начал очередную бесконечную беседу:

— Божок, зачем я здесь? — этот вопрос уже стал традиционным. С него начиналось практически каждое утро.

— Мне недоступен ответ на этот вопрос.

— Где я был, прежде чем попал сюда? Что я там делал? Я не помню ничего, кроме этой комнаты.

— Моя память содержит данные за одиннадцать лет. Все годы ты находился здесь. До этого меня не существовало. Наверное, тебя не существовало тоже.

— Так не бывает. Ведь не из воздуха же я взялся!

— Мне недоступен ответ на этот вопрос. Если хочешь, я могу воспроизвести тебе наш первый разговор. Может, он будет тебе полезен.

— Нет уж, не надо. А то зависнешь опять на полдня, как в прошлый раз, так мне здесь совсем скучно станет...

— Божок, а почему ты называешься божком?

— Моё полное наименование — божок ЛР351-А стационарный. Можешь называть меня так, если тебе это будет удобней.

— Да я не о том. В чём смысл такого имени? Ведь бог — это высшее существо, а божок — идол, его изображающий. Какое высшее существо ты олицетворяешь, а?

— Вопрос твой весьма странен для меня, Николай. Я не знаю, о каком высшем существе ты толкуешь. Насколько мне известно, все существа равны.

— Не знаешь? Что ж, другого я от тебя и не ожидал. Но я, пожалуй, скажу тебе. Я долго думал и понял, что именно ты олицетворяешь. Ты олицетворяешь идею. Идею несвободы.

— Но ты свободен.

— Где ж свободен, если я сижу здесь взаперти вот уже одиннадцать лет в этой... клетке?! И ты, божок, приставлен ко мне сторожем. Что же тогда есть свобода?

— Свобода — это то, что ты сам понимаешь под этим словом. Ты считаешь, что свобода — это возможность выйти за дверь. Твоя проблема в том, что ты сам не хочешь сделать свои пять шагов до свободы. Клетка существует лишь в твоей голове, ты сам загнал себя в неё. Фактически, ты свободен, и одиннадцать лет назад ты был свободен. Но по-настоящему свободным ты станешь лишь тогда, когда сам осознаешь это в полной мере и ни секундой раньше.

Николай не нашёлся, что ответить. Он никак не ожидал от машины подобной проповеди. Хотя произнесена она была ровным механическим голосом, эффект речь божка произвела колоссальный.

Повинуясь какому-то безотчётному импульсу, Николай вскочил на ноги и в два прыжка оказался у выхода. Он рывком распахнул дверь...

Вверх и вниз и во все стороны простиралась голубизна неба, сияющая и ослепительная, уходя в бесконечность по всем направлениям. Чистоту небесной беспредельности нарушали лишь редкие эфемерные облачка да два ряда серых прямоугольников дверей, одной из которых была дверь комнаты Николая...

6

Корабль с Земли привёз новых учёных и дополнительное оборудование — планету признали перспективной, и её исследования расширились, — однако главной целью его прилёта был инопланетянин. Узнав о его исчезновении, командир корабля попытался даже затеять собственное расследование сопутствующих обстоятельств, но быстро убедился в тщетности этого занятия и прекратил свои изыскания. Через неделю корабль отправился в обратный путь, и жизнь базы начала входить в привычное русло.

На третий день, однако, случился очередной сюрприз. В середине дня, когда Николай только вернулся из северной части купола, где он наблюдал за подготовкой экспедиции океанологов, отправляющейся к океану на обратной стороне планеты, его опять вызвала по интеркому главный биолог Аманда.

— У нас гости, — сказала она.

— Кто?

— Десяток аборигенов у границы защитного поля, на северо-запад от базы.

— Что они делают? — Николай, как и подобает командиру экспедиции, говорил спокойным и уверенным голосом.

— Ничего. Стоят и, по-видимому, ждут, когда мы их выпустим.

Николай вывел картинку с внешней камеры на монитор. Десять аборигенов действительно стояли возле силового поля, построившись в треугольник, и терпеливо ждали, не пытаясь ничего предпринять. Оружия у них, похоже, не было, лишь передний инопланетянин держал в руках небольшую чёрную коробочку, но она, скорее, напоминала какой-то научный прибор, нежели что-либо другое. После минутных сомнений Николай решил пустить гостей внутрь. Как только в силовом поле образовалось окно, они синхронно, будто роботы, двинулись вперёд. Николай в этот момент даже подумал о коллективном разуме.

Пройдя половину расстояния до базы, аборигены остановились, ожидая ответных действий землян.

Атмосфера планеты была земного типа, поэтому выход наружу не требовал дополнительной подготовки, так что вскоре группа землян отправилась навстречу делегации аборигенов. Впереди всех шёл Николай, сразу за ним следовали ведущие учёные экспедиции, а поодаль на всякий случай маячили скрывающие оружие охранники.

Приближаясь к инопланетянам, Николай разглядывал их, пытаясь определить, есть ли среди них бывший пленник. Сделать это было весьма затруднительно — лица аборигенов мало отличались одно от другого, рост же и комплекция и вовсе были одинаковыми.

Вскоре делегации сошлись, и предводительствующий абориген издал звуки, отдалённо напоминающие человеческую речь, однако фонетически более богатую. Договорив, инопланетянин щёлкнул каким-то невидимым переключателем, и коробочка, которую он держал в руках, произнесла:

— Здравствуйте, посланцы Земли! Мы пришли, чтобы установить контакт, как вы это называете. Находясь в вашем куполе, я понял, что вы достойны этого. А теперь я прошу вас следовать за мной.

— Простите, но почему и куда должны мы идти с вами? — удивился Николай.

— У нас мало времени. Портал далеко и вот-вот закроется. Я прошу вас поверить мне. Я всё вам расскажу по дороге.

— Но мы могли бы воспользоваться вездеходом. Тогда путь отнимет гораздо меньше времени.

— Возле Портала не действуют никакие устройства, даже мой переводчик будет там бесполезен. Прошу вас, пойдёмте, мы только лишь зря теряем время. И пожалуйста, не надо охраны — мы как и вы руководствуемся благими намерениями. Вы ведь сами пытались мне это внушить.

Договорив, абориген опустил руку с переводчиком вниз, показывая, что разговор окончен. Подождав с минуту, делегация инопланетян развернулась и отправилась прочь. Николай быстро переглянулся со своими спутниками. Большинство ответило на его взгляд утвердительным кивком, и земляне поспешили за удаляющимися инопланетянами.

7

— Божок, зачем я здесь?

— Мне недоступен ответ на этот вопрос.

Начинался очередной день. Накануне Николай так и не смог перебороть себя и переступить порог. И дело было даже не в боязни провалиться в

пустоту — Николай понимал, что пустота иллюзорна, ведь удавалось же роботам перемещаться там, не падая, — страх неизвестности не пускал Николая наружу. Здесь он заранее и наверняка знал, что его ждёт завтра, и через неделю, и даже через год, знал, что здесь он всегда будет обеспечен баландой и однотипными разговорами с божком. Там же, за дверью, его ожидала абсолютная неопределённость, шагнуть в которую он так и не решился.

— Божок, неужели я буду сидеть здесь вечно?

— Что есть “вечно” в твоём понимании?

— До конца жизни... Почему я не могу освободиться?

— Ты сам должен дать себе ответ на этот вопрос. Свободным снаружи ты станешь только тогда, когда освободишься внутри, я уже говорил тебе.

— Когда же это произойдёт?

— Мне недоступен ответ на этот вопрос.

В бесплодных беседах прошёл весь день...

Этой ночью Николаю не спалось. Он лежал на спине и вглядывался в темноту. Она давила непроницаемостью — искусственное освещение выключалось с сигналом отбоя, а естественному в закрытой комнате взяться было неоткуда.

Николай вспоминал все свои неудавшиеся попытки освободиться, коих за последние одиннадцать лет накопилось немало, вспоминал, как стоял на пороге, не в силах сдвинуться с места, и как раз за разом он всё-таки закрывал дверь и оставался в комнате. Стать свободным внутри, чтобы освободиться и снаружи — была своя правда в этих словах. А может быть, настал момент?

Николай встал с кровати и подошёл к двери. За время сидения заперти он настолько хорошо изучил помещение, что темнота не составляла для него препятствия. Он распахнул дверь — за ней было светло как днём, и уходило в бесконечность голубое небо. В этих условиях мрак комнаты практически ощущался кожей — вопреки всем законам физики в помещение не проникало ни лучика света. Николай зажмурил глаза и шагнул вперёд. Ничего не произошло: земля не разверзлась, небо не обрушилось, а под ногами ощущалась привычная твёрдость.

Николай открыл глаза и едва не закричал — под ногами сверкала пустота; визуально казалось, будто он завис в небе. Николай присел на корточки и ощупал то место, где, как он предполагал, должен был находиться пол. Пальцы ощутили сухую шероховатость бетона.

Успокоенный, он встал и обернулся назад. Из чёрного провала двери, казалось, тянуло каким-то сверхъестественным холодом. Никогда он не думал, что комната, которую он считал самым спокойным и безопасным местом в мире, может выглядеть вот так.

Переборов страх, он протянул руку в темноту и, нащупав гладкую ручку двери, с силой захлопнул её, отсекая ставшую чужой комнату от коридора. Хлопок двери прокатился громом и исчез, оставляя Николая наедине с тишиной и ощущением свободы.

8

Зазвенел будильник, возвещая новый день. Быстрый завтрак и вниз — к метро, туда, где офис, компьютер, телефон, беготня и суета... Новый день — всего лишь очередной виток жизненного цикла, слабо отличимый от того,

что был вчера, или от того, что будет завтра. Эта мысль свербила в мозгу у Николая всё то время, что он ехал на работу. В течение дня её вытеснили из сознания другие мысли, порождённые круговертью дел, но Николай знал, что не сегодня, так завтра она обязательно вернётся.

Рабочий день тем не менее пролетел незаметно, как бывает всегда, когда есть чем заняться, и Николай отправился домой уставший, но в хорошем настроении.

Уже спускаясь в метро, Николай вспомнил, что днём ему позвонил школьный приятель и пригласил после работы на свой день рождения. Николая приглашение удивило — с этим человеком они в последние несколько лет виделись крайне редко, но он пообещал прийти.

Добравшись до нужной станции, Николай по пути к приятелю зашёл в магазин, чтобы купить какой-нибудь символический подарок. Пока он находился внутри, снаружи начал накрапывать мелкий дождик, когда же Николай вышел, дождь зарядил со всей весёлой молодецкой удалью, свойственной летнему ливню. Воздух был тёплый, и дождевые капли не охладили — прогуляться под ними было даже приятно. Тем не менее к концу пути Николай промок уже насквозь, впрочем, та же участь постигла и других гостей.

На дне рождения было шумно илюдно — из знакомых Николаю людей пришло несколько одноклассников, большинство же гостей он вообще в первый раз видел.

Николай не любил подобных массовых сборищ, он предпочитал встречаться более узкой компанией, где можно было спокойно пообщаться. В таких же ситуациях все, как правило, начинали говорить разом, и понять что-либо из общей беседы представлялось весьма проблематичным, поэтому Николай в ней обычно не участвовал, ограничиваясь разговорами с ближайшими соседями по столу.

В этот раз слева от Николая сидела незнакомая ему темноволосая девушка лет двадцати пяти, справа же стояла кадка с фикусом.

— Аманда, — представилась девушка, когда Николай решил с ней познакомиться.

— Необычное имя, — ответил он.

— Так уж родители назвали, — улыбнулась она.

Постепенно Николай и Аманда разговорились и перешли на “ты”. В ходе беседы выяснилось, что работает она в фирме, реклама которой была на вчерашних счетах — ООО “Спите с нами”.

— И чем занимается твоя фирма? Действительно любой сон сооружает по заказу, или это так, для отвода глаз анонсировано?

— Действительно. Для клиентов у нас специальные капсулы — они подключаются к мозгу и создают соответствующие иллюзии.

— И что, есть желающие?

— Достаточно много. У нас даже постоянные клиенты имеются.

— Но тогда получается, ваша капсула — что-то вроде наркотика.

— Ну не знаю. Люди ищут свободы, и мы её им даём...

— Но разве это свобода? — Николая тянуло пофилософствовать на эту тему, благо выпито было к тому времени уже изрядно. — Ведь ты сама

говоришь, что вы создаёте иллюзию. А иллюзия свободы — это далеко не свобода, это порой может быть даже хуже рабства! Люди приходят к вам, чтобы избавиться от чего-то... от проблем, от рутины, не важно, от чего. Но через час, или сколько там у вас длится сеанс, они снова попадают в те же проблемы, в ту же рутину. Это ли не удар? Сильный человек, конечно же, плюнет на это и больше не придёт, для слабого же это может стать страшнейшим наркотиком, слезть с которого ему не удастся за всю оставшуюся жизнь. Нет ничего более жестокого, чем наркотик свободы!

— Ты слишком категоричен, видишь только чёрное и белое. А что, если этот глоток свободы раз в неделю помогает людям выживать под грузом их проблем? Подумай над этим! А вообще, тебе не помешало бы прийти и самому убедиться, что всё не так страшно, как ты себе малюешь.

— Нет уж, спасибо. Мне, конечно, многое не нравится в моей жизни, но добровольно менять её на иллюзию, суррогат я не намерен. Тут мы к согласию не придём, только поругаемся, так что давай-ка сменим тему.

День рождения затянулся до глубокой ночи, и Николай с Аmandой успели поговорить ещё о многом. К теме свободы они, однако, в этот вечер больше не возвращались.

9

Николая переполняло ощущение свободы: он был свободен делать, что хочет, он был никому неподконтролен и мог идти куда угодно, однако первые несколько минут стоял неподвижно посреди коридора, привыкая к новому для себя статусу.

Было время сна, но спать ему совершенно не хотелось, значит, надо идти. Николай огляделся: по обеим сторонам “небесного” коридора тянулись ряды дверей, между которыми, очевидно, находилась стена, так что возможных направлений движения оставалось всего два. Не озабочиваясь по поводу выбора одного из них, Николай просто пошёл вперёд мимо череды совершенно одинаковых дверей.

Коридор закончился через пять минут — нога провалилась в пустоту, и Николай едва кубарем не покатился вниз — это началась лестница. С превеликой осторожностью спустившись по ней, Николай увидел ещё один коридор, точно такой же, как и предыдущий. Сквозь небесный потолок двери верхнего яруса были не видны, что, впрочем, ничуть не удивило Николая, однако он постарался пройти этот новый коридор побыстрее. Лестница в конце его, вопреки ожиданиям, вела наверх. Подъём вслепую занял времени даже больше, чем спуск. И вновь — коридор, причём не совпадающий с первым — лестница не делала поворотов.

Тут нервы Николая не выдержали, и он побежал. Он потерял счёт коридорам и лестницам, на которых он запинался, падал, вставал и снова бежал, и которым не было конца. Он бежал, пока совсем не обессилел. В висках бешено стучало, и Николай опустился на пол, чтобы успокоить пульс. Пол оказался холодным, но встать уже не было сил, ни физических, ни моральных.

Николай лёг на пол и уснул тяжёлым беспробудным сном.

Проснувшись наутро, Николай решил не паниковать и оценить ситуацию трезво. Во-первых, он окончательно заблудился. Во-вторых, если бы и не заблудился, это бы ему ровным счётом ничего не дало. И в-третьих, он

очень хотел есть, и не меньше — пить. Следовательно, первоочередная задача — раздобыть пропитание.

По ощущениям Николая сейчас был как раз час разноски пищи, значит, надо было всего лишь поймать робота-разносчика и позаимствовать у него немного еды. На практике всё оказалось гораздо сложнее — роботы со своими тележками ловко уворачивались от Николая, когда он заступал им путь, двери же в комнаты они открывали ровно настолько, чтобы пройти самим и не пропустить Николая. Когда он попробовал подкараулить разносчика на выходе, тот не появлялся, пока Николай не сдался и не отошёл от комнаты. Он даже пытался открыть некоторые двери, но те не поддавались, словно были заперты, хотя он видел, что роботы спокойно проходят внутрь, не встречая сопротивления.

Вскоре час разноски закончился, и Николай остался голодным. Весь день он бесцельно бродил по этажам. Под вечер, подойдя к одной из дверей, он вдруг заметил на серой краске слабо различимую надпись “ЛК027-А” почти того же цвета, что и сама дверь. Подобная надпись обнаружилась и на соседней двери, и на всех остальных. Номера образовывали возрастающую последовательность. Дойдя по ним до номера ЛР351-А — номера своего божка, — он толкнул дверь. Она на удивление легко поддалась. Внутри за его столом сидел лысый пожилой человек. Он ошарашенно уставился на Николая, и тот захлопнул дверь.

На третьи сутки от голода пустой желудок скручивало болью, а во рту пересохло так, что Николай едва мог пошевелить языком. Он сдался и уже не пытался никуда идти — просто сидел, привалившись к стене, решив тихо и спокойно умереть.

Внезапно в конце коридора возникло тёмное пятно и стало приближаться. Галлюцинации, подумал Николай. Когда пятно увеличилось настолько, что приобрело конкретные очертания, стало понятно, что это девушка, одетая в чёрные джинсы и чёрную же кожаную куртку, застёгнутую на “молнию” до горла. Длинные тёмные волосы были собраны в хвост.

— Привет, — сказала девушка, подойдя. — Меня зовут Аманда.

10

Уже больше часа продолжалось путешествие через джунгли. Привычные к таким условиям инопланетяне быстро и ловко пробирались сквозь заросли, и земляне, отбиваясь от веток, норовящих заехать им по лицу, едва поспевали за ними. Отстать было нельзя — с расстояния аборигены становились совершенно неразличимы среди зелени.

Когда на пути попадались менее заросшие участки, Николай беседовал с инопланетянином, у которого имелся переводчик. Вопросов было много, а время поджимало, поэтому разговор получался несколько сумбурным.

— Почему вы не отвечали на наши попытки установить контакт, когда находились на базе? — спрашивал Николай.

— Мне необходимо было определённое время, чтобы оценить вашу цивилизацию, к тому же у меня отсутствовал переводчик, а общаться с помощью маловразумительных жестов недостойно представителей двух развитых культур. Кстати, можешь обращаться ко мне на “ты”, по-моему, раньше ты так и делал.

— Хорошо. Но как тебе удалось исчезнуть с базы?

— Я мог бы тебе ответить, но ты всё равно не поймёшь — ваша цивилизация ещё не доросла до этого. Просто прими, как должное, что мы можем быстро и легко перемещаться в пространстве. Сейчас мы могли тоже прийти прямо на вашу базу, а не ждать у внешнего периметра, но решили, что подобное вторжение будет невежливым. Однако вы долго нас не впускали, и теперь надо торопиться — до закрытия Портала остаётся очень мало времени.

— Кстати, что это за Портал? Ты говорил, что возле него не работают никакие приборы. Но мы в своё время тщательно обследовали территорию вокруг базы и с подобной аномалией не сталкивались.

— Вы и не могли с ней столкнуться. Портал открывается раз в столетие, во время большого парада планет, и закрывается ровно через сутки. Мы сами не знаем, по какому принципу он устроен, но предполагаем, что его оставила какая-то древняя цивилизация, побывавшая на планете ещё до нашего появления. Пока Портал открыт, через него может пройти одно разумное существо. Тогда ему откроется особое знание, связанное с проблемами его цивилизации.

— Если только одно существо может воспользоваться Порталом, то почему вы уступаете это право нам?

— У нашей цивилизации нет проблем.

— А у нашей, получается, есть?

— Есть.

— И какие, если не секрет?

— У вас множество проблем. Я, конечно, не успел изучить все — слишком недолго я пробыл на вашей базе. Но очевидно, что основная ваша проблема — это проблема свободы.

— Неужели? И в чём же она выражена?

— Да во всём! Вы просто не желаете этого замечать. Вот посуди сам: вы прилетели на планету, которую считали необитаемой, навезли с собой целую армию охраны и, в довершение всего, спрятались от окружающего мира внутри силового кокона. Кого и от кого надо так охранять?

— Но это простая предосторожность!

— Как же, предосторожность. Вы охраняете себя от себя же. Вы сами ограничиваете свою свободу, но не желаете это признавать. Но что толку спорить — скоро один из вас пройдёт через Портал, и вы сами во всём убедитесь.

Вскоре Николай не смог больше общаться с инопланетянином — у того отказал переводчик. Ещё через час путники достигли Портала.

Портал располагался на небольшой поляне и вполне оправдывал своё название. Это была высокая белая арка с ребристой, как у древних колонн, поверхностью. Внутри арки словно повисла дымка — очертания предметов, находящихся за ней, размылись и выглядели нереальными.

Рассматривая сооружение, земляне обошли его кругом. Стоявшие поодаль инопланетяне делали приглашающие жесты, напоминая о том, что надо поторапливаться.

Земляне пару минут посовещались, и Николай шагнул в арку. В тот же миг его поглотила тьма...

11

На следующий день Николай проснулся в двенадцатом часу. Голова раскалывалась, а горло саднило, будто бы он накануне накричался где-нибудь на футбольном матче.

После работы столько пить нельзя, подумал Николай и решил прогуляться и проветрить тяжёлую голову, тем более была суббота, и время его не ограничивало.

Завтракать не хотелось, и после длительного умывания холодной водой, которое, однако, не помогло, Николай пошёл на улицу.

На улице было уже жарко — июнь, и голова не проходила, а наоборот, заболела ещё сильнее. Теперь мысль о том, чтобы забыться в искусственном сне, уже не казалась крамольной — по крайней мере, во сне головная боль не будет ощущаться. К тому же в кармане обнаружилась визитка Аманды, “старшего оператора морфеокапсулы”, с указанием адреса фирмы, и Николай подумал, а почему бы один раз не попробовать?

Он добрался на метро до центра и, поплутав, нашёл серое здание со скромной, неприметной табличкой “ООО “Спите с нами””. Справившись об Аманде и узнав, что она сегодня работает, он прошёл в её кабинет.

— Ты же вроде был против любых иллюзий? — удивилась Аманда его появлению.

— Ну... я подумал, что от одного раза ещё никто не умирал, — ответил Николай.

— И какой же сон ты хочешь посмотреть?

— Даже не знаю... — замялся Николай. — Не думал об этом. Подбери какой-нибудь на свой вкус.

— Хорошо, — Аманда пробежала пальцами по клавишам компьютера. — Проходи в соседнюю комнату к капсуле.

Капсула представляла собой металлическую конструкцию в форме сигары, окрашенной в белый цвет. Сверху на ней была крышка, открыв которую человек мог попасть внутрь. Голова фиксировалась с помощью некоего подобия оплётённой проводами каски. Рядом с капсулой находился небольшой пульт, от которого к ней тянулся довольно толстый кабель.

— Готов? — спросила Аманда. — Тогда залезай.

Николай послушался. Аманда закрыла крышку и, сказав что-то вроде “включаю”, нажала широкую кнопку на пульте.

Николай провалился в сон...

12

— Однако найти тебя было непросто, — произнесло привидение, назвавшееся Амандой.

Николай попытался сказать что-то в ответ, но пересохшее горло смогло исторгнуть из себя лишь невнятный хрип.

— Да ты, наверно, голодный? — сказала Аманда. — Ну ничего, тут недалеко. Ты иди-то хоть можешь?

Николай утвердительно кивнул и поднялся на ноги. Аманда повела его за собой по коридорам, уверенно преодолевая невидимые лестницы, словно вовсе их не замечая, и Николаю с трудом удавалось не отстать. В

итоге они остановились у двери с совсем уж неразличимой надписью “Служебная лестница”.

Аманда открыла дверь и стала спускаться, Николай последовал за ней. Теперь идти стало легче — эта лестница уже не была невидимой. Она состояла из многочисленных пролётов в пять железных ступеней, в конце каждого из которых располагалась узкая площадка, на которой лестница делала поворот.

Спустившись вниз, Николай и Аманда оказались в длинном помещении с каменными стенами, в котором над огромными чанами суетились сотни роботов. Судя по запахам, тут находилась кухня.

— Готовая пицца в дальнем конце, — сказала Аманда. — Возле чанов обычно достаточно черпаков. Иди и наедайся, а потом возвращайся сюда, я тебя буду ждать. Этих роботов не бойся — они только повара и тебя не тронут, если же появятся другие, маленькие — сразу же беги. Постарайся управиться побыстрее — у нас мало времени.

Наконец-то Николай чувствовал себя сытым. Он поел впервые за последние дни, и теперь его клонило в сон. Однако Аманда ему расслабиться не дала и вновь потащила за собой по каким-то мрачным сырým подвалам и переходам.

Монотонность помещений притупляла восприятие, и тем неожиданной оказалось открытое пространство, резанувшее солнечным светом по глазам, когда Николай и Аманда всё-таки вышли из здания после долгих блужданий.

Вскоре зрение адаптировалось к новым условиям, и Николай смог оглядеться вокруг. Откуда-то из глубин памяти стали вдруг всплывать подзабытые понятия: луг, деревья, трава, ветер. Николай понял, что когда-то давно он всё это уже видел.

— Теперь мы выбрали, и можно не спешить, — сказала Аманда. — Вижу, ты потрясён. Спрашивай, если хочешь что-то узнать, может быть, я смогу тебе ответить.

— Что это за место? — спросил охрипшим от волнения голосом Николай.

— Земля, — пожала плечами Аманда. — А ты что думал, мы на другую планету попали?

— А то место, где я был, что это?

— Это Дом. Может, он имеет какое-то более осмысленное название, но мы привыкли называть его именно так, с большой буквы. Когда мы отойдём подальше, ты увидишь, насколько он огромен — его стены скрываются за горизонт.

— Но зачем он нужен, этот Дом?

— Вопрос непростой... Кому-то в своё время показалось, что нужен. Это было что-то вроде глобального эксперимента. Земля тогда страдала от перенаселения, и объединённое правительство планеты решило провести своеобразную селекцию. По всему миру были построены подобные Дома, и в них заключили всё население Земли. Прежде чем заточить человека в его ячейке, ему стирали память. Те, кому удавалось освободиться, оставались жить на воле, остальные же обрекались на смерть в плену Дома без права на потомство. Чтобы система не рухнула до появления первых освободившихся, было построено огромное количество роботов — от поваров до

божков, — поддерживающих её функционирование. Управление Домами поручили специальным компьютерам — Оракулам. Оракулы также предназначены для возвращения памяти освободившимся.

— Но неужели те, кто создал эту систему, не понимал, что она бесчеловечна?!

— Понимали. Только кого это волновало?

— И многим удаётся освободиться?

— Увы, нет. Большинство просто не находит выхода, и их водворяют обратно, стерея повторно память. Поэтому мы и стараемся помочь тем из них, до кого успеваем добраться.

— “Мы” это кто?

— Мы — это люди, живущие в городе там, за лесом, — показала Аманда направление. — Многие из нас освободились уже давно, кто-то совсем недавно. Нам удалось добыть карту Дома со всеми техническими переходами, и мы теперь можем перемещаться по нему незаметно для Оракула. Ты тоже будешь жить в нашем городе, но сначала нам нужно сходить к Оракулу, чтобы он вернул тебе память и признал как поселенца. Так что вставай, путь неблизкий.

Камера общения с Оракулом располагалась на высоте примерно пятидесяти метров на массивном столбе, подпёртом с трёх сторон внушительными наклонными балками, а с четвёртой — крутой узкой каменной лестницей без перил. Сама же камера напоминала большую зелёную тыкву с двумя серыми створками раздвижных дверей.

— Иди, — сказала Аманда. — Чем скорее ты закончишь, тем скорее мы отсюда уйдём. И старайся не смотреть вниз, а то голова закружится.

Николай осторожно начал подъём. Через пять минут он был наверху. Двери раздвинулись, когда ему оставалось пять ступеней. Остановившись на пороге, чтобы отдышаться, он оглянулся назад. Аманда, увидев это, что-то крикнула ему снизу. Николаю показалось, что это было слово “заходи”, и он зашёл.

В комнате за столом сидели двое. Один, помоложе, был одет полетнему — в светлые штаны и рубашку с короткими рукавами. Тот, что постарше, был облачён в форму. Несмотря на разницу в возрасте, они походили друг на друга как братья, и черты их лиц казались Николаю смутно знакомыми.

Двери за спиной закрылись...

13

— Всё, капсула закрылась. Теперь они нам для наблюдения недоступны, — сказала Аманда, снимая мнемощлем. В сгустившейся темноте выделялись оранжевые круги света от настольных ламп да тихо гудело оборудование.

— Долго они будут совещаться? — спросил один из ассистентов.

— Не знаю. Возможно, до утра. Главное, что мы угадали с мотивом свободы, и нам не придётся начинать процесс заново. Необходимые данные у них есть, так что всё должно получиться.

— Аманда Васильевна, но ведь это — Нобелевская премия! — воскликнул второй ассистент.

— Поживём — увидим. Всё. Я пошла домой. Знаете, это весьма утомительно — находиться сразу в трёх местах... и в трёх возрастах. Наблюдай-те за пациентом. Если что-нибудь случится — сразу звоните.

— Как ты думаешь, кто из них останется? — спросил первый ассис-тент, когда Аманда ушла домой.

— Мне кажется, капитан. Он — наиболее сильная личность из трёх, — ответил второй.

— А мне кажется, житель города. Он ближе всех к реальности.

— Пари?

Три Николая сидели за столом, присматриваясь друг к другу и ниче-го не говоря. Перед каждым из них лежала бумажка, сообщавшая им, что они — три личности одной множественной личности.

“По последним исследованиям, — также было написано там, — от-дельно взятая личность множественной личности, будучи изолирован-ной от реальности, создаёт свой собственный, наиболее подходящий для неё мир. Если человек, страдающий множественностью личности, нахо-дится без сознания, то подобную операцию можно провести со всеми его личностями. При определённом вмешательстве в миры каждой личнос-ти, апеллируя к их определённым общим чувствам, можно добиться того, что все личности встретятся в одном месте...”.

— Ночь длинная, а делать всё равно нечего, пока эти не договорят-ся... Может, в картишки?

14

Николай проснулся в залитой солнечным светом одиночной палате. Часы на стене показывали девять. Николай потянулся и сел на кровати. Через секунду открылась дверь и вошла Аманда.

— Доброе утро, — сказала она.

— К-кто вы?

— Я ваш доктор.

— Слушай, мы оба были неправы.

— Ты о чём?

— Ну, насчёт личностей. Это не капитан и не горожанин.

— Но не может же...

— Сам посмотри, если не веришь.

“Заикание неестественно”. — “Будь натуральной”. — “Они должны думать, что ты остался один, иначе нам отсюда не выбраться”. — “Да от-станьте вы, не мешайте! Помню я всё!”.

— Что, простите? — спросил Николай, не услышав обращённой к нему реплики.

— Я говорю, как вы себя чувствуете? — повторила Аманда.

— А... Я чувствую себя отлично, — ответил Николай и улыбнулся.

г. Ярославль.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.
Телефон/факс: (7172) 39-38-06.
Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.
Сайт: www.niva-kz.narod.ru
E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Г. К. Байзакова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 09.07.2009 г.

Подписано к печати 10.08.2009 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 3926.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.